

Свобода выражения мнения в рамках Европейской конвенции о защите прав человека (Статья 10)

INTERIGHTS руководство для юристов | текущее издание по состоянию на ОКТЯБРЬ 2009 Г.

Издание подготовили

ВНЕШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/
АВТОРЫ

Дидре Фотрелл
Сиан Льюис-Антони
Мишель Кнорр

ШТАТНЫЕ РЕДАКТОРЫ/
АВТОРЫ

Рейчел Флитвуд
Ваге Григорян
Дойна Яна Стрейстиану
Дина Ведерникова

Состав INTERIGHTS

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Денни Сильверстоун

ДИРЕКТОР ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ (ДЕКРЕТНЫЙ ОТПУСК)

Андреа Кумбер

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Хелен Даффи

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Джоан Сойер

ДИРЕКТОР ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКЕ, СТАРШИЙ ЮРИСТ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА

Иан Берн

РУКОВОДИТЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ
И РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ

Амана Даводу-Вода

РУКОВОДИТЕЛЬ ФАНДРЕЙЗИНГА
И КОММУНИКАЦИЙ

Сара Харрингтон

РУКОВОДИТЕЛЬ ПО ФИНАНСАМ

Ирина Пелешко

СТАРШИЙ ЮРИСТ,
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК

Весселина Вандова

ЮРИСТ, АФРИКА

Джуди Одер

ЮРИСТ, АФРИКА

Соломон Сакко

ЮРИСТ, РАВНОПРАВИЕ

Подриг Хьюс

ЮРИСТ, РАВНОПРАВИЕ

Сибонгиле Ндаше

ЮРИСТ, ЕВРОПА

Константин
Кожокариу

ЮРИСТ, ЕВРОПА

Софио Джапаридзе

ЮРИСТ, ЕВРОПА

Юрий Марченко

ЮРИСТ, ЕВРОПА
(ДЕКРЕТНЫЙ ОТПУСК)

Дина Ведерникова

КОНСУЛЬТАНТ, БЕЗОПАСНОСТЬ
И ПРАВОПОРЯДОК

Стив Костас

КООРДИНАТОР
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ЕВРОПА/
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА

Арпине Аветисян

КООРДИНАТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПРАКТИКИ, АФРИКА / ЮЖНАЯ АЗИЯ /
РАВНОПРАВИЕ / БЕЗОПАСНОСТЬ
И ПРАВОПОРЯДОК

Мони Шреста

ОТВЕТСТВЕННАЯ
ЗА ИНФОРМАЦИЮ И ПУБЛИКАЦИИ

Рейчел Флитвуд

ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ФАНДРЕЙЗИНГ

Вики Ллойд

АДМИНИСТРАТОР
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Хлои Маронг

АССИСТЕНТ ПО ФИНАНСАМ

Уре Ннана Калу

АДМИНИСТРАТОР ПО ПЕРСОНАЛУ

Мишель Вудбайн

Совет директоров INTERIGHTS

Лорд Лестер оф Хёрн Хилл QC,
ПОЧЁТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРОФЕССОР Джереми Макбрайд ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Присцилла Ашун-Сарпи КАЗНАЧЕЙ
Профессор Кристин Чинкин
Тим Айк

Анн Лаппинг
Доктор Невилл Линтон
Александра Маркс
Профессор Рейчел Мюррей
Донча О'Коннелл
Эмма Плейфейр
Доктор Линн Велчман

Международный консультативный совет INTERIGHTS

Профессор Филип Алстон
Флоренс Бутегва
Сурия Викремасинге
Профессор Яш П. Гай
Профессор Джерард Квинн
Вивиана Крстичевич

Марек А. Новицки
София Пикадо
Асма Хадер
Профессор Мартин Шейнин
Роджер Эррера

РАБОТА С НАСТОЯЩИМ РУКОВОДСТВОМ

Настоящее руководство разработано региональной программой INTERIGHTS по Европе для использования в рамках образовательных проектов на территории Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Цель данного руководства - служить справочным пособием для юристов по Европейской конвенции о защите прав человека.

В настоящее руководство включены решения Европейского Суда по правам человека, принятые вплоть до 13 октября 2009 года. Названия дел указаны в их английском написании для того, чтобы пользователи имели возможность находить эти дела в других источниках и системе HUDOC Европейского суда по правам человека. Ответственность за возможные ошибки, упущения и недоработки лежит на авторах.

Руководство в альтернативном формате можно получить, обратившись в нашу организацию.

ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ

INTERIGHTS выражает признательность всем, кто принял участие в подготовке настоящего руководства. INTERIGHTS благодарит своих многочисленных стажёров и волонтеров, принимавших участие в исследованиях и подготовке текста настоящего руководства.

INTERIGHTS выражает признательность Фондам открытого общества за финансовую и иную поддержку в опубликовании данного руководства на английском языке и его переводе на русский язык.

Опубликовано
Организацией INTERIGHTS
Lancaster House
33 Islington High Street
London N1 9LH
UK

Тел.: +44 (0)20 7278 3230
Факс: +44 (0)20 7278 4334
Эл. почта: ir@interights.org
www.interights.org

© INTERIGHTS 2010 г.

Все права защищены. Ни одна часть настоящей публикации не может быть воспроизведена без получения предварительного разрешения издателей. Настоящая публикация является интеллектуальной собственностью INTERIGHTS. Настоящая публикация может частично или полностью передаваться в любой форме и любым способом – с помощью электронных и механических средств, ксерокопий, записей или любыми другими средствами без предварительного разрешения издателей.

Содержание

1	ВВЕДЕНИЕ	1
	1.1 Общий обзор	1
	1.2 Кто может претендовать на свободу выражения своего мнения?	3
	1.3 Сфера применения права на свободу выражения своего мнения	4
	1.3.1 Запрещенные формы выражения: подстрекательство к насилию и разжигание ненависти	4
	1.3.2 Формы выражения	7
	1.3.3 Средства выражения	8
	1.3.4 Право воздерживаться от выражения мнения	8
	1.3.5 Свобода придерживаться своего мнения	8
	1.3.6 Свобода информации	8
	1.3.7 Статья 10 и частная жизнь	10
2	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ СТАТЬИ 10	11
	2.1 Отрицательные обязательства	11
	2.2 Положительные обязательства и горизонтальный эффект Статьи 10	11
3	ДОПУСТИМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ: ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	14
4	ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 10	16
	4.1 Обязанности и ответственность	16
	4.2 Журналисты и свобода прессы	19
	4.3 Предварительная цензура	20
	4.4 Вмешательства, предусмотренные законом	21
	4.5 Законные цели	24
	4.5.1 Интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка	25
	4.5.2 Предотвращение беспорядков или преступлений	27
	4.5.3 Защита здоровья или нравственности	29
	4.5.4 Защита репутации и прав других лиц	30
	4.5.5 Предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально	33
	4.5.6 Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия	34
	4.6 Ограничения, необходимые в демократическом обществе	37
	4.6.1 Пределы свободы усмотрения	38
	4.6.2 Соразмерность	38
	4.6.3 Существенные и достаточные доводы	42
5	ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ	46
	5.1 Что является выражением политических взглядов?	46
	5.2 Показатели «общественных интересов»	48
	5.3 Общие принципы ограничений на выражение политических взглядов и общественных интересов	52

5.4	Диффамация и схожие ограничения	55
5.4.1	Фактические и оценочные суждения	58
5.5	Критика в адрес правоохранительных органов, судебных органов и вооруженных сил	61
5.6	Подстрекательство к насилию	65
6	ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РАМКАХ КОНВЕНЦИИ	68
6.1	Значение права на свободу выражения своего мнения	68
6.2	Средства выражения	69
6.3	Свобода придерживаться своего мнения	69
6.4	Свобода информации	69
6.5	Роль прессы и вещательных средств информации	70
6.6	Ответственность государства	72
6.6.1	Позитивные обязательства	72
6.7	Допустимые ограничения: лицензирование вещательных организаций	72
6.8	Ограничения в отношении права на свободу выражения своего мнения в рамках пункта 2 Статьи 10	73
6.8.1	Предварительная цензура	73
6.8.2	Обязанности и ответственность	74
6.8.3	Особая ответственность некоторых групп	74
6.8.4	Вмешательства, предусмотренные законом	75
6.8.5	Законные цели	76
6.8.6	Ограничения, необходимые в демократическом обществе	78
6.9	Выражение политических взглядов и интересов общественности	80
6.9.1	Выражение политических взглядов	80
6.9.2	Выражение общественных интересов	80
6.10	Общие принципы ограничений на выражение политических взглядов и общественных интересов	81
6.10.1	Диффамация и схожие ограничения	82
6.10.1.1	Фактические и оценочные суждения	82
6.10.2	Критика в адрес правоохранительных органов, судебных органов и вооруженных сил	83
	УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ	85

1 ВВЕДЕНИЕ

СТАТЬЯ 10 СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

1.1 Общий обзор

Международное право в области прав человека придает особое значение свободе выражения мнения и признает ее как одну из основополагающих свобод демократического общества. Эта свобода закреплена нормами международного права. В качестве примеров можно привести статью 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, а также Статью 10 Европейской конвенции о защите прав человека (далее «Конвенция»). Это право также защищено нормами национального законодательства всех демократических государств.

Согласно положениям Статьи 10 Конвенции, свобода выражения своего мнения включает в себя как минимум право придерживаться взглядов и мнений, а также право получать и распространять информацию. Статья охватывает широкий круг вопросов, в рамках которых возникает значительное поле для обсуждения характера этих прав и законности любых ограничений, налагаемых государством.

Европейский суд по правам человека (далее «Суд») дает широкое толкование положениям пункта 1 Статьи 10 и постоянно расширяет предусмотренные в нем показатели защиты. Хрестоматийный пример позиции Суда в этом вопросе можно найти в постановлении по делу **Handyside v United Kingdom (1976 г.)**, в 49-ом пункте которого Суд заявил, что свобода выражения:

Является одной из важнейших основ [демократического] общества, одним из базовых условий для его прогресса и развития каждого человека. За исключением тех случаев, которые подпадают под действие пункта 2 Статьи 10 (стат. 10-2), она применима не только в отношении «информации» или «идей», которые принимаются благоприятно либо не рассматриваются как оскорбительные или же воспринимаются нейтрально, но и в отношении таковых, которые являются оскорбительными, шокирующими или беспокоящими для государства или какого-либо сегмента населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно.

Это заявление может послужить полезной отправной точкой при рассмотрении дел по Статье 10. Становится ясно, что Суд признает ключевое значение Статьи 10 для реализации прав человека, а также акцентирует связь между свободой выражения своего мнения и осуществлением других прав человека. Можно утверждать, что Суд рассматривает свободу выражения в качестве предпосылки для эффективного поощрения и защиты прав в целом. При отсутствии свободы выражения и, в частности, свободы прессы, нарушения прав могут оставаться без внимания, а злоупотребления со стороны государства - без надзора. Таким образом, при любом рассмотрении Статьи 10 следует принимать во внимание не только принципы, лежащие в основе свободы выражения, но и взаимосвязь между свободой выражения и демократией.

Следовательно, в большинстве случаев при оценке оснований для жалоб по Статье 10 следует учитывать взаимосвязь между Статьей 10 и закрепленными Конвенцией другими правами, в частности, правом на уважение частной жизни, предусмотренным пунктом 1 Статьи 8, а также свободой собраний и объединений, предусмотренной Статьей 11.

Тем не менее, следует отметить, что предусмотренная Статьей 10 свобода выражения своего мнения представляет собой право с оговорками в том смысле, что пункт 1 Статьи 10 позволяет государству налагать на вещательные средства массовой информации требования по лицензированию. Более того, Статьи 8, 9 и 11, а также пункт 2 Статьи 10 схожим образом позволяют государству налагать ограничения на права, защищенные пунктом 1 Статьи 10. Из материалов дела **Handyside v United Kingdom (1976 г.)** становится ясно, что любые ограничения, налагаемые на данное право, должны рассматриваться в свете того, что от государств ожидается максимально широкое толкование свободы выражения в интересах поощрения демократических ценностей.

Согласно пункту 2 Статьи 10 вмешательство в отношении прав, предусмотренных пунктом 1 той же статьи, определяется по следующим критериям:

- подобное вмешательство должно быть предписано законом;
- должна быть доказана необходимость вмешательства в демократическом обществе;
- вмешательство должно преследовать законную цель, предусмотренную пунктом 2 Статьи 10, в частности, оно должно быть в интересах национальной безопасности, для охраны здоровья или нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения беспристрастности и независимости правосудия;
- любые принятые меры должны быть соразмерны преследуемой цели.

Описание данных критериев приводится в тексте пункта 2 Статьи 10, однако, Суд в своей практике также выработал ряд критериев, которые будут детально рассмотрены в настоящем руководстве. Следует отметить, что в целом отправным пунктом является положение о том, что данные ограничения подлежат ограничительному толкованию, а необходимость вмешательства в отношении прав должна быть установлена убедительным образом. На практике в большинстве случаев все зависит от ответа на вопрос: являются ли принятые государством меры, возможно представляющие собой акт вмешательства, соразмерными преследуемым целям?

При определении степени допустимости вмешательства в отношении права согласно пункту 2 Статьи 10, Суд принимает во внимание «свободу усмотрения», которой пользуется государство, в частности, в вопросах нравственности и государственной безопасности, но лишь в той степени, в которой этот принцип применим ко всему пункту 2 Статьи 10 в целом. Свобода усмотрения представляет собой определенную долю свободы действий, предоставляемую государствам Судом в качестве признания многообразия норм, практикуемых в разных государствах, с точки зрения социальных устоев и государственной безопасности. Суд считает, что иногда может возникать необходимость разрешения такого подхода к Статьям 8-11, который будет отражать национальные

особенности, но внешне будет противоречить положениям Конвенции. Тем не менее, свобода усмотрения подлежит надзору самого Суда, и, в конечном счете, сам Суд решает в индивидуальном порядке, действительно ли государство вправе ссылаться на этот принцип. Также следует отметить, что данный принцип не имеет смысла в рамках внутригосударственного права.

В качестве заключительного вводного пункта по вопросу ограничений необходимо отметить, что Статья 10 подпадает под положение об отступлении от соблюдения обязательств, предусмотренное Статьей 15. Следовательно, свобода выражения может становиться предметом некоторых ограничений в военное время или при чрезвычайном положении, когда существования самой страны оказывается под угрозой. Однако необходимо отметить, что пределы свободы усмотрения государства ограничиваются в том смысле, что чрезвычайное положение должно представлять реальную и фактическую угрозу для государства, а принятые меры должны быть соразмерны этой угрозе. В конечном счете, именно Суду предстоит определить наличие чрезвычайного положения и соразмерность принятых государством мер. Следует отметить, что как международные, так и внутригосударственные судебные органы склонны допускать значительную степень свободы действий при определении адекватности мер, принятых государством во время действия чрезвычайного положения.

1.2 Кто может претендовать на свободу выражения своего мнения?

Пункт 1 Статьи 10 предусматривает, что «каждый» имеет право на свободу выражения своего мнения, и Суд придерживается той позиции, что данный термин имеет буквальное и языковое значение. Следовательно, термин включает в себя физические и юридические лица, что в качестве примера было однозначно показано в деле **Autronic AG v Switzerland (1990 г.)**, в рамках которого общество с ограниченной ответственностью претендовало на защиту, предусмотренную Статьей 10, в связи с коммерческим проектом трансляции своих телевизионных программ. В пункте 47 своего постановления Суд заявил следующее:

... ни юридический статус компании «Аутроник АГ» в качестве общества с ограниченной ответственностью, ни тот факт, что деятельность компании носила коммерческий характер, ни сущность свободы выражения своего мнения не могут лишить компанию «Аутроник АГ» защиты, предусмотренной Статьей 10. Статья... применима к «каждому», вне зависимости от того, является ли данное лицо физическим или юридическим.

Согласно толкованию Суда, правами, предусмотренными Статьей 10, может пользоваться широкий круг физических лиц, включая журналистов, как в деле **Goodwin v United Kingdom (1996 г.)**, государственных служащих, как в деле **Vogt v Germany (1995 г.)**, а также действующих военнослужащих, как в деле **Engel v Netherlands (1976 г.)**. Также, согласно Суду, это право может быть применимо к издательствам, как в деле **Unabhängige Initiative Informations Vielfalt v Austria (2002 г.)** и газетам, как в деле **Sunday Times v United Kingdom (1979 г.)**.

В случаях, когда речь идет о свободе прессы, становится ясно, что предусмотренные Статьей 10 права распространяются как на журналиста, ставшего автором и продюсером публикации либо передачи, так и на газету или вещательную организацию, издавшую публикацию либо транслировавшую передачу. Таким образом, в деле **Jersild v Denmark (1994 г.)** Суд постановил, что предусмотренные Статьей 10 права применимы как к продюсеру программы, так и к телевизионной станции, по которой транслировалась данная программа.

Вопросы

1. Почему свобода выражения своего мнения играет ключевую роль в демократическом обществе?
2. Какое значение представляет та важность, которая придается свободе выражения своего мнения в контексте юридической практики?
3. Какие факторы, фигурирующие в пункте 2 Статьи 10, должны приниматься во внимание при оценке оснований для жалобы, поданной в рамках положений пункта 1 Статьи 10.
4. Кто может претендовать на права, предусмотренные в пункте 1 Статьи 10?
5. Кто может пользоваться правом свободно выражать свое мнение в рамках внутригосударственного законодательства?
6. Существуют ли ограничения относительно того, кто может пользоваться правом свободно выражать свое мнение?

1.3 Сфера применения права на свободу выражения своего мнения

Очевидно, что Суд истолковывает свободу выражения своего мнения в том смысле, что данное право охватывает все формы выражения и распространяется на все формы мнений и взглядов. В пункте 48 постановления по делу **Handyside v United Kingdom (1976 г.)** Суд (как указывалось выше) заявил, что защита распространяется на взгляды, которые большинство может считать неприемлемыми либо оскорбительными. Таким образом, в деле **Wingrove v United Kingdom (1996 г.)** было установлено, что защита, предусмотренная пунктом 1 Статьи 10, распространяется на порнографический фильм, который изображал католическую святую, занимающуюся действиями сексуального характера. Схожим образом в деле **Müller and Others v Switzerland (1988 г.)** было признано, что картины откровенно сексуального характера подпадают под защиту свободы выражения своего мнения, предусмотренную пунктом 1 Статьи 10.

Статья 10 также защищает обсуждение или распространение полученной информации, даже при наличии веских подозрений в недостоверности данных сведений. Суд заметил, что утверждение обратного лишило бы людей права выражать свои взгляды и мнения относительно заявлений, сделанных в средствах массовой информации и таким образом наложило бы необоснованные ограничения на свободу выражения, как, например, в деле **Salov v Ukraine (2005 г.)**.

Однако следует помнить, что предмет, подлежащий защите свободы выражения своего мнения в рамках пункта 1 Статьи 10, может стать объектом вмешательства государства в соответствии с пунктом 2 той же статьи.

1.3.1 Запрещенные формы выражения: подстрекательство к насилию и разжигание ненависти

Необходимо поддерживать хрупкое равновесие между широким толкованием свободы выражения своего мнения, предусмотренной пунктом 1 Статьи 10 и экстремистскими либо разжигающими ненависть высказываниями, посягающими на права других лиц или подрывающие их. В некоторых случаях Суд ссылаясь на Статью 17 Конвенции, которая запрещает группам или отдельным лицам заниматься деятельностью, подрывающей предусмотренные Конвенцией права. В контексте

экстремистских высказываний толкование Статьи 17 исключает те формы выражения мнения, которые разжигают ненависть или несут настолько экстремистский характер, что сводят на нет права других людей.

В деле **Glimmerveen and Hagenbeek v Netherlands (1979 г.)** Комиссия полностью исключила применимость Статьи 10 к поданной жалобе со ссылкой на Статью 17. Комиссия отметила следующее:

Заявители, по сути, пытаются воспользоваться Статьей 10, чтобы в рамках Конвенции получить право заниматься деятельностью, которая, как было показано выше, противоречит букве и духу Конвенции, и если подобное право было бы предоставлено, то это привело бы к упразднению приведенных выше прав и свобод. Следовательно, Комиссия пришла к выводу, что в силу положений, предусмотренных Статьей 17, заявители не могут ссылаться на Статью 10.

Заявители, фигурирующие в данном деле, были осуждены за владение и распространение листовок, призывающих к изгнанию из Нидерландов всех «небелых». Позиция, занятая Комиссией, эффективным образом исключила высказывания расистского толка из сферы действия Статьи 10.

Однако в последующих решениях Суд занял иную позицию и, по всей видимости, принял точку зрения, согласно которой Статья 17 наиболее применима к пункту 2 Статьи 10 и, в частности, влияет на порядок определения необходимости вмешательства в демократическом обществе. Придерживаясь данного подхода, Суд оставил без изменений широкое толкование пункта 1 Статьи 10 о том, что право на свободу выражения своего мнения включает в себя право придерживаться взглядов и высказывать мнения, считающиеся оскорбительными и подрывающие общепринятые устои.

Именно поэтому в деле **Lehideux and Isorni v France (1998 г.)** Суд определил, что осуждение заявителей за публичное оправдание военных преступлений, в связи с их высказываниями в поддержку реабилитации военного преступника, подпадает под защиту Статьи 10, поскольку заявители не делали попыток отрицать исторически установленный факт Холокоста, а скорее подвергли сомнению участие в нем одного, отдельно взятого лица. Данное решение подкрепляет точку зрения о том, что при рассмотрении оснований для исключения экстремистских либо разжигающих ненависть высказываний из-под защиты Статьи 10, со ссылкой на положения Статьи 17, Суд уделяет особое внимание контексту, в котором были сделаны данные высказывания и выработал ряд юридических норм, основанных на индивидуальном рассмотрении отдельно взятых дел.

Возникает также другой вопрос: каковы различия между высказываниями, побуждающими к ненависти, высказываниями, разжигающими расовую или религиозную неприязнь и высказываниями, подстрекающими к насилию? Побуждающие к ненависти высказывания, а также лица, выступающие в поддержку подобных экстремистских взглядов, лишены защиты, предусмотренной пунктом 1 Статьи 10. Однако в вопросе освещения подобных взглядов, а также возможных последствий этого для других лиц, Суд, по всей видимости, склонен рассматривать подобные вопросы с точки зрения того, может ли государство обоснованно сослаться на пункт 2 Статьи 10 в случае вмешательства со своей стороны, а не ограничивать применения пункта 1 той же статьи. В деле **Gunduz v Turkey (2003 г.)** в пункте 40 своего постановления Суд отметил следующее:

Терпимость и уважение к равному достоинству всех людей служит основой для демократического и плюралистического общества. С учетом этого в некоторых демократических обществах, из принципиальных соображений, может возникнуть необходимость применения штрафных санкций или предотвращения всех форм выражения, способных распространять, подстрекать, разжигать либо оправдывать неприязнь, основанную на

нетерпимости (включая религиозную нетерпимость), при условии, что любые наложенные «формальности», «условия», «ограничения» или «взыскания» будут соразмерны законно преследуемой цели. Более того, ... не может быть никаких сомнений в том, что побуждающие к ненависти конкретные высказывания, способные оскорбить отдельные лица или группы, не подпадают под защиту, предусмотренную Статьей 10 Конвенции.

Изучая контекст подобных высказываний, Суд придерживается точки зрения, согласно которой следует проводить различия между теми, кто высказывает экстремистские взгляды и не всегда пользуется защитой, предусмотренной пунктом 1 Статьи 10, и теми средствами массовой информации, которые при освещении подобных взглядов могут выступать в роли «стража общественных интересов». Таким образом, в деле **Jersild v Denmark (1994 г.)** Суд определил, что высказывание может с меньшей вероятностью рассматриваться как подстрекательство к насилию или разжигание расовой неприязни, если оно фигурирует в контексте информационной документальной программы, которая пользуется репутацией передачи, освещающей сложные вопросы вдумчиво и серьезно. Далее в рамках данного дела Суд пришел к выводу, что осуждение журналиста и его продюсера, подготовившего программу, противоречило пункту 1 Статьи 10 и не было необходимо для защиты прав других лиц.

В некоторых случаях Суд придерживается точки зрения, согласно которой существуют определенные темы и исторические события настолько деликатные, что их отрицание может рассматриваться как разжигание ненависти, и, соответственно, Статья 17 исключает их из-под защиты в рамках Статьи 10. В деле **Garaudy v France (2003 г.)** Суд определил, что отрицание Холокоста выходит за рамки пункта 1 Статьи 10 и заявил следующее:

Не может быть никаких сомнений, что отрицание подлинности таких четко установленных исторических фактов, как Холокост, в написанной заявителем книге не является историческим исследованием в поисках истины. Цели и результаты такого подхода совершенно иные: истинный мотив заключается в намерении реабилитировать национал-социалистический режим и, как следствие, обвинить самих жертв в фальсификации истории. Именно поэтому отрицание преступлений против человечности является одной из серьезнейших форм расовой диффамации евреев и разжигания ненависти по отношению к ним. Отрицание или переписывание исторических фактов такого рода подрывает ценности, на которых основана борьба с расизмом и антисемитизмом, а также представляют серьезную угрозу для общественного порядка. Такие действия несовместимы с демократией и правами человека, поскольку они посягают на права других лиц. Поборники таких действий, бесспорно, преследуют злой умысел, который относится к категории целей, запрещенных Статьей 17 Конвенции.

Таким образом, складывается впечатление, что с точки зрения показателей «свободы выражения мнения» позиция Суда заключается в поддержке наиболее широкого толкования пункта 1 Статьи 10. Тем не менее, рекомендуется проявлять определенную осторожность, когда речь идет об экстремистских взглядах и побуждающих к ненависти высказываниях. В частности, следует учитывать контекст данных высказываний, различая тех, кто придерживается этих взглядов и тех, кто их освещает. Здесь вновь кажется уместным применение Статьи 17 к пункту 2 Статьи 10 вместо того, чтобы ограничивать само понятие приемлемого выражения, предусмотренное в пункте 1 той же статьи. Однако очевидно, что ввиду контекста рассматриваемых высказываний, от Суда или от внутригосударственных судебных органов может потребоваться более жесткая позиция, как в вышеупомянутом деле **Garaudy v France (2003 г.)**.

1.3.2 Формы выражения

Суд постановил, что Статья 10 включает большинство форм выражения через любые средства информации. Это включает следующее:

- Художественные формы выражения посредством картин, фильмов или фотографий подпадают под защиту Статьи 10. В деле **Müller and Others v Switzerland (1988 г.)** Суд рассмотрел жалобу в связи с конфискацией картин с публичной выставки из-за изображенных на них откровенных сцен сексуального характера, что дало повод для вмешательства, подпадающего под пункт 1 Статьи 10. Суд однозначно заявил в пункте 27 своего постановления, что выражение идей посредством искусства подпадает под защиту, предусмотренную пунктом 1 Статьи 10:

Свобода художественного выражения, в особенности в рамках права свободно получать и распространять информацию и идеи, дает возможность публичного обмена культурной, политической и социальной информации, а также всякого рода идей.

В деле **Otto-Preminger-Institut v Austria (1994 г.)** Суд пришел к выводу, что идеи, выраженные в фильме, подпадают под защиту, предусмотренную пунктом 1 Статьи 10. Схожим образом в деле **News Verlags GmbH and COKG v Austria (2000 г.)** Суд постановил, что фотографические образы представляют собой форму выражения, предусмотренную пунктом 1 Статьи 10.

- Материалы, транслирующиеся по радио, также подпадают под защиту Статьи 10 вне зависимости от того, являются ли они частью развлекательного или новостного вещания (**Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.)**).
- Выражение политических взглядов однозначно подпадает под действие пункта 1 Статьи 10.
- Мысли и сведения, содержащиеся в произведениях художественной литературы, подпадают под пункт 1 Статьи 10. В деле **Alinak v Turkey (2005 г.)** Суд пришел к выводу, что основанный на реальных событиях роман подпадает под защиту, предусмотренную пунктом 1 Статьи 10.
- Идеи, опубликованные в информационной брошюре, защищены Статьей 10. В деле **Open Door Counselling and Dublin Well Woman v Ireland (1992 г.)** Суд постановил, что брошюры, где предоставлены сведения о клиниках, занимающихся абортами в Соединенном Королевстве, предназначенные для женщин, желающих выехать за пределы юрисдикции с целью прерывания беременности, подпадают под пункт 1 Статьи 10.
- Речь и формы выражения коммерческого характера также подпадают под действие Статьи 10. В деле **Markt Intern Verlag GmbH v Germany (1989 г.)** Суд счел, что содержащаяся в рекламе информация подпадает под защиту свободы слова. В пункте 26 своего постановления Суд заявил, что информация коммерческого характера:

...не может быть исключена из сферы действия пункта 1 Статьи 10, который не относится исключительно к определенным видам сведений, идей или форм выражения.

Вопросы

1. Включают ли положения внутригосударственного законодательства о защите свободы выражения своего мнения в рамках внутригосударственного законодательства формы выражения политического, общественного и художественного характера.
2. Все ли формы информационных средств находятся под защитой?

1.3.3 Средства выражения

Статья 10 распространяется не только на содержание, но и на средства выражения мнения и передачи информации. Это обусловлено тем, что вмешательство в отношении средств выражения мнения и распространения информации однозначно является посягательством на право получать и передавать информацию. Как упоминалось выше, этот принцип распространяется на прессу, книги, фильмы, искусство, радиовещательные и телевизионные передачи, граффити, плакаты и транспаранты, а также - косвенным образом - на Интернет.

Важно учитывать, что хотя все виды выражения своего мнения подпадают под защиту Статьи 10, тем не менее, из этого не следует, что все из них должны рассматриваться одинаково в смысле тех ограничений, которые могут на них накладываться.

1.3.4 Право воздерживаться от выражения мнения

Предусмотренная Статьей 10 свобода выражения также влечет за собой право воздерживаться от выражения собственного мнения. В деле **Young, James and Webster v United Kingdom (1981 г.)** Европейская комиссия по правам человека приняла точку зрения, согласно которой «закрытое предприятие», требующее от своих сотрудников членства в профсоюзе, воспрепятствовало тому, чтобы его сотрудник выразил мнение, отличающееся от позиции профсоюза, заявленной от имени всех сотрудников. Такой же подход Комиссия проявила в деле **K. v Austria (1993 г.)**, в рамках которого было принято решение о том, что Статья 10 применима в отношении лица, отказавшегося от дачи показаний.

1.3.5 Свобода придерживаться своего мнения

В Статье 10 говорится о том, что свобода выражения включает в себя «свободу придерживаться своего мнения». Следует различать свободу придерживаться своего мнения от права на свободу совести, которое защищено пунктом 1 Статьи 9.

Хотя наличие своего мнения и служит предпосылкой для выражения собственных взглядов, тем не менее, это еще не является «выражением» мнения, о чем свидетельствует дело **Barthold v Germany (1985 г.)**. Статья 10 предусматривает защиту лиц от нежелательных последствий приписываемых им взглядов, ранее выраженных ими публично, а также подразумевает негативную свободу, которая защищает их от вынужденного высказывания своего мнения.

1.3.6 Свобода информации

В Статье 10 говорится о праве получать и передавать информацию. Европейский суд по правам человека старался воздерживаться от толкования этого положения в том смысле, что Конвенция гарантирует свободу информации. До недавнего времени решения по жалобам, касающимся доступности информации, принимались со ссылкой на предусмотренное пунктом 1 Статьи 8 право

на уважение частной жизни. Например, в деле **Leander v Sweden (1987 г.)** Суд постановил, что предусмотренное Статьей 10 право на получение информации не может приводиться в качестве довода о том, что заявитель имел право допуска к государственным записям, относящимся к его прошению о вступлении на государственную должность. Все спорные вопросы подпадают под действие пункта 1 Статьи 8. В 74-ом пункте своего постановления Суд отметил следующее:

...право на получение информации, по сути, запрещает государству ограничивать лицо в получении той информации, которую другие пожелают либо будут готовы передать ему.

В деле **Gaskin v United Kingdom (1989 г.)** Суд проявил схожий подход при рассмотрении ходатайства взрослого человека о получении доступа к конфиденциальным записям социальных служб, относящимся к его детским годам, проведенным под опекой, и счел, исходя из положений Статьи 10, что государство не несет обязательства по разглашению подобной информации. В 52-ом пункте своего постановления Суд заявил следующее:

Статья 10 не налагает на государство обязательств по разглашению указанных сведений данному лицу.

Таким образом, Статья 10 обеспечивает право получать информацию через прессу, телевидение или другой источник либо средство информации, однако право, предусмотренное Статьей 10, подразумевает наличие лица, готового добровольно предоставить информацию. Например:

- В деле **Open Door Counselling and Dublin Well Woman Clinic v Ireland (1992 г.)** заявители руководили службой консультации для беременных женщин. Суд пришел к выводу, что судебное предписание, запрещающее распространение информации о клиниках, занимающихся абортами в Соединенном Королевстве среди женщин, желающих выехать за пределы юрисдикции с целью прерывания беременности, представляет собой посягательство на право заявителей передавать информацию. Суд также отметил, что пресса играет очень важную роль в предоставлении информации в демократическом обществе, которое в свою очередь имеет право на получение информации (см. также пункт 65 постановления в деле **Sunday Times v United Kingdom (No. 1) (1979 г.)**).
- В деле **Roche v United Kingdom (2005 г.)** заявителем выступал бывший солдат, у которого были серьезные проблемы со здоровьем, возникшие, по его утверждению, по причине его участия в проводимых британской армией испытаниях горчичного и нервно-паралитического газов. Заявитель столкнулся с серьезными трудностями в связи с выдачей ему документов, относящихся к его армейской службе, чтобы претендовать на пенсию по болезни. По утверждению заявителя, ему было отказано в достаточном доступе к информации в нарушение Статей 8 и 10 Конвенции. Суд (со ссылкой на дело **Leander v Sweden (1987 г.)**) напомнил, что свобода получать информацию запрещает государству ограничивать лицо в получении той информации, которую другие пожелают либо будут готовы передать ему. Суд также постановил, что эта свобода не может толковаться как наложенное на государство положительное обязательство распространять информацию в обстоятельствах подобного случая с заявителем. Тем самым, не было установлено вмешательство в отношении защищенного Статьей 10 права заявителя получать информацию.

Однако в последнее время Суд переходит к более широкому толкованию понятия «свобода получения информации» (см. дело **Sdružení Jihočeské Matky v la République tchèque (2006 г.)**) и тем самым движется в направлении признания права на доступ к информации.

- Более того, значительный сдвиг в позиции Суда можно было наблюдать в недавнем решении по делу **Társaság a Szabadságjogokért v Hungary (2009 г.)**. Это решение может быть истолковано как обязанность публичных органов, включая парламенты и суды, публиковать

имеющуюся в их распоряжении информацию, если подобные сведения необходимы для публичной полемики по вопросам общественного значения. В данном случае заявителем выступила неправительственная организация, занятая в сфере разработки политики по наркотическим веществам, которая ходатайствовала перед Конституционным судом о получении допуска к жалобе, поданной членом парламента, который выступал за удаление из уголовного кодекса некоторых преступлений, связанных с наркотическими веществами. Ходатайство заявителя было отклонено на том основании, что жалоба, находящаяся в производстве Конституционного суда, не может быть предоставлена не участвующим в деле сторонам без разрешения ее подателя. В данном деле Суд установил нарушение Статьи 10, хотя и прямо не подтвердил признание права на доступность находящейся в распоряжении государства информации. Аргументация Суда основывалась на том обстоятельстве, что заявитель намеревался сообщить общественности сведения, полученные из жалобы, поданной в Конституционный суд, и тем самым стимулировать открытую полемику на тему законодательства относительно правонарушений, связанных с наркотиками. Таким образом, Суд пришел к заключению, что было нарушено право на распространение информации, а не право на ее доступность. Суд отметил, что требуемая заявителем информация была подготовлена и имелась в наличии, и поэтому от государства не требовалось сбора каких-либо сведений. Следовательно, государство несло обязанность не препятствовать передаче информации, требуемой заявителем. Суд принял во внимание, что помехи, созданные с целью воспрепятствовать допуску к представляющей общественный интерес информации, могли заставить людей, работающих в средствах массовой информации или в смежных областях, отказаться от занятия подобными вопросами. В результате, эти люди не смогли бы и дальше играть свою важную роль в качестве «стражей общественных интересов», что в свете нарушения Статьи 10 могло отрицательно повлиять на их способность давать точную и достоверную информацию.

Также можно обратиться к делу **Kenedi v Hungary (2009 г.)**, где Суд установил нарушение Статьи 10 по причине продолжительного отказа Министерства внутренних дел предоставить заявителю доступ к документам, относящимся к секретным службам Венгрии и таким образом выполнить решения внутригосударственных судов о предоставлении заявителю подобного доступа.

Вопросы

1. Гарантирует ли внутригосударственное законодательство свободу информации? Если да, то, каким образом это сформулировано?
2. Какова связь между свободой выражения и свободой информации, которые предусмотрены пунктом 1 Статьи 10?

1.3.7 Статья 10 и частная жизнь

Право на свободу выражения не включает в себя выражение своей сексуальности. Таким образом, в ряде дел, где речь шла о криминализации гомосексуальности, Суд заявил, что таковая является «по сути частным проявлением человеческой личности» и не подпадает под действие пункта 1 Статьи 10, однако подпадает под значение термина «частная жизнь» в рамках пункта 1 Статьи 8 (см. пункт 127 постановления по делу **Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.)**).

2 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В РАМКАХ СТАТЬИ 10

2.1 Отрицательные обязательства

В рамках Статьи 10 первичным обязательством государств является воздержание от незаконных вмешательств в осуществление права на свободу выражения мнения. Государственный аппарат должен избегать каких-либо законодательных, судебных или административных вмешательств в отношении тех прав, которые Статья 10 призвана поддерживать. К примеру, государства не должны неуместно налагать ограничительные меры в защиту государственной монополии на телевидение (см. **Informationsverein Lentia v Austria (1993 г.)**). Аналогичным образом, государство должно воздерживаться от применения законов, налагающих запрет на содержание выражаемых сведений или мнений за исключением тех случаев, когда применение данных законов оправдано. Как правило, все ограничения в отношении свободы выражения крайне нежелательны в свете пункта 1 Статьи 10.

2.2 Положительные обязательства и горизонтальный эффект Статьи 10

Статья 10 также требует от государств принятия позитивных мер в целях поощрения права на свободу выражения. Хотя Статья 10 в основном относится к регламентации деятельности государственных органов и представителей государства, она также имеет горизонтальный эффект и применима к действиям негосударственных органов и частных лиц. Суд требует от государства действий, когда права индивидуума, предусмотренные Статьей 10, оказываются под угрозой со стороны негосударственных организаций или лиц и когда отсутствие действий со стороны государства само по себе может считаться по сути вмешательством, определенным в рамках Статьи 10.

Государства приводили перед Судом довод о том, что оспариваемое вмешательство не было осуществлено органом государственной власти и тем самым не дает повода для ответственности со стороны государства. Для того, чтобы Статья 10 была применима, необходимо ясно продемонстрировать, что либо вмешательство исходило от государства, либо оно было санкционировано органом государственной власти, таким как суд, или же возникло вследствие бездействия государства. Этот принцип проиллюстрирован в нижеприведенных примерах:

- В деле **Casado Coca v Spain (1994 г.)** заявителем выступал юрист, ставший предметом дисциплинарного разбирательства совета коллегии адвокатов г. Барселона, в ходе которого ему были вынесены несколько предупреждений в связи с нарушением правил рекламы. Заявитель безуспешно обращался в испанские суды. Государство-ответчик привело тот довод, что вмешательство не было осуществлено «органом государственной власти». Государство-ответчик утверждало, что предупреждения, вынесенные советом коллегии адвокатов г. Барселона, могли рассматриваться как внутренняя штрафная санкция, наложенная на заявителя его коллегами. Государство королевским указом ратифицировало устав, составленный членами коллегии, по которому профессиональная реклама подпадала под запрет. Суд, тем не менее, отметил, что закон о профессиональных ассоциациях признавал их в качестве организаций, находящихся в сфере действия общественного права. В случае с коллегией адвокатов этот статус еще сильнее подкреплялся тем, что данная организация преследовала цель служить интересам общества через продвижение бесплатной и адекватной юридической помощи в сочетании с публичным надзором профессиональной практики и ее соответствия нормам профессиональной этики. Более того, оспариваемое решение было принято в соответствии с положениями, применимыми к членам коллегии адвокатов г. Барселона, чье решение было обжаловано в компетентных судах, все из которых являлись государственными учреждениями. Соответственно, из этого можно сделать обоснованный вывод, что имело место вмешательство со стороны органа государственной власти в отношении права заявителя свободно распространять информацию.

Вопросы

1. Как описываются посяательства на свободу выражения своего мнения в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Предусматривает ли внутригосударственное законодательство положения о том, что организации подобные совету коллегии адвокатов должны рассматриваться так же, как и органы государственной власти?
3. Какие правила толкования применимы к ограничениям на свободу выражения в рамках внутригосударственного законодательства?

Из положений Статьи 10 также становится ясно, что бездействие представителей государства или отсутствие должной реакции с их стороны также может расцениваться как несоблюдение положительного обязательства, предусмотренного Статьей 10. Это становится ясно из нижеприведенных примеров.

- В деле **Ozgur Gundem v Turkey (2000 г.)** в качестве заявителя выступала газета, редакция которой подверглась нескольким нападениям, сотрудники пострадали, а сама газета в итоге была закрыта. Кроме того, многие люди, принимавшие участие в распространении газеты, также подверглись нападениям. Сам заявитель и другие лица, выступающие от имени газеты и ее сотрудников, многократно обращались в государственные органы в связи с угрозами и нападениями. Большая часть этих обращений так и осталась без ответа. Газета, ее редактор и другие сотрудники были затем осуждены по ряду обвинений. Суд обнаружил доказательства того, что в период с 1992 по 1994 год имели место многочисленные факты насилия, в том числе убийства, направленные против газеты, ее журналистов, распространителей и других лиц, сотрудничающих с газетой. Суд также обнаружил, что власти были оповещены о беспокоящих газету обстоятельствах, однако мер для расследования не приняли. Только в двух случаях власти откликнулись и приняли защитные меры. Суд постановил, что подлинная и эффективная реализация права на свободу выражения зависит не только от невмешательства государства, но и может потребовать положительных мер защиты со стороны государства даже в области взаимоотношений отдельных лиц. Суд отметил, что для определения наличия или отсутствия положительного обязательства необходимо принимать во внимание равновесие, в котором должны поддерживаться интересы общества и индивидуума. Подобное обязательство не должно толковаться таким образом, чтобы накладывать на власти невозможное либо несоразмерное бремя. Тем не менее, в данном случае власти были осведомлены о нападениях, которым подвергся заявитель, и отклонили большую часть направленных к ним обращений и просьб о защите. Суд заявил, что даже в том случае, если газета действительно выступала в поддержку Рабочей партии Курдистана (РПК), как утверждало государство-ответчик, это не могло послужить основанием для отказа от действенных мер в целях эффективного расследования, а при необходимости и защиты от незаконных действий с применением насилия. Суд пришел к выводу, что Государство не выполнило возложенное на него положительное обязательство о защите свободы выражения, которой должна была пользоваться газета *Özgür Gündem*.
- В деле **Appleby and Others v United Kingdom (2003 г.)** заявители проводили компанию против проекта застройки игровой площадки неподалеку от здания муниципалитета. Первый из заявителей установил стенды у входа в торговый центр, здание которого было построено государственной строительной корпорацией в качестве нового здания муниципалитета, но впоследствии было продано частной компании. Первый заявитель был вынужден убрать стенд. Хотя менеджер одного из супермаркетов позволил проводить сбор подписей на территории магазина, однако управляющий торговым центром отказался дать соответствующее разрешение. Суд посчитал неубедительным довод о том, что любая возложенная на государство

ответственность должна была рассматриваться в свете того обстоятельства, что государственная строительная корпорация передала здание в собственность его нынешнему владельцу либо того, что данная сделка была осуществлена с разрешения министерства. Со ссылкой на установленные в Соединенных Штатах и Канаде прецеденты заявители утверждали, что свобода выражения включает в себя право свободно выражаться в любом месте. Суд не принял, что в этом вопросе существовало единодушное мнение. Поддерживая равновесие между правом свободно выражать свое мнение и правом собственности, Суд не обнаружил в действиях государства-ответчика несоблюдения какого-либо из положительных обязательств по защите права заявителей на свободу выражения своего мнения.

Относительно позитивного обязательства в вопросе свободы информации Суд принял ограничительный подход, что видно из нижеприведенных примеров:

- В деле **Leander v Sweden (1987 г.)** компетентные органы отклонили назначение г-на Леандера на пост музейного техника в Музее военно-морских сил, исходя из имеющихся на его счет секретных сведений. Суд постановил следующее:

При обстоятельствах подобных тем, которые фигурируют в рассматриваемом деле, Статья 10 не предусматривает для отдельных лиц право доступа к записям, содержащим личные сведения о занимаемой ими должности, а также не возлагает на государство обязательств по предоставлению им подобной информации.

- В деле **Gaskin v United Kingdom (1990 г.)** Суд поддержал данный подход и постановил, что право на свободу информации не возлагает на государство общей обязанности по передаче подобной информации отдельным лицам.

Вопросы

1. Предусматривает ли внутригосударственное законодательство как негативные, так и позитивные обязательства по защите права на свободу выражения своего мнения? Если да, то какими средствами?
2. Рассмотрите значение и характер позитивных обязательств в контексте свободы информации.
3. Каким образом государство может быть признано ответственным за нарушение Статьи 10, допущенное частным лицом?

3 ДОПУСТИМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ: ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В рамках Статьи 10 вещательная деятельность подлежит более широкой регламентации, чем печатное слово. Третье предложение пункта 1 однозначно позволяет государствам регламентировать работу радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий посредством системы лицензирования. Однако любая подобная система лицензирования не избегает внимания Суда и должна соответствовать предметам и целям Статьи 10 в целом. В деле **Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.)** Суд отметил, что смысл указанного предложения состоит в следующем:

...чтобы ясно определить, что государствам позволено контролировать посредством системы лицензирования то, как организовывается вещание на их территории, в особенности, в технических аспектах.

Таким образом, любая система лицензирования, как и любое другое вмешательство, должна быть предусмотрена законом, быть необходимой в демократическом обществе и преследовать одну из законных целей, исчерпывающим образом определенных в пункте 2 Статьи 10.

Суд далее развил свою позицию по вопросу взаимосвязи между третьим предложением пункта 1 и пунктом 2 Статьи 10 в деле **Informationsverein Lentia v Austria (1993 г.)**. Суд заявил, что выдача либо отказ в выдаче лицензии также могут быть обусловлены другими соображениями, такими как характер и цели предполагаемой станции, ее потенциальная аудитория на национальном, региональном или местном уровне, права и потребности отдельно взятой аудитории и обязательства, исходящие из международных юридических документов. В свою очередь это может стать поводом для вмешательств, цели которых будут считаться законными в рамках пункта 1 Статьи 10, даже если они и не будут соответствовать целям, предусмотренным в пункте 2. В пункте 32 своего постановления Суд заявил, что совместимость подобных вмешательств с положениями Конвенции должна оцениваться в свете остальных требований пункта 2. Вкратце, каждое решение о предоставлении лицензии считается вмешательством в отношении свободы выражения и должно быть рассмотрено на предмет совместимости с пунктом 2 Статьи 10. В своей дальнейшей работе Суд обращался к изучению принципов этого положения в нижеприведенных примерах:

- В деле **Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.)** выступающая в качестве заявителя компания установила свои радиопередатчики на территории Италии. Заявителю было запрещено вещать или транслировать свои программы швейцарским кабельным каналам для ретрансляции на территории Швейцарии. Суд постановил, что цель третьего предложения пункта 1 Статьи 10 заключается в том, чтобы ясно определить право государства контролировать посредством системы лицензирования то, как организовывается вещание на его территории, в особенности, в технических аспектах. Это положение не предусматривает того, что при иных обстоятельствах лицензирование не подлежит требованиям пункта 2 Статьи 10, поскольку это бы противоречило предмету и цели Статьи 10 в целом. Тем самым здесь применим пункт 1 Статьи 10, поскольку он допускает осуществление надлежащего контроля над вещательной деятельностью на территории Швейцарии. Запрещение ретрансляции полностью соответствует местной системе радиовещания, определенной нормами швейцарского законодательства. Соответственно, данное вмешательство находится в соответствии с буквой третьего предложения пункта 1. Затем Суд опередил, было ли данное вмешательство также совместимо с пунктом 2 Статьи 10.
- В деле **Autronic AG v Switzerland (1990 г.)** выступающая в качестве заявителя компания подала жалобу о том, что законы Швейцарии о лицензировании запрещали им принимать некодированные трансляции передач с российского спутника, предназначенные для российской аудитории. Целью выступающей в качестве заявителя компании было принимать трансляции и использовать их для демонстрации своих спутниковых антенн на различных коммерческих

выставках. Для получения соответствующего разрешения заявитель обратился в компетентные органы Швейцарии. Швейцарские власти отказали заявителю в выдаче разрешения ввиду отсутствия согласия со стороны советских властей. Суд постановил, что необходимости рассматривать дело в рамках пункта 1 Статьи 10 не было. Суд отметил, что третье предложение пункта 1 Статьи 10 «...не предусматривает, что при иных обстоятельствах лицензирование не подчиняется требованиям пункта 2 Статьи 10, поскольку это бы противоречило предмету и цели Статьи в целом».

- В деле **Informationsverein Lentia v Austria (1993 г.)** выступающая в качестве заявителя компания подала жалобу о том, что государственная монополия на телевизионное вещание нарушала Статью 10. Суд подчеркнул, что основополагающая роль свободы выражения в демократическом обществе, в частности там, где она реализуется через прессу и аудиовизуальные средства информации, состоит в том, чтобы распространять представляющие общий интерес сведения и идеи, которые аудитория вправе получить. Суд отметил, что подобная миссия может быть успешно выполнена, только если она основана на принципах плюрализма, основным гарантом которого выступает государство. Суд подтвердил важность технических аспектов вещательной деятельности в контексте пункта 1 Статьи 10 и постановил, что вопрос должен также рассматриваться в рамках пункта 2 Статьи 10. Суд подчеркнул, что хотя действовавшая в Австрии монополия система и могла способствовать качеству и уравновешенности транслируемых программ при передаче полномочий компетентным органам надзора и контроля над средствами массовой информации, однако главный вопрос заключался в том, была ли монополия совместима с положениями пункта 2.
- В деле **Demuth v Switzerland (2002 г.)** заявитель подал заявку на получение лицензии для своей компании с целью трансляции по кабельному телевидению программы об автомобилях. Его заявка была отклонена, поскольку не могла представлять «необходимой ценности в соответствии с общими инструкциями для радио и телевидения». Программа специализировалась исключительно на развлекательных передачах и передачах на автомобильную тематику. Суд постановил, что система лицензирования в Швейцарии, включающая в себя инструкции относительно целей, функций и содержания телевизионных программ, в состоянии способствовать качеству и уравновешенности передач и тем самым соответствует положениям пункта 2 Статьи 10.

Вопросы

1. Подлежит ли вопрос лицензирования вещательных организаций рассмотрению судами на предмет соответствия требованиям пункта 2 Статьи 10 в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Предусматривает ли пункт 1 Статьи 10 большие ограничения на вещательные средства информации, чем в случае с письменным или устным словом?
3. Почему вещательные средства массовой информации подлежат более строгой регламентации в рамках Статьи 10?
4. Совместима ли государственная монополия на вещательные средства информации с положениями Статьи 10?

4 ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 10

Суд дал широкое толкование положениям пункта 1 Статьи 10 и принял точку зрения, что, в принципе, большинство форм выражения и слова защищены. Следствием занятой Судом позиции стал перенос бремени доказательства на государство и требование обосновать любое вмешательство в соответствии с пунктом 2 Статьи 10. При рассмотрении большинства дел Суд принимал во внимание пункт 2 Статьи 10 и пытался определить обоснованность вмешательства со ссылкой на положения указанного пункта.

Как отмечалось выше, при установлении факта вмешательства в рамках пункта 1 Статьи 10 бремя доказательства возлагается на государство. При квалификации действий государства как вмешательства в отношении права на свободу выражения в нарушение положений Конвенции, Суд в своей практике применяет следующие контрольные вопросы в нижеприведенной последовательности:

Контрольные вопросы суда

1. Было ли вмешательство в отношении права на свободу выражения в рамках пункта 1 Статьи 10?
2. Было ли подобное вмешательство:
 - Предписано законом?
 - Преследовало ли данное вмешательство одну из законных целей, перечисленных в пункте 2 Статьи 10?
 - Было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе и требовалось ли оно в свете «наущной общественной необходимости»?
 - Были ли предпринятые государством действия соразмерны преследуемой цели?

4.1 Обязанности и ответственность

Согласно пункту 2 Статьи 10 осуществление прав, предусмотренных для отдельных лиц в пункте 1 той же статьи, должно соответствовать обязанностям и ответственности этих лиц.

Данный вопрос часто становился предметом рассмотрения Суда и возникал в контексте прав сотрудников государственных органов, в частности - военнослужащих и госслужащих. Становится ясно, что государство не вправе использовать данное положение с тем, чтобы отказать целой категории лиц в правах, предусмотренных в Статье 10. Тем не менее, степень обязанностей и ответственности зависит от обстоятельств, при которых реализуется данное право, и от того, когда это право реализуется в процессе работы данного лица, а также от характера работы и любой сопутствующей ей отдельной ответственности, которые могут стать предметом рассмотрения Суда. Позиция Суда зависела от характера работы и последствий любых вмешательств для данного лица. Например:

- В деле **Vereinigung Demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v Austria (1994 г.)** заявителям было отказано в разрешении на распространение среди призывников публикации, в которой военная администрация подвергалась критике. Суд установил нарушение Статьи 10 и отметил, что в публикации не содержалось призыва к каким-либо конкретным действиям в ответ на

выявленные в ней проблемы, тем самым, публикация как таковая не представляла угрозы для военной дисциплины и «не выходила за рамки дозволенного в контексте простого обсуждения идей, что должно считаться позволительным как в армии демократического государства, так и в том обществе, частью которого эта армия является».

- В деле **Vogt v Germany (1995 г.)** заявителем выступала находящаяся на государственной службе учительница, которую отстранили от работы за отказ принять клятву верности Конституции. Суд заявил о необходимости уравнивания интересов отдельных лиц с законными интересами демократического государства, которое стремится обеспечить, чтобы гражданская служба должным образом служила целям, перечисленным в пункте 2 Статьи 10. Вместе с этим Суд пришел к выводу, что государство может налагать на государственных служащих обязательство сохранять конфиденциальность ввиду их статуса. Суд принял довод о том, что в рамках Статьи 10 ввиду исключительного статуса государственных служащих для них могут потребоваться более широкие ограничения, чем в случае с другими лицами. Суд заявил следующее:

Каждый раз, когда предметом рассмотрения становится право государственных служащих на свободу выражения своего мнения, Суд будет учитывать, что упомянутые в пункте 2 Статьи 10 «обязанности и ответственность» получают особое значение и обоснованно дают национальным властям некоторую свободу решать по собственному усмотрению, соответствует ли оспариваемое вмешательство указанной цели.

- В деле **Guja v Moldova (2008 г.)** заявителем выступал государственный служащий, которого отстранили от должности в результате разглашения им конфиденциальной информации. Оценивая особую роль государственных служащих при разглашении информации конфиденциального характера, Суд отметил, что государственный служащий в ходе выполнения своей работы, может овладеть сведениями, предназначенными для внутреннего пользования, в том числе секретной информацией, разглашение или публикация которой во многом отвечает общественным интересам. Суд посчитал, что сообщение со стороны государственного служащего или сотрудника, работающего в государственном секторе о противозаконных либо преступных действиях должно, при определенных обстоятельствах, пользоваться защитой. Суд заявил, что можно сослаться на этот принцип в случае, если государственный сотрудник либо служащий является единственным лицом или частью маленькой группы лиц, которые осведомлены о происходящем на их рабочем месте и таким образом, занимают оптимальное положение для того, чтобы действовать в интересах общества и предостеречь своего работодателя или широкую общественность. Однако разглашение подобной информации должно в первую очередь быть адресовано вышестоящему лицу либо другому компетентному лицу или органу. Только в ситуациях, когда подобное действие представляется явно невозможным, такая информация может разглашаться общественности, но лишь в крайнем случае.

Далее, Суд истолковал фразу «обязанности и ответственность» таким образом, чтобы для некоторых категорий лиц, занимающихся определенной деятельностью, предусматривалась особая ответственность. В определенной степени журналисты считаются особой категорией в том смысле, что их «обязанности и ответственность» должны толковаться в связи с их положением в «демократическом обществе». Этот принцип особо остро проявляется, когда в публикации содержатся личные нападки. В деле **Handyside v United Kingdom (1976 г.)** Суд в пункте 49 своего постановления заявил, что круг обязанностей и степень ответственности зависят от положения данного лица и от технических средств, которыми он пользуется для самовыражения. Таким образом, поскольку аудиовизуальные средства информации имеют более непосредственное и сильное влияние, чем, например, печатная пресса, Суд склонен с большей готовностью принимать необходимость отдельного вмешательства в отношении первых, чем последних средств выражения (см. **Jersild v Denmark (1994 г.)**). Круг обязанностей и степень ответственности также зависят от характера используемых формулировок, изображений и так далее. Например:

- В деле **Otto-Preminger-Institut v Austria (1994 г.)** выступающий в качестве заявителя кинотеатр рекламировал показ фильма в своем помещении. В рекламе фильм описывался как карикатурное изложение «банальных образов и нелепостей христианской веры», а также как исследование «связи между религиозными верованиями и светскими механизмами угнетения». Перед премьерным показом фильм был конфискован. Суд постановил, что среди обязанностей и мер ответственности, которые возлагаются на лицо, пользующееся правом на свободу выражения в контексте религиозных взглядов и верований, существует обязательство избегать, по возможности, выражения мнений, которые будут необоснованно оскорбительными для других и таким образом станут нарушением их прав, ни в какой форме не способствуя общественной полемике, которая могла бы стимулировать прогресс в деле прав человека. Суд посчитал, что подавляющее большинство жителей региона, где был расположен кинотеатр, исповедовали католическую веру, и многие из них, возможно, нашли бы фильм оскорбительным. И это несмотря на тот факт, что показ фильма должен был проходить в частном клубе только для лиц, специально купивших билеты, чтобы увидеть данный фильм.
- В деле **Erdogdu and Ince v Turkey (1999 г.)** заявителями выступали редактор газеты и журналист, проводивший интервью с неким социологом. Социолог озвучил свое мнение по поводу «курдского» вопроса и заговорил о «Курдистане», само понятие которого турецкое государство решительно отвергает. Заявители были осуждены за преступления по статьям о противодействии терроризму. Суд отметил в пункте 54 своего постановления, что «обязанности и ответственность», которые сопутствуют осуществлению права на свободу выражения сотрудниками средств массовой информации «приобретают особую значимость в конфликтных и напряженных ситуациях». Суд также заявил, что требуется особая осмотрительность при публикации взглядов представителей организаций, прибегающих к насилию в адрес государства, чтобы не допустить случаев, когда средства массовой информации становятся посредником для распространения разжигающих неприязнь и подстрекающих к насилию заявлений.
- В деле **Jersild v Denmark (1994 г.)** заявителем была подана жалоба относительно телепередачи, в которой выражались и ставились под вопрос расистские взгляды. Выступающий в качестве заявителя журналист взял телеинтервью у трех членов расистской организации. В процессе интервью его собеседники выразили свою неприязнь в отношении «небелых». Заявитель дистанцировался от выраженных своими собеседниками взглядов, заявив, что целью интервью являлось раскрытие образа мышления расистов и выявление причин, по которым они придерживались подобных взглядов. Он не проявлял попыток симпатизировать расистам. Заявитель был осужден за помощь и подстрекательство к заявлениям расистского толка. Суд постановил, что при рассмотрении «обязанностей и ответственности» журналиста важным фактором является потенциальное воздействие используемого средства информации. Всеобщее признание получил тот факт, что воздействие аудиовизуальных средств информации зачастую гораздо сильнее и непосредственнее, чем в случае с печатной прессой. Аудиовизуальные средства информации способны выразить через изображения то, что печатная пресса передать не в силах. Суд также отметил, что методы объективного и сбалансированного освещения событий могут значительным образом отличаться, среди прочего, в зависимости от используемого средства информации.
- В деле **Bladet Tromso and Stensaas v Norway (1999 г.)** заявителями выступали газета и ее редактор, которых призвали к ответственности за клевету в адрес экипажа промыслового судна, занимающегося охотой на морских котиков. В опубликованных заявителями статьях подвергались критике методы забоя морских котиков, применяемые экипажем. Суд заявил в пункте 65 своего постановления, что фраза «обязанности и ответственность» приобретает особое значение каждый раз, когда речь идет о посягательстве на репутацию и об ущемлении прав частных и других лиц. Суд постановил, что, ввиду «обязанностей и ответственности», исходящих из права на свободу выражения, гарантии, предусмотренные для журналистов в

Статье 10 при освещении вопросов, представляющих общий интерес, обеспечиваются при условии, что журналисты добросовестно передают точную и достоверную информацию в соответствии с этическими нормами журналистики. Учитывая обстоятельства данного дела и тот факт, что заявители привели цитату из официального государственного доклада, журналисты не были обязаны проверить достоверность фактических заявлений, дискредитирующих неназванных членов экипажа.

- В деле **Pedersen and Baadsgard v Denmark (2004 г.)** заявителями выступали тележурналисты, подготовившие к выпуску две популярные телепередачи, посвященные методам полицейского расследования убийств. Из заданных на одной из телепередач вопросов следовало, что старший инспектор сфальсифицировал данные по одному из дел. Привлеченные к ответственности за преступную клевету заявители утверждали, что было допущено нарушение их права на свободу выражения своего мнения. Суд повторил уставленные принципы рассмотрения дел подобного типа, и в частности, вновь подчеркнул важность свободы прессы и ее роль в качестве «стража общественных интересов». Тем не менее, Суд вновь подчеркнул разницу между констатацией фактов и выражением субъективного мнения. В данном случае Суд принял во внимание тот факт, что журналисты не могли предоставить достаточных фактических оснований для обвинения в том, что старший инспектор сфальсифицировал данные. Большая палата Суда девятью голосами «за» и восемью голосами «против» постановила, что нарушения Статьи 10 допущено не было. Также см. дело **Selisto v Finland (2004 г.)**.

Вопросы

1. Существуют ли категории лиц, занимающиеся определенной деятельностью, для которых предусмотрены особые обязанности и ответственность? Если да, то, каким образом классифицируются эти лица, и каковы присущие им особые обязанности и ответственность?
2. Присущи ли журналистам особые обязанности и ответственность, и если да, то что именно они включают в себя?

4.2 Журналисты и свобода прессы

Суд признает, что предусмотренные в Статье 10 права имеют особое значение для прессы, и как многократно подчеркивалось, надежная защита свободы прессы служит интересам общества. В частности, Суд принял точку зрения, что обмен сведениями и идеями в демократическом обществе оптимально реализуется посредством защиты свободы прессы. Тем не менее, Суд многократно отмечал, что первенство свободы прессы в рамках Статьи 10 обосновано не какими-либо особыми или отдельными правами журналистов, а ролью прессы в качестве «стража общественных интересов». Это создает определенное противоречие между ролью прессы и ролью правительства, что неоднократно становилось предметом рассмотрения Суда. Важность свободы прессы рассматривалась Судом в деле **Sunday Times v United Kingdom (No. 1) (1979 г.)**, в рамках которого Суд сделал следующее заявление:

Роль прессы заключается в том, чтобы действовать в качестве «стража общественных интересов»...ей надлежит распространять информацию и идеи, как в сфере политики, так и в других областях, представляющих общественный интерес. Не только пресса призвана распространять подобную информацию и идеи, но и общественность вправе получать их...

Чтобы воспользоваться дополнительной защитой, предусмотренной для журналистов, истец должен продемонстрировать, что он действовал в качестве журналиста, а не как частное лицо

(*Janowski v Poland* (1999 г.)). В настоящем руководстве этот вопрос подробнее обсуждается в разделе, посвященном выражению политических взглядов.

4.3 Предварительная цензура

Исходя из общего принципа, Суд не приветствует предварительную цензуру публикации - на том основании, что новости являются скоропортящимся товаром, теряющим свою ценность. Хотя в отношении свободы выражения своего мнения Статья 10 допускает некоторые ограничения, являющиеся предварительной цензурой, это происходит только при соблюдении требований, предусмотренных пунктом 2 Статьи 10. В качестве примера можно рассмотреть дело **Observer and Guardian v United Kingdom** (1991 г.). Тем не менее, предварительная цензура рассматривается Судом как очень серьезное вмешательство в отношении свободы выражения, требующее весьма тщательного изучения на предмет соответствия положениям Статьи 10.

Предварительная цензура включает в себя наложение судебных запретов на публикацию (см. дело **Observer and Guardian**), изъятие подготовленного к публикации материала или фильма (см. дело **Otto-Preminger-Institut v Austria** (1994)), а также применение системы классификации фильмов. Ситуации, при которых не возбраняется публиковать информацию или свое мнение, однако за этим следует наказание, также считаются вмешательством в отношении права на свободу выражения. К разновидностям вмешательств, осуществляемых после публикации или трансляции материала, относятся: уголовное преследование (даже если приговор является условным (см. дело **Sener v Turkey** (2000 г.)), дисциплинарные взыскания (см. дело **Casado Coca v Spain** (1994 г.)), компенсация понесенных в ходе гражданского иска издержек (см. дело **Tolstoy Miloslavsky v United Kingdom** (1995 г.)) а также изъятие опубликованного материала (см. дело **Vereniging Weekblad Bluf! v Netherlands** (1995 г.)) либо предметов искусства (см. дело **Müller and Others v Switzerland** (1988 г.)). Условные приговоры также считаются вмешательством в отношении права на свободу выражения своего мнения.

В большинстве случаев факт вмешательства в отношении права на свободу выражения вполне очевиден. Например, если на газету был наложен судебный запрет, воспрепятствующий публикации некой статьи, то в подобном случае можно однозначно говорить о факте вмешательства в отношении права газеты на свободу выражения. Тем не менее, при иных обстоятельствах вывод может быть не так очевиден. Пример расплывчатого ограничения в отношении права на свободу выражения можно найти в нижеприведенном деле:

- В деле **VSDO and Gubi v Austria** (1994 г.) государственные власти безвозмездно распространяли среди военнослужащих ряд военных периодических изданий, но не дали такую же возможность выступающим в качестве заявителей издательским организациям. Заявители обратились с просьбой включить в этот список также их издания, однако их просьба была отклонена. Суд постановил, что каким бы ни был юридический статус этой договоренности, подобная практика обязательно отразилась бы на уровне осведомленности военнослужащих и соответственно активировала ответственность государства-ответчика согласно Статье 10. Суд отметил, что из всех периодических изданий, предназначенных для военнослужащих, только выпускаемые заявителем издания не были допущены для распространения подобным образом. Отклонение министром обороны просьбы заявителя стало вмешательством в отношении его права распространять информацию и идеи.

Вопросы

1. Разрешает ли внутригосударственное законодательство предварительную цензуру? Если да, то руководствуются ли подобные ограничения принципами, предусмотренными в пункте 2 Статьи 10?
2. Считается ли всякое вмешательство, осуществленное после факта публикации, ограничением права на свободу выражения?
3. Считается ли условный приговор вмешательством в отношении права на свободу выражения?

4.4 Вмешательства, предусмотренные законом

Пункт 2 Статьи 10 требует, чтобы всякое вмешательство в отношении права на свободу выражения было «предусмотрено законом» вне зависимости от того, включает оно или нет лицензирование вещательных организаций. Идентичная формулировка используется в пункте 2 Статьи 9 (о праве на свободу религии) и в пункте 2 Статьи 11 (о праве на свободу собраний и объединений). В пункте 2 Статьи 8 (о праве на частную и семейную жизнь) используется формулировка «предусмотрены законом».

Ссылка на «закон» требует, чтобы данное вмешательство основывалось на положениях внутригосударственного законодательства. Суд истолковал фразу «предусмотрены законом» в первую очередь как требование к достаточной доступности законодательства, чтобы отдельное лицо имело указания относительно юридических норм, применимых к данному делу, и во вторую очередь - как требование к достаточной четкости формулировок, чтобы дать возможность лицу организовать свои действия. Человек должен быть в состоянии предвидеть возможные последствия своих конкретных действий - насколько это возможно при данных обстоятельствах.

- В деле **Sunday Times v United Kingdom (No. 1) (1979 г.)** Суд рассмотрел жалобу о наложении общего запрета на публикацию любых комментариев на тему обсуждения после принятия искового заявления и начала судебного разбирательства по этому вопросу и в пункте 49 своего постановления подтвердил факт нарушения Статьи 10. Подобная юридическая практика была установлена в рамках общего права и, по сути, представляла собой прецедентное право. Тем не менее, подобная практика никогда не систематизировалась органами законодательства и не разрабатывалась судебными органами в достаточной мере, чтобы человек мог ясно понимать все обстоятельства, могущие привести к нарушению закона. Вследствие этого представлялось невозможным выявить точный характер данной правовой нормы. Суд пришел к выводу, что подобная практика не соответствовала требованиям точности и предсказуемости, содержащимся в Статье 10. Суд утвердил общий принцип, представленный ниже:

...далее следуют два требования, которые вытекают из «предусмотренных законом» форм выражения. Первое, закон должен быть в достаточной мере доступен, чтобы гражданин имел указания о том, что является допустимым в условиях юридических норм, применимых к данному делу. Второе, правовая норма может считаться «законом» только при условии, если она сформулирована с достаточной четкостью и позволяет гражданину регулировать свое поведение. Гражданин должен быть в состоянии увидеть, а если потребуется, то с соответствующей помощью и предвидеть, насколько это возможно при данных обстоятельствах, к чему может привести данное действие... последствия его действий не должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью; опыт показывает, что это недостижимо.

- В деле **Rekvényi v Hungary (1999 г.)** заявителем выступал сотрудник полиции, занимающий должность в профсоюзе полицейских. В Конституцию Венгрии была внесена поправка, согласно которой служащим в полиции и в вооруженных силах воспрещалось заниматься какой-либо политической деятельностью. Со стороны руководителя полиции был разослан циркуляр, рекомендующий служащим полиции не участвовать в политической деятельности ввиду внесенной в Конституцию поправки. Суд постановил, что термин «политическая деятельность» подлежит соответствующей интерпретации и должен толковаться в совокупности с другими положениями внутригосударственного законодательства. Поскольку не представляется возможным четко определить, что именно представляет из себя «политическая деятельность», Суд посчитал приемлемым, чтобы в различных правилах и в законе излагались условия для занятия деятельностью, имеющей потенциально политические аспекты, как например, участие в мирных собраниях, заявления прессе, участие в радиопередачах и телепрограммах, публикации, вступление в профсоюзы, ассоциации или другие организации, представляющие и защищающие интересы сотрудников полиции. Суд остался удовлетворен тем, что указанные положения были достаточно четкими и позволяли заявителю соответствующим образом руководствоваться ими в своем поведении. Даже допуская мысль, что порой для сотрудников полиции не представляется возможным с точностью определить, является или нет данное действие нарушением Конституции, тем не менее, они имеют возможность заранее обратиться к вышестоящему лицу за консультацией либо получить разъяснения относительно данного закона из решения суда.
- В деле **Müller and Others v Switzerland (1988 г.)** заявителем выступал художник, чьи работы, выставленные в галерее, были изъяты на том основании, что они нарушали законы о непристойном поведении. Заявитель был признан виновным в публикации материалов непристойного характера. Суть поданной заявителем жалобы заключалась в том, что используемое в уголовном кодексе слово «непристойный» имеет слишком расплывчатый смысл, чтобы человек мог руководствоваться им в своем поведении, и, следовательно, ни сам художник, ни организаторы выставки не могли предвидеть совершение ими правонарушений. Суд отметил, что законы, подобные законам о непристойном поведении, не могут определяться с излишней строгостью, поскольку это сделает невозможным их соответствие изменяющимся обстоятельствам. Суд далее отметил, что имелся ряд последовательных решений, принятых Федеральным судом о «публикации» элементов «непристойного» характера. Эти решения, будучи доступными ввиду их обнародования и ставшие прецедентом для судов более низкой инстанции, дополняли букву соответствующих положений уголовного кодекса. Следовательно, осуждение заявителей было «предусмотрено законом».
- В деле **Hashman and Harrup v United Kingdom (1999 г.)** деятельность заявителей была направлена на прекращение охоты на лис. В результате их деятельности местный мировой суд обязал заявителей в течение 12 месяцев не нарушать общественного спокойствия согласно соответствующим нормам законодательства о сохранении общественного порядка. Судебное распоряжение имело только потенциальное действие, поскольку мировой суд не обнаружил вины заявителей в каком-либо правонарушении. Суть поданной заявителями жалобы заключалась в том, что закон не предусматривал достаточно объективных критериев, отвечающих требованиям пункта 2 Статьи 10. Далее заявители утверждали, что судебное распоряжение, запрещающее действовать «против добрых нравов» (*contra bonos mores*) не могло быть «предусмотрено законом», поскольку в нем не указывалось, что именно субъект судебного распоряжения был вправе делать, не нарушая закон. Суд отметил, что поведение «против добрых нравов» определяется во внутригосударственном законодательстве как поведение, которое «по мнению большинства живущих в одно и то же время сограждан считается скорее неправильным, чем правильным». Суд пришел к заключению, что согласно приведенному определению «это поведение никоим образом не описывается, а лишь характеризуется как «неправильное» по мнению большинства граждан». Следовательно, требование о том, что вмешательство должно быть «предусмотрено законом», соблюдено не было.

- В деле **Gaweda v Poland (2002 г.)** заявителю было отказано в регистрации периодического издания под названием «The Social and Political Monthly - A European Moral Tribunal» в польском городе Кенты. Согласно местным властям, причиной отказа была в том, что из-за названия издания создавалось впечатление, что в польском городе Кенты готовится учреждение европейского института. Суд постановил, что ограничение не было предусмотрено законом. Хотя Статья 10 Конвенции формально не запрещает наложение предварительных ограничений на публикации, Суд постановил, что в соответствующих законах должны содержаться четкие указания относительно обстоятельств, при которых подобные ограничения допустимы, тем более, если последствия данного ограничения могут привести к полной остановке публикации издания. Такое решение было необходимо, поскольку, по сути, подобные предварительные ограничения представляют потенциальную угрозу для свободы выражения, которую гарантирует Статья 10. Одним из законных оснований для отказа в регистрации периодического издания является его «несоответствие действительности». Во внутригосударственных судах это положение истолковывалось, как право отказать в регистрации, если считалось, что название издания не соответствует действительности, то есть предполагаемое название издания передает существенно неверную картину. Суд отметил двусмысленность данного закона и его неуместное толкование в рассматриваемом деле с точки зрения свободы прессы. Суд постановил, что толкование закона, предложенное внутригосударственными судами, внесло новые критерии, которые не могли быть предвидены на основе текста, где описаны ситуации, при которых допустим отказ в регистрации названия. Следовательно, требование о том, что вмешательство должно быть «предусмотрено законом», соблюдено не было.
- В деле **Kenedi v Hungary (2009 г.)** заявителем выступал историк, специализирующийся по теме секретных служб диктаторских режимов, который обратился в Службу государственной безопасности Министерства внутренних дел с просьбой предоставить ему доступ к некоторым документам, хранящимся в этом учреждении. После того как министерство отказало заявителю, он обратился в Региональный суд Будапешта, который постановил предоставить ему неограниченный доступ к требуемым документам. Верховный суд утвердил это постановление. Однако, несмотря на это, министерство отказалась выполнить данные постановления. Суд отметил, что заявитель получил постановление суда о предоставлении ему доступа к указанным документам, после чего внутригосударственные судебные органы вынесли несколько решений в его пользу для обеспечения исполнения постановления суда. При данных обстоятельствах Суд однозначно заявил, что нежелание полномочных органов государства-ответчика исполнять постановления суда является пренебрежением в отношении внутригосударственного законодательства и равнозначно произволу. В результате действий полномочных органов, препятствующих исполнению судебного решения, также было зафиксировано нарушение Статьи 6 Конвенции. Власти посчитали, что подобное злоупотребление полномочиями со стороны властей нельзя квалифицировать как «предусмотренное законом» вмешательство.

Не обязательно, чтобы условия и процедуры исполнения закона содержались в самом законе. Вполне достаточно того, чтобы эти условия и процедуры были зафиксированы в директивах, не имеющих силу закона, если таковые отвечают требованиям предсказуемости (см. пункт 89 постановления по делу **Silver v United Kingdom (1983 г.)** - в данном деле речь идет о Статье 8, но принцип идентичен). Отвечать требованиям предсказуемости может и то, что в законе предусматривается право для официальных лиц действовать по собственному усмотрению. Тем не менее, предел свободы действий по своему усмотрению и способ ее реализации должны быть указаны с достаточной четкостью, принимая во внимания законность преследуемой цели, дабы должным образом защитить граждан от произвольных вмешательств (см. дело **Margareta and Roger Andersson v Sweden (1992 г.)** пункт 75 постановления - еще одно дело по Статье 8).

- В деле **Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.)** заявителем выступала радиовещательная компания, которая занималась трансляцией своих программ с территории соседней страны. Государство выпустило указ о лицензиях на вещание со ссылкой на международное право и некоторые международные договора. Заявитель подал жалобу на то, что ссылка на нормы международного права не достаточно доступна либо точна, чтобы гражданин мог соотнести свое поведение с этими нормами, даже при необходимости с помощью юриста. Суд постановил, что соответствующие положения международного права в вопросе телекоммуникаций технически весьма насыщены и сложны, поскольку изначально предназначены для специалистов, которые черпают информацию из Официального сборника федеральных законодательных актов и знают каким образом получить подобные сведения. Поэтому следовало бы ожидать, что компания, занимающаяся трансляцией своих передач с территории соседнего государства, постарается быть полностью осведомленной о правилах, применимых на территории Швейцарии, при необходимости с помощью консультантов. Поскольку соответствующий указ и Международная конвенция по вопросам телекоммуникаций были полностью опубликованы, указанная компания должна была лишь ознакомиться с регламентом радиовещания, обратившись в главный офис Департамента прав радиовещания в Берне или в Международный союз электросвязи в Женеве. Следовательно, нельзя было утверждать, что действующий регламент или договор нуждались в уточнении.

Вопросы

1. Должны ли ограничивающие свободу выражения внутригосударственные законы отвечать требованию о точности? Если да, то, каким образом сформулировано требование о точности в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Что означает понятие «предсказуемость» в контексте возложенного на государство обязательства, которое описывается Судом в деле «Sunday Times»?

4.5 Законные цели

В пункте 2 Статьи 10 приводится исчерпывающий список обстоятельств, при которых право человека на свободу выражения может подвергнуться законным ограничениям. Такими обстоятельствами являются:

- (i) Интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка;
- (ii) Предотвращение беспорядков или преступлений;
- (iii) Охрана здоровья или нравственности;
- (iv) Защита репутации и прав других лиц;
- (v) Предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально;
- (vi) Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Вмешательство в отношении прав, предусмотренных пунктом 1 Статьи 10, может считаться обоснованным, только если оно преследует законную цель, указанную в вышеприведенном списке. Следует отметить, что данные категории определены достаточно широко, и установление законной цели обычно не составляет никакого труда. Иногда Суд приходит к выводу, что вмешательство преследует более чем одну законную цель.

Однако ограничение, не входящее в одну из этих категорий, не будет считаться допустимым и следовательно будет являться нарушением Статьи 10. Рассматривая вопрос законности отдельно взятого вмешательства, Суд выносит свою собственную оценку на основе фактов. Уравновешивание права индивидуума на самовыражение с одной стороны и законных интересов государства с другой стороны, происходит уже после того, как установлена законность преследуемой цели. Далее в этом разделе руководства каждая из вышеперечисленных целей рассматривается отдельно.

Вопрос

На каких основаниях внутригосударственное право допускает ограничения в отношении свободы выражения? Соответствуют ли они основаниям, приведенным в пункте 2 Статьи 10?

4.5.1 Интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка

Суд признает, что государство вправе предпринимать меры в ответ на деятельность мятежных групп и в ходе этого может ограничивать свободу выражения. Существует высокая вероятность конфликта между общими принципами Статьи 10, выступающей в пользу широкого толкования права на свободу слова и действиями групп, стремящихся к свержению демократически избранных правительств насильственными способами. В целом государство получает широкую свободу действовать по своему усмотрению в данной области, а после демонстрации им связующего звена между предпринятыми действиями и угрозой национальной безопасности, Суд более не склонен констатировать нарушение. Однако, следует отметить, что как и во всех остальных сферах, действия Государства продолжают оставаться под надзором Суда.

- В деле **Zana v Turkey (1997 г.)** заявителем выступал бывший мэр города Диябакыр на юго-востоке Турции, который в своих заявлениях журналистам выразил поддержку в адрес РПК (Рабочая партия Курдистана), а его слова были позже опубликованы в ежедневной центральной газете. Он заявил, что не поддерживает массовые убийства, но РПК убивала женщин и детей по ошибке, а каждый имеет право на ошибку. Его заявления совпали с рядом убийств гражданских лиц членом РПК. Заявитель был признан виновным в поддержке деятельности вооруженной организации, чьей целью был распад территории турецкого государства, и был приговорен к лишению свободы. Государство утверждало, что его заявления представляли угрозу для национальной безопасности и общественного порядка. Суд постановил, что в период, когда на юго-востоке Турции происходили серьезные волнения, заявление из уст хорошо известного в регионе политического деятеля могло иметь печальные последствия. Этим было обосновано вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения и обусловлено необходимостью защищать национальную безопасность и общественный порядок. Следовательно, оспариваемое в жалобе вмешательство было осуществлено в законных целях согласно пункту 2 Статьи 10.
- В деле **Rekviényi v Hungary (1999 г.)** государство-ответчик утверждало, что целью внесенной в Конституцию поправки, лишавшей сотрудников полиции права заниматься политической деятельностью, являлась деполитизация полиции в период, когда Венгрия была на пути преобразования из страны с тоталитарным режимом в страну с плюралистической демократией. Суд отметил, что ряд подписавших Конвенцию государств ограничивает некоторые виды политической деятельности для сотрудников полиции. Учитывая данные сотрудникам полиции принуждающие полномочия и тот факт, что силы полиции служат государству, общественность вправе ожидать от сотрудников полиции политически нейтральной позиции.

Такая цель совместима с принципами демократии. Суд также подчеркнул особое значение этих принципов для Венгрии, прошедшей через эпоху тоталитарного правления, где опорой режиму во многом служила преданность полиции правящей партии. Соответственно, Суд заключил, что рассматриваемое ограничение было наложено в законных целях, в частности, для защиты национальной безопасности и общественного порядка, а также для предотвращения беспорядков.

- В деле **Observer and Guardian v United Kingdom (1991 г.)** государство-ответчик в числе прочего утверждало, что причина попыток наложить судебный запрет на публикацию материалов, связанных с книгой «Spycatcher», состояла в том, что данная публикация могла подорвать авторитет служб безопасности Соединенного Королевства. В частности, государство утверждало, что публикация принесет вред как самой службе, так и ее сотрудникам, а также другим лицам, названным в разглашенной информации. Кроме того, данная публикация могла подорвать доверие дружественных стран, организаций и лиц в отношении службы безопасности, создавая угрозу того, что и другие сотрудники либо бывшие сотрудники службы попытаются обнародовать подобную информацию. Суд постановил, что защита национальной безопасности в качестве одной из целей судебных запретов была неопровержима.
- В деле **Vereniging Weekblad Bluf! v Netherlands (1995 г.)** заявителями выступали издатели, получившие ежеквартальный отчет внутренней службы безопасности BVD под грифом «секретно». Из отчета шестилетней давности становилось ясно, что силы безопасности интересовались деятельностью Коммунистической партии Нидерландов и ряда других организаций. Заявители предложили обнародовать отчет, однако непосредственно перед публикацией все экземпляры отчета были у них изъяты. Вскоре после этого заявителям удалось отпечатать и распространить несколько экземпляров отчета. Суд постановил, что для должного функционирования демократического общества, основанного на принципах правового государства и для эффективной работы институтов подобных внутренней службе безопасности (BVD), может потребоваться соблюдение секретности и обеспечение необходимой защиты. Суд заявил, что подобным образом государство может защитить себя от деятельности лиц и групп, пытающихся подорвать основные ценности демократического общества. Соответственно, Суд принял довод о том, что ограничения были наложены в законных целях для защиты национальной безопасности.
- В деле **Duzgoren v Turkey (2006 г.)** заявителем выступал журналист, который у здания Государственного суда безопасности города Анкара раздавал листовки, содержащие заявление от имени лица, отказывающегося от военной службы по идейным соображениям, после чего был признан виновным и осужден за подстрекательство к уклонению от воинской службы. Впоследствии в своих показаниях прокуратуре заявитель указал, что он распространял листовки с целью добиться отмены обязательной воинской повинности в Турции. Заявитель был признан виновным в подстрекательстве к уклонению от воинской службы и был осужден на два месяца лишения свободы. Суд отметил, что в листовке не использовались формулировки, поощряющие насилие, вооруженное сопротивление или мятеж, хотя ее текст был однозначно направлен против военной службы. Суд постановил, что приговор был необоснован и не мог квалифицироваться как действие, направленное на защиту национальной безопасности, лишь на том основании, что листовка раздавалась в общественном месте города Стамбула, хотя сама по себе листовка ни по форме, ни по содержанию не призывала непосредственно к актам дезертирства и должна была рассматриваться отлично от случаев, при которых в войска направлялся прямой призыв к дезертирству.
- В деле **Ergin v Turkey (No.6) (2006 г.)** заявителем выступал редактор газеты, в которой была опубликована статья, критикующая традиционную церемонию отправки призывников на военную службу. В статье говорилось о том, как привлекательно выглядела война из-за церемониальной

помпезности происходящего, однако далее речь шла о потерянных жизнях и плохом обращении к раненым на войне. Впоследствии заявитель был признан виновным в подстрекательстве к уклонению от воинской службы и был осужден на два месяца лишения свободы с выплатой штрафа. Суд отметил, что в статье выказывалось враждебное отношение к военной службе, но не содержалось призывов к насилию или подстрекательства к вооруженному сопротивлению либо мятежу, вдобавок статья была опубликована в газете доступной широким слоям населения и, следовательно, не призывала непосредственно к актам дезертирства. Таким образом, данное вмешательство не было соразмерно заявленной цели и не могло классифицироваться как насущная общественная необходимость.

- В деле **Surek v Turkey (No.1) (1999 г.)** заявитель являлся крупным акционером газеты, в которой публиковались письма читателей о массовых убийствах в деревне на юго-востоке Турции. В письмах резкой критике подвергались действия турецкого государства в отношении проживающих там курдов. Заявитель был осужден за пропаганду, направленную против целостности государства и за разжигание межнациональной розни. Суд согласился с утверждением Турции о том, что целью наложенного ограничения являлась защита территориальной целостности турецкого государства (см. также дело **Yagmurdereli v Turkey (2002 г.)** и решение о приемлемости жалобы в деле **Ozler v Turkey (2002 г.)**).
- В деле **Piermont v France (1995 г.)** заявительница, являющаяся депутатом Европейского парламента, была выслана за пределы Французской Полинезии в период предвыборной кампании после участия в демонстрации, на которой она выступила с критикой в адрес французского присутствия в стране и проводимых там ядерных испытаний. Заявительнице был закрыт въезд в Новую Каледонию, также являющейся французской территорией, где также шла борьба за голоса избирателей. Суд принял объяснения французской стороны о том, что причиной ограничения свободы выражения заявителя являлась защита территориальной целостности французских владений. Тем не менее, Суд пришел к выводу, что данные ограничения не были необходимы в демократическом обществе.

4.5.2 Предотвращение беспорядков или преступлений

В качестве основания для вмешательства в отношении свободы выражения государства часто ссылаются на интересы национальной безопасности и предотвращение беспорядков и преступлений. Особенно часто это встречается там, где предпринятые государством меры направлены на ограничение насилия или подстрекательства к насилию. Суд принимает, что подобные обстоятельства могут стать угрозой для национальной безопасности и одновременно представлять опасность для общественного порядка, а также приводить к совершению преступлений. Для Суда представляет сложность осуществлять надзор над тем, как государства уравнивают права отдельных лиц на свободу выражения своего мнения и более широкие государственные интересы в целях поддержания общественного порядка, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры:

- В деле **Janowski v Poland (1999 г.)** заявитель стал свидетелем того, как сотрудники муниципальной охраны приказали уличным торговцам покинуть площадь. Заявитель вмешался и сказал сотрудникам охраны, что у них нет юридических оснований поступать подобным образом. Он высказался в их адрес, назвав их «болванами» и «тупицами». Впоследствии заявитель был признан виновным в словесном оскорблении сотрудников муниципальной охраны. По утверждению государства-ответчика заявитель был осужден в целях обеспечения беспрепятственного выполнения государственными служащими своих обязанностей. Суд согласился, что вмешательство в отношении свободы выражения заявителя было законно и осуществлено в целях предотвращения беспорядков.

- В деле **VSDO and Gubi v Austria (1994 г.)** государственные власти содействовали бесплатному распространению ряда изданий среди военнослужащих. Журнал, издаваемый первым заявителем, не получил права распространения среди военнослужащих на том основании, что к распространению были допущены лишь те издания, которые хотя бы в какой-то степени отождествляли себя с конституционными обязанностями армии, не наносили вреда ее репутации и не выделяли печатную площадь политическим партиям. Суд согласился с тем, что ограничение было наложено в законных целях, в частности, для поддержания порядка в вооруженных силах.
- В деле **Incal v Turkey (1998 г.)** заявитель являлся членом исполнительного комитета политической партии, представляющей интересы курдского населения. Партия решила выпустить листовку с критикой действий местных властей, в частности, направленных против мелкой незаконной торговли и разрастания лагеря незаконных поселенцев - в своем большинстве курдской национальности - в окрестностях города Измир. В листовках принятые властями меры характеризовались как акт притеснения, а курды и члены пролетариата призывались сформировать местные комитеты для противодействия указанным мерам. В государственные органы власти был отправлен запрос с целью получения разрешения на распространение листовок. В разрешении было отказано, сами листовки были изъяты, а в отношении всех членов исполнительного комитета данной политической партии были возбуждены уголовные дела. Заявитель был признан виновным в преступной попытке разжигания межнациональной розни и был приговорен к заключению сроком свыше шести месяцев с выплатой штрафа. Заявитель был отстранен от гражданской службы с запретом на участие в определенных видах деятельности в составе политических организаций, ассоциаций и профсоюзов. Хотя государство-ответчик так и не смогло убедительно объяснить, какой именно из целей, предусмотренных в пункте 2 Статьи 10, служили предпринятые меры, Суд постановил, что в основе ограничения лежала законная цель предотвращения беспорядков.
- В деле **Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.)** выступающая в качестве заявителя компания имела установленные на территории Италии радиопередатчики, но была лишена возможности вещать самой либо передавать свои программы швейцарским компаниям кабельного вещания для ретрансляции на территории Швейцарии. Суд рассмотрел историю редактирования текста Статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (право на свободу выражения), с учетом того, что в нем не содержится положений, соответствующих третьему предложению пункта 1 Статьи 10. Суд отметил, что предлагалось включить подобное положение в текст Статьи 19, дабы предотвратить беспорядочное использование частот. Однако эта идея не встретила одобрения, и было решено, что необходимости в подобном положении нет, так как считалось, что лицензирование технических средств вещания можно отнести к положению об общественном порядке в пункте 3 Статьи 19. Суд, соответственно, пришел к заключению, что ограничение в данном случае преследовало законную цель, в числе прочего, для защиты порядка в сфере международных телекоммуникаций, что входит в смысл фразы «предотвращение беспорядков» пункта 2 Статьи 10.
- В деле **Steel and Others v United Kingdom (1998 г.)** пять заявителей участвовало в акции протеста против отстрела куропаток и расширения автомагистрали. Двое из заявителей были арестованы за создание препятствия на дороге, что суд посчитал обоснованным ввиду угрозы для общественного порядка и вероятности подвергнуть опасности членов общества, исходящей из акции протеста, в которой участвовали заявители на тот момент. Однако в отношении остальных трех заявителей Суд пришел к выводу, что их задержание полицией за раздачу листовок вблизи конференц-центра в рамках той же самой акции протеста не являлось необходимой или пропорциональной мерой для защиты общественного порядка.

4.5.3 Защита здоровья или нравственности

В производстве Суда сравнительно немногочисленны дела, касающиеся ограничений, наложенных с целью защиты здоровья и нравственности. Наиболее интересны примеры, в которых ссылка на защиту нравственности приводится как основание для вмешательства в отношении права на свободу выражения в связи с ограничением материалов непристойного характера. Еще один ряд дел, касается консультаций по вопросу искусственного прекращения беременности (см. дело **Open Door Counselling and Dublin Well Woman v Ireland (1992 г.)**).

- В деле **Handyside v United Kingdom (1976 г.)** заявитель издал книгу, предназначенную для детей школьного возраста. Полагая, что книга содержит материалы непристойного свойства, органы государственной власти изъяли ее экземпляры у заявителя, а он сам впоследствии был признан виновным в непристойном поведении. Суд пришел к выводу, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения было осуществлено с законной целью, а именно - защиты нравственности.
- В деле **Müller and Others v Switzerland (1988 г.)** первым заявителем выступал художник, который принял участие в выставке, организованной девятью со-заявителями. Несколько картин заявителя было изъято на основании их непристойного характера. Впоследствии заявители были признаны виновными в публикации непристойных материалов. Суд согласился, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения было осуществлено с законной целью защиты нравственности.
- В деле **Open Door Counselling and Dublin Well Women v Ireland (1992 г.)** на заявителей был наложен судебный запрет, воспрепятствующий им предоставлять беременным женщинам информацию о клиниках, занимающихся абортами вне юрисдикции Ирландии. Согласно ирландскому законодательству искусственное прекращение беременности считалось преступлением. Суд согласился, что предусмотренная ирландским законодательством защита права на жизнь еще не рожденного ребенка основана на глубоких моральных ценностях о природе жизни, которые отражаются в отношении большинства ирландцев, проголосовавших против искусственного прекращения беременности в рамках референдума 1983 года. Таким образом, ограничение было наложено в законных целях для защиты нравственности, одним из аспектов которой в Ирландии является защита права на жизнь еще не рожденного ребенка.
- В деле **Wingrove v United Kingdom (1996 г.)** предметом рассмотрения стал снятый заявителем фильм, где была изображена одетая как монахиня женщина, в титрах обозначенная как «Святая Тереза (Авильская)» и эротическая фантазия с фигурой распятого Христа. Фильм не получил сертификата распространения от Британской комиссии по классификации фильмов. Суд посчитал, что обычно государствам дается более широкое право действовать по собственному усмотрению при регулировании права на свободу выражения в связи с вопросами, способными оскорбить глубокие личные убеждения в области нравственности или религии. Следовательно, доводы государства-ответчика были приняты. В деле **Murphy v Ireland (2003 г.)** Суд привел ту же аргументацию, постановив, что запрет на объявления религиозного характера не является нарушением Статьи 10.
- В деле **Stambuk v Germany (2002 г.)** внутригосударственные судебные органы наложили на заявителя штраф за нарушение запрета на рекламу врачебных услуг. Заявитель, являющийся офтальмологом, выполнял операции с помощью лазерной техники. Местная газета опубликовала статью о его работе, детально описав его методы и процент успешных операций. Суд заметил, что дисциплинарные меры были приняты в законных целях для защиты здоровья.

4.5.4 Защита репутации и прав других лиц

Законы о клевете и законы, предотвращающие оскорбление других на религиозной почве, обычно мотивируются защитой репутации и прав других лиц. В рамках этой категории суд также рассматривал случаи вмешательства в отношении законных и договорных прав других лиц, возникающих, в частности, в контексте коммерческой деятельности. В нижеприведенных примерах иллюстрируется позиция Суда по данным вопросам:

- В деле **Otto-Preminger-Institut v Austria (1994 г.)** в качестве заявителя выступал центр искусств, в котором фильм, способный оскорбить чувства католиков, был запрещен к показу и изъят. Рассматривая вопрос о том, было ли данное вмешательство осуществлено в законных целях, Суд отметил, что лица, пользующиеся свободой публично практиковать свою религию, не должны ожидать, что будут освобождены от всякой критики в свой адрес. Они должны проявлять терпимость и считать приемлемым то, что другие могут отрицать их религиозные убеждения и даже распространять враждебные их вере доктрины. Тем не менее, Суд постановил, что ответственность государства может возникнуть в связи с тем, каким образом противопоставляются либо отрицаются религиозные убеждения и доктрины, а именно ответственность государства заключается в том, чтобы обеспечить мирное осуществление предусмотренного Статьей 9 права для лиц, придерживающихся подобных убеждений и доктрин. Суд отметил, что лежащие в основе ограничений законы не предназначены для подавления форм поведения, направленных против предметов религиозного культа и действий, которые, по всей вероятности, могут вызвать чувства «оправданного возмущения». Соответственно, Суд пришел к заключению, что ограничения были наложены с целью защитить право граждан не быть оскорбленными в своих религиозных чувствах при публичном выражении взглядов других лиц. Суд пришел к выводу, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения было осуществлено с законной целью, а именно для защиты прав других лиц.
- В деле **Castells v Spain (1992 г.)** заявителем был политический деятель от оппозиции, который в газетной статье высказался с резкой критикой в адрес правительства Испании в связи с его неспособностью предпринять адекватные меры для расследования ряда убийств в стране басков. Заявитель сетовал на бездействие полиции, обвиняя ее в преступном сговоре с виновными. Далее он давал понять, что ответственность несет государство. Заявитель был признан виновным в оскорблении в адрес государства. Суд пришел к выводу, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения было осуществлено с законной целью для защиты прав других лиц, а именно - сотрудников полиции и правительства, а также с целью предотвращения беспорядков.
- В деле **Tolstoy Miloslavsky v United Kingdom (1995 г.)** заявитель написал статью, в которой утверждал, что пэр Соединенного Королевства, являющийся директором известной английской школы для мальчиков, был ответственен за убийство тысяч мужчин, женщин и детей в годы Второй мировой войны. Статья была опубликована в форме брошюры, которая была распространена среди родителей учащихся школы, членов обеих палат парламента и журналистов. Заявитель был впоследствии признан виновным в клевете. Суд постановил, что вмешательство было осуществлено с законной целью защиты прав других лиц.
- В деле **Goodwin v United Kingdom (1996 г.)** в качестве заявителя выступал журналист, получивший конфиденциальную информацию из анонимного источника о том, что некое акционерное общество испытывает неизвестные общественности финансовые трудности. Он позвонил в компанию с целью получить подтверждение имеющейся информации. Впоследствии компания добилась судебного запрета на публикацию данной информации, а также получила судебный приказ, предписывающий заявителю раскрыть свой источник. Его отказ раскрыть свой источник был квалифицирован как неуважение к суду, и заявитель вместе со своим издателем были

оштрафованы на крупную сумму по решению внутригосударственных судебных органов. В свою очередь, Суд согласился, что защита «прав других лиц» согласно пункту 2 Статьи 10 включает в себя такие законные права, как право собственности и договорные права, и соответственно постановил, что компания имела законные основания попытаться выявить своего неблагодарного сотрудника с целью предотвращения дальнейшего разглашения конфиденциальной информации. Однако Суд пришел к выводу, что предпринятые действия были несоразмерны ввиду того, что журналистам необходимо защищать свои источники информации.

- В деле **I.A. v Turkey (2005 г.)** заявителем выступал владелец и директор издательства, опубликовавшего роман, в котором автор высказывал свои взгляды на философские и богословские темы в стиле новеллы. Впоследствии, за издание этой книги автор был признан виновным в богохульстве против «Бога, Религии, Пророка и Святой Книги» и был оштрафован. Заявитель утверждал, что признание его виновным в уголовном преступлении нарушает его право на свободу выражения мнения. Суду предстояло взвесить противоречащие соображения, исходящие из двух основных свобод, а именно: право заявителя публично распространять свои взгляды на религиозную доктрину, с одной стороны, и право других лиц на уважение своей свободы мысли, совести и религии - с другой. Суд отметил, что в рассматриваемом деле речь шла не только о комментариях, способных оскорбить, шокировать и провоцировать, но и об оскорбительных нападках в адрес Пророка Ислама. Следовательно, Суд посчитал, что принятые в отношении рассматриваемых заявлений меры имели целью обеспечить защиту от оскорбительных нападков на священные для мусульман темы. В этом отношении Суд пришел к выводу, что принятые меры можно справедливо считать соответствующими «насущной общественной необходимости». Суд пришел к заключению, что государство-ответчик не превысило пределов собственного усмотрения, а причины, приведенные в качестве основания, для осуждения заявителя были «обоснованы и достаточны». Более того, власти решили не изымать книгу, а незначительный штраф, наложенный на заявителя, не мог считаться несоразмерным преследуемой цели. Таким образом, Суд не обнаружил нарушения Статьи 10.
- В деле **Klein v Slovakia (2006 г.)** в качестве заявителя выступал журналист и кинокритик. Католический архиепископ публично прокомментировал афишу фильма и осудил ее как кощунственную и клеветническую для христианской религии. Заявитель написал газетную статью, в которой подверг критике позицию архиепископа, отметив, что Словакия не является христианским государством, а сам архиепископ глуп и лишен сексуальной привлекательности. По заявлению двух христианских групп в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело за поношение веры. Заявитель был признан виновным в поношении нации, расы и веры за то, что пытался опорочить высшего сановника церкви, и был оштрафован. Он подал апелляцию, но безуспешно. Суд согласился, что указанные меры были приняты с целью защитить репутацию архиепископа и других лиц. Тем не менее, Суд также установил, что сказанное заявителем не являлось дискредитацией или поношением части населения, а было направлено лишь в адрес архиепископа. Сам архиепископ не подавал иска против заявителя, и поскольку в статье критике подвергался только архиепископ, то заявитель не должен был быть осужден за поношения убеждений других лиц.
- В деле **Giniewski v France (2006 г.)** заявитель написал статью, опубликованную в парижской газете, в которой выступал с критикой в адрес католической церкви. В особенности, в статье устанавливалась связь между определенными католическими убеждениями и антисемитизмом в целом, и в частности, совершенными в лагере Аушвиц злодеяниями. По заявлению группы христиан против заявителя было возбуждено уголовное дело, и он был признан виновным в публичном поношении группы лиц на основании их принадлежности к определенной религии. Заявитель и опубликовавшее его издательство были оштрафованы и присуждены к выплате судебных издержек. Внутригосударственные судебные органы пришли к выводу, что его замечания свидетельствовали о его личной неприязни и недобросовестности. Суд постановил,

что обстоятельств, указывающих на то, что принятые меры были необходимы для защиты прав и репутации других лиц, обнаружено не было. Принятая Судом позиция заключалась в том, что статья подвергала критике доктрину папской непогрешимости и, следовательно, касалась только католиков, а приведенный в ней анализ не мог распространяться на христианство в целом. Кроме того, Суд отметил, что данные взгляды как таковые не подразумевали религиозных убеждений: в своем анализе доктрины заявитель лишь выразил свое мнение историка и журналиста. Суд пришел к выводу, что рассматриваемая статья не являлась бесосновательно оскорбительной, а назначенное наказание не требовалось для защиты прав и репутации других лиц, как утверждало государство-ответчик.

- В деле **Tonsbergs Blad As and Haukom v Norway (2007 г.)** в качестве заявителей выступали издатель газеты и журналист. Журналист написал статью, в которой разглашался конфиденциальный список лиц, считающихся нарушителями муниципального законодательства, которое запрещало иметь второй дом в качестве дачи. Журналист не указал свои источники информации. В статье фигурировало имя весьма известного предпринимателя, также включенного в указанный список. Предприниматель сообщил властям, что владелицей указанной собственности являлась его супруга, после чего его имя было изъято из списка. Об этом предприниматель сообщил заявителю письменно. Заявитель опубликовал вторую статью, где говорилось что указанный предприниматель избежал наказания за нарушение закона и был вычеркнут из списка. В последующей статье отмечалось, что в отношении указанного предпринимателя никаких мер принято не было. Против заявителей было возбуждено уголовное дело на основании того, что в первой статье имя предпринимателя было включено в список лиц, предположительно нарушивших закон. Заявители были признаны виновными и присуждены к выплате судебных издержек. Суд заключил, что хотя принятые государством меры были направлены на защиту прав и репутации предпринимателя, они не являлись необходимыми в демократическом обществе и не были соразмерны заявленной цели. Суд отметил, что следует учитывать сдерживающий эффект запретов, не позволяющих журналистам четко освещать вопросы, представляющие общественный интерес, как в случае с журналистом, полагающимся на оказывающуюся верной конфиденциальную информацию из государственных источников.
- В деле **Standard Verlagsgesellschaft MBH (No.2) v Austria (2007 г.)** заявитель был владельцем ежедневной газеты, которая опубликовала статью о предположительном правонарушении со стороны регионального губернатора г-на Хайдера. Речь шла о назначении членов общественного совета со стороны губернатора на основании полученной им юридической консультации. Статья ставила под вопрос полученную юридическую консультацию и предпринятые губернатором действия, тем самым давая понять, что он преднамеренно ввел в заблуждение региональное собрание. Г-н Хайдер подал в суд на газету за клевету, и его иск был удовлетворен. Позже он подал еще один иск с требованием обязать заявителя в судебном порядке отказаться от сделанного заявления и возместить ему судебные издержки на основании того, что журналист не обращался к юристу и поступил безответственным образом. Иск был удовлетворен. Суд согласился, что принятые меры имели целью защитить доброе имя г-на Хайдера, которое ставилось под сомнение в указанной статье.
- В деле **Egeland and Hanseid v Norway (2009 г.)** заявителями выступали главные редакторы двух крупных центральных газет, которых приговорили к выплате штрафа за незаконную публикацию фотографий женщины, покидающей здание суда после того, как она была признана виновной и осуждена на 21 год лишения свободы за тройное убийство. Суд установил, что в рассматриваемом деле речь шла о защите «репутации и прав других лиц» и «обеспечении авторитета и беспристрастности правосудия». Несмотря на то, что данные фотографии касались публичного мероприятия и были сделаны в общественном месте в момент, когда личность женщины уже была известна общественности, Суд пришел к выводу, что изображение было особенно вторгающимся в ее личную жизнь. Изображенная на фотографии женщина была в

слезах, в глубоком отчаянии, испытывала эмоциональное потрясение и была наиболее уязвима психически. Более того, фотографии были сделаны и опубликованы без ее согласия. То обстоятельство, что в прошлом женщина сотрудничала с прессой, не могло служить основанием для лишения ее права на защиту от публикаций указанных фотографий в прессе.

4.5.5 Предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально

Эта категория стала источником ограниченного количества прецедентов. Тем не менее, в ситуациях, когда конфиденциальные государственные документы становятся достоянием общественности без разрешения, Конвенция не предусматривает для государств права ссылаться на защиту государственных интересов для обоснования вмешательств в отношении свободы выражения. Более того, в ситуациях, когда внутригосударственные судебные органы вмешиваются в право на свободу выражения для защиты частных интересов, допускается ссылка на подобные основания. Например, в случае, если конфиденциальный деловой доклад становится достоянием общественности, внутригосударственный суд может наложить запрет на публикацию содержащихся в нем материалов со ссылкой на указанные основания. Тем не менее, Суд будет рассматривать как контекст разглашения данной информации, так и ее характер, о чем свидетельствуют нижеприведенные примеры:

- В деле **Autronic AG v Switzerland (1990 г.)** заявителю было запрещено принимать сигналы с российского спутника. Суд согласился с утверждением государства-ответчика, что вмешательство преследовало законные цели: «предотвращение беспорядков» и «предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально». Государство утверждало, что конфиденциальность телекоммуникаций, распространяющаяся на телевизионные трансляции и гарантированная Статьей 22 Международной конвенции по связи, нуждалась в защите.
- В деле **Fressoz and Roire v France (1999 г.)** заявителями выступили шеф-редактор и журналист одной газеты. Статья была опубликована в период волнений среди рабочих автомобилестроительной компании «Peugeot» в ответ на отказ руководства повысить заработную плату. В статье приводились налоговые выплаты руководителя компании «Peugeot» и подробности значительных прибавок к зарплате, которые он сам себе выделил в течение предшествующих двух лет. В заключительной части статьи приводилась ксерокопия соответствующего раздела налоговой отчетности. Заявители были признаны виновными в преступном использовании ксерокопий налоговой отчетности руководителя компании «Peugeot», полученные в результате нарушения профессиональной конфиденциальности со стороны неназванного сотрудника налоговой службы. Суд принял, что ограничение права заявителей на свободу выражения преследовало законную цель предотвратить разглашение информации, полученной конфиденциально. Суд также принял второе основание, а именно намерение защитить права и репутацию других лиц.
- В деле **Stoll v Switzerland (2007 г.)** заявителем выступал швейцарский журналист, который был осужден за публикацию «конфиденциального» стратегического документа посла Швейцарии в Соединенных Штатах Америки (США) о переговорах на тему компенсаций жертвам Холокоста за невостребованные депозиты в швейцарских банках. Заявитель утверждал, что он был осужден с нарушением Статьи 10. Суд отметил, что непосредственной мишенью для критики, высказанной в статье, стал высокопоставленный чиновник, а именно член дипломатического корпуса в ранге посла, выполняющий особо важную миссию в США. Суд постановил, что конфиденциальность дипломатических отношений обоснована в принципе, но ее нельзя защищать любой ценой. Более того, роль средств массовой информации как критика и стража общественных интересов также относиться к вопросам внешней политики. Тем не менее, Большая палата отменила решение Палаты о нарушении Статьи 10 и по нижеприведенным причинам сочла, что нарушения допущено не было. Оценивая необходимость принятых государством мер, Суд учел, каким именно образом были уравновешены интересы общественности в данном вопросе: с одной стороны, осведомленность читателей о злободневной теме, с другой - интересы

полномочных органов для обеспечения положительного и удовлетворительного результата дипломатических переговоров. Суд посчитал, что разглашение на тот момент выдержек из доклада посла могло спровоцировать негативные последствия для гладкого хода переговоров, в которых участвовала Швейцария, не столько из-за самих замечаний посла, сколько из-за того, каким образом они были представлены заявителем. Что касается поведения заявителя, то здесь Суд посчитал, что как журналист он не мог не знать о предусмотренном в Уголовном Кодексе наказании за разглашение доклада. Суд также учел, что содержание написанной заявителем статьи было упрощено и урезано, а использованные формулировки давали понять, что замечания посла несли антисемитский характер. Суд еще раз подчеркнул необходимость разбираться с подобными обвинениями и (или) инсинуациями самым решительным образом. Суд отметил, что манера составления указанных статей с сенсационными заголовками едва соотносилась с такой важной и серьезной темой как не востребованные депозиты. Суд также обратил внимание на неточный характер данных статей, способный ввести читателя в заблуждение. И, наконец, Суд посчитал, что наложенный на заявителя штраф был соразмерен заявленной цели и соответственно постановил, что Статья 10 нарушена не была.

4.5.6 Обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия

Принцип правового государства является основополагающей догмой любого государства с демократической формой правления и зависит от эффективного применения законов со стороны судебных органов. В этом отношении государство несет обязательство обеспечить для каждого право на справедливое судебное разбирательство согласно Статье 6 Конвенции. Как видно из положений Статьи 10, государство особо заинтересовано в защите неприкосновенности судебных процессов, а также в ограничении характера и степени критики, звучащей в адрес текущего судебного разбирательства.

Также принято, что Суд рассматривает обстоятельства, при которых были наложены ограничения на высказывания журналистов относительно ценности доказательной базы либо вероятного вердикта судебного разбирательства. Согласно принципам правового государства судебные органы должны пользоваться доверием народа, которому служат. Именно поэтому может потребоваться ограничить право журналистов высказываться относительно порядка судебных разбирательств и общей работы судебных органов. Суд также признал, что защита прав сторон судебного разбирательства приравнивается к защите авторитета правосудия, поскольку выступающие в качестве тяжущихся стороны участники процесса являются частью аппарата правосудия (см. пункт 56 постановления Суда по делу **Sunday Times v United Kingdom (1979 г.)**). Суд всегда очень тщательно рассматривает необходимость подобных ограничений.

- Суд объяснил смысл фразы «авторитет правосудия» в деле **Sunday Times v United Kingdom**. Суд заявил, что термин «правосудие» включает аппарат правосудия или судебную ветвь государственной власти, а также выполняющих свои должностные обязанности судей. Фраза «авторитет правосудия» включает в себя понятие того, что суды являют собой и воспринимаются общественностью как место для выяснения законных прав и обязанностей, а также для улаживания споров, возникающих в связи с этими правами и обязанностями. Кроме того, в это понятие входит уважение и доверие со стороны общественности в отношении способности судов выполнять свои функции.
- В деле **Barfod v Denmark (1989 г.)** тяжущиеся стороны оспаривали новый закон о налогообложении граждан Дании, работающих на американских базах в Гренландии. Заявитель написал статью, в которой высказал критику в адрес двух судей, не являющихся профессиональными юристами, которые вынесли решение по данному делу. Он утверждал, что согласно конституции Дании оба судьи были дисквалифицированы на том основании, что являлись сотрудниками местных органов управления, а посему их участие в деле нарушало принцип

разделения судебной и исполнительной ветвей власти. Заявитель также оспаривал способность и правомочность судей вынести беспристрастное решение по делу, направленному против их работодателя. Заявитель был признан виновным в оскорблении правосудия. Суд принял утверждение государства-ответчика о том, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения преследовало законную цель и было осуществлено для обеспечения авторитета правосудия.

- В деле **Weber v Switzerland (1990 г.)** речь шла о письме, опубликованном в газете человеком по имени Р.М., в котором утверждалось, что выступающий в качестве заявителя журналист был бессовестным человеком, выпрашивающим деньги у людей на сомнительные цели и не отчитывающимся должным образом об использовании этих средств. Заявитель подал на Р.М. иск о клевете. Сразу после начала судебного разбирательства заявитель провел пресс-конференцию, на которой заявил, что Р.М. проходил ответчиком по иску о клевете. Далее он заявил, что представил определенные документы в разбирающий дело суд и подал жалобу на судью, рассматривающего дело. Против заявителя было возбуждено дело о нарушении конфиденциальности судебного разбирательства, вследствие чего заявитель был признан виновным и оштрафован. Суд согласился, что процессуальные действия против заявителя имели целью обеспечить проведение судебного разбирательства и посему были предназначены для защиты авторитета и беспристрастности правосудия.
- В деле **Sunday Times v United Kingdom (No.1) (1979 г.)** речь шла о детях, родившихся с серьезными дефектами развития вследствие того, что их матери принимали препарат талидомид во время беременности. Многие из родителей подали судебные иски против производителя препарата - компании «Distillers». Выступающая в качестве заявителя газета опубликовала статью, посвященную данному препарату и объявила о своем намерении опубликовать еще одну статью, посвященную истории возникновения этой трагедии. Компания «Distillers» добилась судебного запрета на публикацию второй статьи на том основании, что это будет считаться актом неуважения к суду. По утверждению государства-ответчика закон о неуважении к суду служит защите не только беспристрастности и авторитета правосудия, но и прав и интересов тяжущихся сторон. Суд принял утверждение государства о том, что закон о неуважении к суду в английском праве служит для защиты должности судьи, работы судов и всего аппарата правосудия. Соответственно, Суд постановил, что «обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия» являлось одной из целей данного закона.
- В деле **Du Roy-Malaurie v France (2000 г.)** в качестве заявителей выступали журналист и редактор газеты. Газета опубликовала написанную журналистом статью, в которой критике подвергался некий Г. - бывший директор компании, отвечающей за строительство домов для рабочих, а также его взаимоотношения с новым руководством этой компании. Новое руководство подало иск против Г. в уголовном порядке и ходатайствовало о своем присоединении к разбирательству в качестве гражданской стороны. Заявителям было предъявлено обвинение в публикации информации, относящейся к ходатайству о присоединении к уголовному разбирательству в качестве гражданской стороны, что являлось преступлением, и они были признаны виновными. Апелляционный суд постановил, что положения, согласно которым они были признаны виновными, были предназначены для защиты лиц, против которых была подана жалоба, в целях защиты презумпции невиновности и для предотвращения каких-либо внешних воздействий на отправление правосудия. Суд согласился, что вмешательство было предназначено для защиты репутации и прав других лиц, а также для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.
- В деле **Perna v Italy (2003 г.)** заявителем являлся журналист, опубликовавший в газете статью о прокуроре, где давал понять, что тот поддерживал государственного деятеля, обвиненного в связях с мафиозной организацией. Национальный суд признал заявителя виновным в

клевете через прессу, усугубленную тем обстоятельством, что указанное преступление было совершено в отношении государственного служащего, состоящего при исполнении своих должностных обязанностей. Суд приговорил его к наказанию в виде штрафа. По утверждению государства-ответчика вмешательство в отношении права журналиста на свободу выражения было осуществлено в целях обеспечения авторитета правосудия.

- В своем решении о приемлемости дела **P4 Radio Hele Norge v Norway (2003 г.)** Суд объявил неприемлемой жалобу, касающуюся отказа разрешить трансляцию крупного судебного процесса по делу об убийстве. Суд отметил, что среди договаривающихся стран не было единого мнения относительно трансляции судебных процессов в прямом эфире. Прямые трансляции могут вызвать дополнительное давление на участников процесса и даже ненадлежащим образом повлиять на их поведение и тем самым навредить справедливому отправлению правосудия. Национальные власти пользуются более широкой свободой усмотрения в вопросе обеспечения авторитета правосудия, что также включает защиту прав сторон, участвующих в судебном разбирательстве. Суд согласился с доводами, приведенными государством-ответчиком и счел их существенными и достаточными.
- В деле **Tourancheau and July v France (2005 г.)** заявителями выступали корреспондент и редактор французской газеты. Им предъявили обвинение в публикации документов из уголовного дела об убийстве молодой девушки в то время, как уголовное расследование по делу не было завершено, а открытый судебный процесс не был начат. Заявители подали жалобу о том, что уголовное преследование в их отношении являлось нарушением Статьи 10. Суд счел, что вмешательство в отношении права заявителей было «предусмотрено законом». Будучи опытными журналистами, заявители были в состоянии разумно предвидеть, что публикация выдержек из уголовного дела в статье могла стать причиной уголовного преследования. Суд согласился, что вмешательство было осуществлено в целях защиты «репутации и прав других лиц», а также для «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия». Суд посчитал, что доводы, приведенные французскими судами в качестве основания для вмешательства в отношении права заявителя на свободу выражения, были «существенны и достаточны». Внутригосударственные судебные органы подчеркнули вредоносные последствия публикации статьи для защиты репутации и прав подозреваемых, проходящих по уголовному делу, их права на презумпцию невиновности, а также для авторитета и беспристрастности правосудия, ввиду возможного влияния статьи на членов коллегии присяжных. Суд посчитал, что интересы заявителей в вопросе распространения информации о ходе уголовного расследования, вина подозреваемых в процессе судебного разбирательства, а также интересы общественности с точки зрения получения информации, не были достаточно вескими, чтобы возобладать над соображениями, приведенными со стороны судебных органов. Суд далее посчитал, что наказание, вынесенное в отношении заявителей, было соразмерно законным целям, преследуемым властями. Суд постановил четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против», что нарушения Статьи 10 допущено не было. Трое судей, проголосовавших «против», посчитали, что возобладать должны были интересы общественности с точки зрения осведомленности об уголовном разбирательстве и, в частности, об обстоятельствах этого важного и значимого дела.
- В деле **Kobenter and Standard Verlags GMBH v Austria (2006 г.)** заявителем выступал корреспондент венской газеты, которую издавал второй заявитель по данному делу. По частному заявлению группы гомосексуалистов в отношении журнала религиозной направленности было возбуждено дело в связи публикацией в нем фотоснимков демонстрации с их участием и поименным списком, а также с призывом применять в их отношении «нацистские методы». Преследование в частном порядке оказалось безуспешным, а в решении суда упоминалась природа гомосексуализма и приводились примеры однополых отношений среди животных. Решение суда подверглось широкой критике в средствах массовой информации, в том числе и со стороны заявителей, высказавшихся с оценкой интеллектуальных способностей и этических

ценностей судьи и сравнив его суждения со средневековым процессом ведьм. Судья убрал из своего решения отрывки о животных и после дисциплинарного разбирательства получил предупреждение. Впоследствии, судье удалось добиться осуждения первого заявителя за клевету и выплаты компенсации со стороны второго заявителя. Суд пришел к выводу, что данное вмешательство не могло быть обосновано общественными интересами для защиты репутации судьи и положения судебной власти в целом. Факт удаления судьей указанных отрывков из судебного решения и дисциплинарное взыскание в его отношении свидетельствуют о том, что он не выполнил вверенных ему обязанностей надлежащим образом, а заявители были правы, указав на это обстоятельство.

- Также можно обратиться к делу **Egeland and Hanseid v Norway (2009 г.)** и к делу **Guja v Moldova (2008 г.)**.

Вопросы

1. Каким образом сформулированы ограничения, предусмотренные на основании национальной безопасности и территориальной целостности, в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Каким образом сформулированы ограничения, предусмотренные на основании предотвращения беспорядков и преступлений? Достаточно ли широко определено понятие общественного порядка, чтобы включать в себя лицензирование?
3. Каким образом сформулированы ограничения, предусмотренные на основании здоровья и нравственности? Сформулированы ли эти ограничения с достаточной ясностью и гибкостью, чтобы позволить изменениям в общественном мнении отразиться на законах и судебной практике?
4. Как сформулированы ограничения, предусмотренные на основании защиты репутации и прав других лиц?
5. Как сформулированы ограничения, предусмотренные на основании предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально? Достаточно ли широко определены эти ограничения, чтобы включать в себя получение информации о частных интересах?
6. Каким образом сформулированы ограничения, предусмотренные на основании обеспечения авторитета правосудия?

4.6 Ограничения, необходимые в демократическом обществе

Как отмечалось выше, все ограничения права на свободу выражения мнения должны толковаться в узком смысле. Кроме того, в деле **Observer and Guardian v United Kingdom (1991 г.)** Суд заявил, что необходимость каких-либо ограничений в отношении права на свободу выражения мнения должна быть «убедительным образом доказана». Слово «необходимый» подразумевает наличие «насущной общественной необходимости» (см. пункт 48 постановления по делу **Handyside v United Kingdom (1976 г.)**).

Основополагающие принципы, дающие ответ на вопрос, действительно ли ограничение необходимо в демократическом обществе, многократно обобщались Судом, как видно из нижеприведенных примеров:

- В деле **Zana v Turkey (1997 г.)** Суд отметил, что для определения наличия насущной общественной необходимости требуется:

Изучить оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом, в том числе рассмотреть содержание высказываний, вменяемых в вину заявителю, а также контекст, в котором эти высказывания были сделаны. В частности, Суд должен определить, было ли рассматриваемое вмешательство «соразмерно преследуемым законным целям» и действительно ли приведенные доводы были «существенны и достаточны». Таким образом, Суд должен убедиться в том, что принятые со стороны национальных органов власти стандарты соответствуют принципам, воплощенным в Статье 10 и, более того, основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов.

4.6.1 Пределы свободы усмотрения

При оценке допустимости отдельных ограничительных мер государствам позволено в определенных пределах действовать по собственному усмотрению. Однако это положение нераздельно связано с законодательным надзором на европейском уровне и контролем решений, принятых с применением этого законодательства (см. пункт 49 постановления по делу **Handyside v United Kingdom (1976 г.)**) и в том числе решений, принятых независимым судом (см. например пункт 39 постановления по делу **Karhuvaara and Italehti v Finland (2004 г.)**). Обязанность суда состоит в том, чтобы вынести окончательное решение по вопросу, совместимо ли ограничение свободы выражения с принципами свободы выражения своего мнения. В этом отношении, Суд изучает оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом, в том числе рассматривает содержание высказываний, вменяемых в вину заявителю, а также контекст, в котором эти высказывания были сделаны. Задача Суда состоит не в том, чтобы заменить национальные органы власти при оценке необходимости какого-либо ограничения, а в том, чтобы рассмотреть в рамках Статьи 10 решения, принятые ими в пределах свободы усмотрения (см. пункт 41 постановления по делу **Karhuvaara and Italehti**).

4.6.2 Соразмерность

Неотъемлемым элементом понятия необходимости является требование того, чтобы данное ограничение было соразмерно преследуемой цели. Иначе говоря, национальные власти должны воспользоваться тем методом, который менее всего ограничивает свободу выражения своего мнения. При оценке соразмерности наложенного ограничения Суд изучает характер и суровость наказания или иного действия, а также рассматривает контекст, в котором было осуществлено рассматриваемое вмешательство.

- В деле **Tolstoy Miloslavsky v United Kingdom (1995 г.)** заявитель должен был по решению суда заплатить полтора миллиона фунтов стерлингов в качестве компенсации за клевету в адрес лорда Алдингтона после оценки жюри ущерба, нанесенного репутации последнего. Указанная сумма превосходила в три раза максимальную сумму, присужденную в Англии по решению суда в качестве возмещения ущерба за клевету. Заявитель утверждал, что размер присужденной в качестве компенсации суммы был несоразмерен с целью защиты репутации лорда Алдингтона. Суд отметил, что назначение компенсации в таком размере было спорным, поскольку в рассматриваемом деле нормы национального материального права на тот момент не предусматривали требований о соразмерности. Суд отметил, что уровень судебного контроля за присужденными суммами не предусматривает достаточных и эффективных гарантий того, что назначенная сумма не будет несоразмерно велика. Таким образом, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

- В деле **Independent News and Media and Independent Newspapers Ireland Limited v Ireland (2005 г.)** заявители попытались сослаться на прецедент в деле Толстого, утверждая, что решение жюри о взыскании с них компенсации по иску о клевете в адрес известного политика было несоразмерным. Заявители утверждали, что исключительный размер присужденной суммы и отсутствие соответствующих гарантий, исключающих присуждение несоразмерных сумм, является нарушением их прав, предусмотренных Статьей 10. Суд подробно изучил решение по делу Толстого, а также ирландское законодательство и процессуальное право о присуждении компенсаций по искам о клевете. Суд заключил, что с учетом наличия апелляционного контроля и свободы усмотрения государства в рассматриваемом деле не было продемонстрировано отсутствие эффективных гарантий. Следовательно, нарушения Статьи 10 допущено не было.
- В деле **Incal v Turkey (1998 г.)** заявитель был признан виновным в разжигании межнациональной розни за участие в попытке распространения листовок, критикующих действия государства в отношении уличных торговцев курдской национальности. По утверждению государства-ответчика, его долгом являлось пресекать всякие попытки призыва к террористическим действиям посредством разжигания розни. Однако Суд посчитал, что листовки содержали сведения, представляющие интерес для жителей города Измир, которые нельзя было трактовать как подстрекательство к насилию либо разжигание вражды или розни между людьми. Суд принял к сведению радикальный характер вмешательства. Суд заключил, что оспариваемое вмешательство было несоразмерно преследуемой цели.
- В деле **Zana v Turkey (1997 г.)** Суд постановил, что вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения было соразмерно. В данном деле Суд посчитал, что сделанное бывшим мэром турецкого города Диярбакыр заявление можно расценивать как поддержку Рабочей партии Курдистана и организованных ею убийств невинных граждан. Суд постановил, что поддержка, высказанная бывшим мэром Диярбакыра - важнейшего города на юго-востоке Турции - в рамках опубликованного в крупной центральной газете интервью, могла, вполне вероятно, усугубить и без того взрывоопасную ситуацию в регионе. Следовательно, Суд не обнаружил нарушения Статьи 10.
- В деле **Sener v Turkey (2000 г.)** заявительница была осуждена условно за статью, опубликованную в еженедельном вестнике, владелицей и редактором которого она являлась, с предписанием не допускать дальнейших правонарушений в качестве редактора в течение трех лет с момента вынесения данного решения. Нарушение данного условия автоматически привело бы к исполнению изначального приговора. Суд постановил, что условное наказание с отсрочкой исполнения приговора сводилось к ограничению работы заявительницы в качестве редактора и снижало ее способность высказывать своим читателям взгляды, занимающие свое место в общественной полемике. Это явилось одним из факторов, на основе которого Суд постановил, что наложенное ограничение было несоразмерно преследуемой законной цели.
- В деле **Skalka v Poland (2003 г.)** внутригосударственный суд приговорил заявителя к восьми месяцам лишения свободы за написанное судье письмо клеветнического содержания. Суд постановил, что интересы, для защиты которых предназначалось оспариваемое вмешательство, были достаточно важны для обоснования ограничений в отношении свободы выражения своего мнения. Тем не менее, Суд счел наказание в виде восьми месяцев лишения свободы несоразмерно суровым.
- В деле **Damann v Switzerland (2006 г.)** заявителем выступал журналист, занимающийся расследованием ограбления, которому удалось убедить административного сотрудника прокуратуры предоставить ему сведения из служебной картотеки. Хотя заявитель не обнародовал данных сведений и не использовал их в каких-либо других целях, тем не менее, он был признан виновным в подстрекании к разглашению служебной тайны. Он утверждал, что признание его виновным являлось нарушением его прав, предусмотренных Статьей 10. Суд отметил, что

в данном случае речь шла не о запрете на публикацию и не об осуждении после публикации, а был затронут предварительный шаг на пути к публикации, а именно - исследовательская деятельность журналиста. Эта стадия также находится под пристальным вниманием Суда и требует самого тщательного изучения по причине повышенной опасности подобных ограничений для свободы выражения своего мнения. Суд заметил, что рассматриваемая информация была достоянием общественности и по своему характеру относилась к вопросам, представляющим общественный интерес. Суд далее отметил, что ущерба правам затронутых лиц нанесено не было, поскольку заявитель не обнаружил указанную информацию. Суд заключил, что хотя назначенное наказание не было суровым и не препятствовало выражению мнения, тем не менее, признание виновным заявителя сводилось к некоей цензуре, способной помешать ему заниматься присущей его работе исследовательской деятельностью в целях подготовки осведомленной статьи в прессе на актуальную тему. Наказание подобным образом за действие, предпринятое до публикации, может удерживать журналистов от участия в публичном обсуждении вопросов, касающихся жизни общества и, тем самым, затруднить роль прессы как поставщика информации и стража общественных интересов. При данных обстоятельствах Суд посчитал, что признание заявителя виновным не было в разумной степени соразмерно указанной законной цели в интересах обеспечения и поддержания свободы прессы в демократическом обществе.

- В деле **Koc and Tambas v Turkey (2006 г.)** первым заявителем был владелец журнала, а вторым – его главный редактор. Они опубликовали ряд статей о курдских сепаратистах, в которых подвергали критике министра юстиции, возлагая на него ответственность за плохое обращение к курдам в турецких тюрьмах и заявляя, что он непосредственно ответственен за два смертельных случая. Заявителям было предъявлено обвинение в распространении пропаганды, направленной против государства и в объявлении лица мишенью для террористических организаций посредством публикации указанной статьи. Они были признаны виновными, журнал был закрыт сроком на один месяц, а им было вынесено наказание в виде выплаты штрафа. После апелляции исполнение приговора было отсрочено на три года с условием, что в течение трех лет заявители не будут совершать новых правонарушений, после чего их приговор будет аннулирован. Суд посчитал, что статьи могут быть приравнены к критической оценке государственной политики в отношении курдских сепаратистов, и хотя в них изображен отрицательный образ государства и министра юстиции, в целом они не содержат призыва к насилию, вооруженному сопротивлению или мятежу. В свете этих соображений Суд посчитал, что вынесенный в отношении заявителей приговор был несоразмерен, поскольку в течение трех лет держал их под угрозой наказания, что производило на них сдерживающий эффект и подвергало их цензуре.
- В деле **Guja v Moldova (2008 г.)** заявителем являлся государственный служащий, которого освободили от занимаемой должности за разглашение средств массовой информации конфиденциальных документов о предполагаемых вмешательствах в отправлении правосудия. Констатируя нарушение Статьи 10, Суд учел ряд факторов, в том числе: (i) заинтересованность общества в разглашении информации, (ii) достоверность разглашенной информации, (iii) ущерб, если таковой был, понесенный со стороны публичных властей в результате разглашения указанной информации, (iv) мотивы сотрудника, сообщившего эту информацию, поскольку важно установить, что при разглашении информации данное лицо действовало добросовестно, пребывая в уверенности, что информация достоверная, что ее разглашение исходит из интересов общества и в его либо в ее распоряжении нет более мягких средств исправления нарушения, (v) вынесенное заявителю наказание и его последствия.
- В деле **Frankowicz v Poland (2008 г.)** заявителем выступал практикующий врач, написавший заключение о лечении, полученном его пациентом. Дисциплинарные органы признали заявителя виновным в неэтичном поведении и нарушении принципа профессиональной солидарности. Заявитель в своем заключении исходил из истории болезни пациента и результатов назначенного им дополнительного медосмотра. С целью получить заключение специалиста,

пациент сам обратился в организацию заявителя, которая специализировалась в оценке полученного пациентами лечения. Заключение было вручено пациенту, который был волен использовать его по любому назначению. Тем не менее, в заключении не указывалось, что оно будет впоследствии опубликовано или иначе станет достоянием общественности. Суд утверждал, что между врачом и пациентом существуют особые отношения, основанные на доверии, конфиденциальности и уверенности в том, что первый употребит все свои знания и средства для обеспечения благосостояния последнего, что может подразумевать необходимость поддержания солидарности среди представителей этой профессии. Однако с другой стороны, пациент вправе обратиться к другому врачу, чтобы услышать второе мнение о полученном им лечении и получить справедливую и объективную оценку действий своего врача. Критическое заключение в адрес другого врача в данном случае не лишает это заключение достоверности и объективности. Суд заметил, что внутригосударственные органы власти, установившие факт дискредитации заявителем своего коллеги, не рассмотрели вопрос правдивости фигурирующих в заключении утверждений. Вместо этого они посчитали, что, поскольку критика в адрес другого доктора недопустима, следовательно, вопрос правдивости данного заявителем заключения несущественен. Суд заявил, что настолько строгое толкование запрета на всякую критику среди представителей медицинской профессии «не совместимо с правом на свободу выражения своего мнения», поскольку подобный подход в вопросе критики в адрес коллеги, даже в рамках профессии врача, может помешать медикам раскрывать перед своими пациентами объективную картину состояния их здоровья и полученного лечения, что в свою очередь может поставить под угрозу конечную цель профессии врача - защищать здоровье и жизнь пациентов.

При оценке соразмерности какого-либо вмешательства в рамках Статьи 10 также имеет значение процессуальная корректность внутригосударственного разбирательства, а также размеры назначенного наказания.

- В деле **Steel and Morris v United Kingdom (2005 г.)** заявителями выступали члены организации Гринпис, на которых был подан иск о диффамации, а суд вынес решение о взыскании с них крупной компенсации за раздачу листовок, критикующих компанию «Макдоналдс». Суд посчитал, что несмотря на то, что истцом по данному делу выступала очень крупная мультинациональная компания, это не освобождало заявителей от необходимости доказать правдивость сделанных ими заявлений. Тщательное изучение действий компании необходимо уравновешивать с состязательными интересами в ее успехе и жизнеспособности во благо своих акционеров и сотрудников, а также для экономики в целом. Следовательно, государствам дается широкая свобода усмотрения в этой области. Тем не менее, вынося решение в пользу компании, государство-ответчик было обязано обеспечить определенный уровень процессуальной справедливости и состязательности сторон, чтобы гарантировать уравновешенность права на свободу выражения своего мнения. В этом отношении Суд посчитал, что отсутствие юридической помощи для заявителей в рамках внутригосударственной системы является важным фактором при оценке соразмерности вмешательства с положениями Статьи 10. Кроме того, размер присужденной к выплате заявителями суммы играл важную роль при оценке надлежащего уравновешивания интересов. Эти два фактора стали решающими для Суда, который посчитал несоразмерным вмешательство со стороны государства в данном деле и констатировал нарушение Статьи 10.
- В деле **Marchenko v Ukraine (2009 г.)** заявителем выступал учитель и руководитель школьного отделения профсоюза, который обратился с письмами во внутригосударственные органы власти с требованием провести расследование в отношении некоего лица, предположительно присвоившего общественные фонды. Заявитель организовал и участвовал в демонстрации, на которой публично выставлялись транспаранты с лозунгами, напрямую обвиняющими указанного человека в присваивании общественной собственности. Впоследствии заявитель был признан виновным в клевете и приговорен к одному году лишения свободы с отсрочкой приговора

и к выплате денежного штрафа. В отношении лозунгов с обвинениями Суд постановил, что в отсутствие достаточных доказательств их обоснованности, они могут разумным образом рассматриваться как клеветнические и наущающие право на презумпцию невиновности в серьезных правонарушениях. Суд принял, что внутригосударственные органы власти действовали в пределах своей свободы усмотрения при оценке необходимости признания заявителя виновным в клевете. Однако, после тщательного рассмотрения примененных санкций на предмет их соразмерности Суд посчитал, что хотя договаривающиеся государства вправе и даже обязаны ввиду своих позитивных обязательств в рамках Статьи 8 регламентировать свободу выражения своего мнения для обеспечения надлежащим образом законной защиты репутации отдельных лиц, они не должны поступать таким образом, чтобы излишне препятствовать публичной полемике по вопросам, представляющим общественный интерес, поскольку даже условный приговор в виде лишения свободы сроком на один год не соразмерен с законными целями и является нарушением Статьи 10.

4.6.3 Существенные и достаточные доводы

Бремя доказательства целесообразности ограничения или вмешательства в отношении права на свободу выражения своего мнения лежит на государственных органах власти, которые должны привести «существенные и достаточные» доводы (см. пункт 50 постановления по делу **Handyside v United Kingdom (1976 г.)**). По существу, это - другая формулировка проверки на соразмерность. Под этим Суд подразумевает, что национальные органы власти должны убедиться в том, что их вмешательство осуществлено в соответствии с принципами, воплощенными в Статье 10, а их действия основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов.

- В деле **Observer and Guardian v United Kingdom (1991 г.)** в качестве заявителя выступали газеты, опубликовавшие статьи о содержании книги, автором которой являлся бывший сотрудник сил безопасности Соединенного Королевства, причем сама книга на тот момент находилась в рукописной форме в Австралии. Они намеревались опубликовать еще несколько статей, посвященных предполагаемым противоправным действиям служб безопасности, описанным в книге. Национальные суды Соединенного Королевства наложили временный судебный запрет на заявителей, воспрепятствовав им публиковать дальнейшую информацию до окончания судебного разбирательства по иску генеральной прокуратуры о злоупотреблении доверием. Впоследствии, книга была опубликована за пределами Соединенного Королевства, а ее краткое содержание напечатали в трех других британских газетах. После этих событий Палата лордов постановила, что действие судебных запретов должно продолжаться. Суд рассмотрел необходимость судебных запретов до и после публикации книги за границей. Относительно обоих периодов государство-ответчик утверждало, что судебные запреты были необходимы в целях национальной безопасности. В отношении первого периода государство-ответчик утверждало, что публикация материалов, связанных с книгой свела бы на нет материальные основания для иска о злоупотреблении доверием и предотвращение публикации было необходимо из соображений национальной безопасности. Суд постановил, что приведенные доводы относились к существу дела. Более того, Суд постановил, что в свете характера и вероятного содержания книги, а также исходя из интересов национальной безопасности и возможного вреда для разбирательства, национальные судебные органы были в праве наложить судебный запрет, а приведенные ими доводы были достаточны. В отношении второго периода, т.е. после того, как книга вышла в свет за границей, тот факт, что дальнейшая публикация материалов из книги «Spycatcher» могла навредить судебному разбирательству по иску генеральной прокуратуры о наложении постоянного запрета, был «существенным» доводом для продолжения рассматриваемых ограничений с целью обеспечения авторитета правосудия. Однако Суд постановил, что возможный вред для иска генеральной прокуратуры не был достаточной причиной для сохранения судебного запрета, поскольку конфиденциальность материала была нарушена после публикации книги за границей. Суд далее заявил, что приведенные в качестве основания соображения национальной

безопасности не были достаточными, поскольку к этому времени истинная причина наложения судебных запретов ограничивалась поддержанием эффективности и репутации службы безопасности. Таким образом, необходимость сохранения судебных запретов в течение второго периода не была установлена.

- В деле **Arslan v Turkey (1999 г.)** заявителем выступал автор книги, в которой он обвинял государство в угнетении и геноциде курдов. По факту первого и второго издания заявитель был признан виновным, а экземпляры книги были изъяты. Суд заявил, что для определения того, было ли рассматриваемое вмешательство «соразмерно преследуемым законным целям» и действительно ли приведенные доводы были «существенны и достаточны», Суд должен убедиться в том, что принятые со стороны национальных органов власти стандарты соответствуют принципам, воплощенным в Статье 10 и, более того, основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов. Суд обнаружил нарушение Статьи 10 и пришел к выводу, что представленная в форме литературного исторического повествования книга имела гораздо меньшее воздействие на национальную безопасность, чем средства массовой информации. Хотя данная книга содержала резкую критику в адрес государства, в ней не было подстрекательства к насилию. Таким образом, кроме уголовного преследования, государство имело в своем распоряжении другие средства пресечения, как оно считает, беспочвенных нападок в адрес своей репутации. Суд посчитал, что приведенные государством доводы не были существенными или достаточными. Соответственно, Суд заключил, что вмешательство было несоразмерно с заявленной целью.
- В деле **Goodwin v United Kingdom (1996 г.)** заявителем выступал журналист, с которым связался информатор, пожелавший остаться неизвестным и сообщил, что владеет конфиденциальной финансовой информацией о некоей компании. Однако узнав, что заявитель собирается опубликовать информацию, данная компания добилась судебного запрета, воспрепятствующего заявителю делать это на том основании, что указанная информация была получена из конфиденциального источника, а ее публикация могла навредить компании. Суд предписал заявителю раскрыть личность своего источника в ответ на ходатайство компании, утверждавшей, что подаст в суд на лицо, допустившее утечку информации. Заключив, что судебное распоряжение о раскрытии личности источника преследовало ту же цель, что и судебный запрет, а именно предотвратить распространение вредоносных для компании сведений, Суд постановил, что распоряжение о раскрытии личности источника не было обосновано существенными и достаточными доводами.
- В деле **Roemen and Schmit v Luxembourg (2003 г.)** первый заявитель опубликовал статью о некоем министре, в которой утверждалось, что тот совершал налоговые махинации. Он также предоставил документы, доказывающие, что министр был оштрафован. Статья вызвала полемику в обществе. Министр подал на первого заявителя иск о возмещении ущерба с утверждением, что тот допустил нарушение, опубликовав информацию о наложении на него налогового штрафа. Суд также подал иск в уголовном порядке. Разбирающий дело судья выдал ордер на обыск рабочего места и дома первого заявителя. Позже был выдан ордер на незамедлительный обыск в конторе второго заявителя, который являлся адвокатом первого заявителя. Суд подчеркнул, что существовала фундаментальная разница между рассматриваемым делом и делом Гудвина (**Goodwin**), поскольку обыск был произведен на рабочем месте и в домах заявителей. Это является более серьезной мерой, чем распоряжение о раскрытии личности информатора. По заключению суда, причины, приведенные государством-ответчиком, могут рассматриваться как «существенные», однако не могут служить основанием для обысков.
- В деле **Paturel v France (2005 г.)** заявитель был признан виновным в преступной клевете за издание книги, критикующей противоправные действия частных движений по борьбе с сектантством, получающих государственное финансирование. Согласно утверждению заявителя, были допущены нарушения Статей 9 и 10 Конвенции. Суд изучил только вопрос о том, было

ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» согласно Статье 10. И опять Суд посчитал, что, вопреки мнению французских судов, оспариваемые заявления отражали высказывания по вопросам, представляющим общественный интерес и должны рассматриваться в качестве оценочного суждения, а не констатации факта. Поскольку оценочные суждения не подлежат доказательству, Суд отметил, что представленные заявителем многочисленные документы образуют достаточную фактическую базу. Суд далее посчитал, что, несмотря на использованные заявителем грубые и негативные формулировки, поднятый им вопрос, несомненно, представлял общественный интерес, а посему любое вмешательство должно было толковаться в узком смысле. В качестве основания для осуждения заявителя французские суды сослались на личную неприязнь заявителя к движениям по борьбе с сектантством. Суд не посчитал, что подобные соображения могут сами по себе рассматриваться как «существенные и достаточные» доводы. Поскольку упомянутые движения по борьбе с сектантством вступили на попрание общественной полемики, им следовало бы проявлять большую терпимость к критике своих целей, звучащей со стороны их оппонентов, а также к средствам, используемым в рамках данной полемики. Таким образом, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

- В деле **Albert-Engelmann-Gesellschaft mbH v Austria (2006 г.)** заявителем выступал владелец и издатель религиозного журнала, опубликовавшего письмо, в котором некое облеченное высоким духовным саном лицо называлось «мятежником» за свою нелояльность к папе римскому, и высказывалось мнение, что все неблагонадежные священники, занимающие влиятельные посты, должны быть смещены. По действующему в Австрии законодательству о средствах массовой информации, подвергшееся критике духовное лицо получило возмещение ущерба за клевету, поскольку суды сочли, что, среди прочего, сделанные в письме заявления были лишены достаточной фактической базы. Выступающая в качестве заявителя компания подала жалобу о нарушении своих прав, предусмотренных в Статье 10. При оценке «наущной общественной необходимости» и «соразмерности» Суд особо взвесил (i) контекст, в котором были сделаны оспариваемые заявления, (ii) доводы, приведенные национальными судебными органами и (iii) характер данного вмешательства. Суд посчитал, что приведенные австрийскими судами доводы были «существенны», чтобы обосновать ставшее предметом жалобы вмешательство. В своем определении того, что эти доводы не были «существенны» для обоснования вмешательства, Суд в первую очередь отметил, что заявления были связаны с религиозной полемикой и на тот момент представляли значительный интерес для соответствующего религиозного сообщества. Во-вторых, Суд квалифицировал сделанные в письме заявления скорее как оценочные, нежели фактические, и ввиду этого пришел к выводу, что существовала достаточная фактическая база для обоснования этих пусть и где-то преувеличенных или провокационных высказываний. В-третьих, Суд не согласился с утверждением внутрисудебных органов о том, что нежелание журнала назвать личность автора письма и тем самым отмежеваться от его содержания имело существенное отношение к делу. В этом отношении Суд заметил, что общее требование к прессе систематически и формально дистанцироваться от содержания заявления, исходящего от третьего лица и способное оскорбить или провоцировать других лиц, а также навредить их репутации, несовместимо с ролью прессы как поставщика сведений о текущих событиях, взглядах и идеях. Таким образом, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.
- В деле **Giniewski v France (2006 г.)** заявителем выступал журналист, социолог и историк, который утверждал, что в своих работах стремится способствовать формированию более тесных связей между иудеями и христианами. Он опубликовал во французской газете статью, посвященную папской энциклике и привел некоторые аргументы о связи между определенной догмой католицизма и изначальными причинами Холокоста. В результате опубликованной заявителем статьи он был привлечен к гражданской ответственности за клевету в адрес христианского сообщества и был приговорен к выплате символического штрафа размером в один франк в качестве возмещения ущерба с обязательной публикацией приговора во французской

газете. Он утверждал, что данное решение являлось нарушением его прав, предусмотренных Статьей 10. Суд посчитал, что статья способствовала обсуждению различных возможных причин, лежащих в основе истребления евреев в Европе, что представляло несомненный общественный интерес в демократическом обществе. В подобных вопросах ограничения свободы выражения мнения должны толковаться в строгом смысле. Суд посчитал весьма важной в демократическом обществе возможность свободной дискуссии о причинах деяний особой тяжести, являющихся преступлениями против человечности. Хотя рассматриваемая статья содержала в себе заключения и фразы, способные оскорбить, шокировать или смутить некоторых людей, Суд повторил, что подобные взгляды сами по себе не исключают право пользоваться свободой выражения. Более того, оспариваемая статья не была «беспочвенно оскорбительной» и не подстрекала к неуважению или ненависти. В статье также не высказывалось сомнений относительно четко установленных исторических фактов. При подобных обстоятельствах Суд посчитал, что приведенные французскими судами доводы не могут рассматриваться как достаточные для обоснования вмешательства в отношении права заявителя на свободу выражения.

- В деле **Juppala v Finland (2009 г.)** заявительница была признана виновной в диффамации, за то, что высказала врачу своего внука свои подозрения о насилии со стороны его отца. В частности, мальчик сказал, что кровоподтек у него на спине был результатом побоев со стороны его отца. В тот же день доктор поставил в известность службы защиты детей. Отец мальчика потребовал, чтобы полиция провела расследование с целью выяснить, совершила ли заявительница правонарушение. Внутригосударственные суды нашли заявительницу виновной в диффамации и приговорили ее к возмещению морального ущерба и выплате судебных издержек. Суд счел, что основной вопрос заключается в том, чтобы правильно уравновесить интересы родителей, несправедливо обвиненных в жестоком обращении к своему ребенку, и в то же время защитить детей, подвергающихся серьезной угрозе насилия, с учетом всей сложности выявления случаев насилия в отношении детей. Суд посчитал тревожным тот факт, что внутригосударственные суды сочли, что заявительница не была вправе повторить услышанное от мальчика, хотя несомненно видела кровоподтек у него на спине. Суд заявил, что в принципе любое лицо должно иметь возможность добросовестно высказать свои подозрения о жестоком обращении с детьми в рамках соответствующей процедуры, не опасаясь уголовного преследования или обязанности возместить причиненный ущерб или понесенные издержки. Ни перед внутригосударственными судами, ни перед этим Судом не утверждалось, что заявительница поступила опрометчиво, т.е. не заботясь о том, было ли сделанное мальчиком утверждение о жестоком обращении обосновано или нет. Напротив, даже профессиональный медицинский работник - врач - принял собственное решение сообщить об этом случае в органы защиты детей. Суд не обнаружил каких-либо достаточных причин для ограничения права заявителя на свободу выражения своего мнения и пришел к выводу, что данное вмешательство не отвечало какой-либо «насущной общественной необходимости».
- В деле **Sorguç v Turkey (2009 г.)** заявителем выступал преподаватель университета, распроставивший заявление с критикой в адрес действующей в университете системы назначения и повышения некоторых научных сотрудников. Со ссылкой на свой собственный опыт заявитель описал ситуацию, в которой некий соискатель получил звание доцента без соответствующей квалификации, однако его имени не указал. Позже, один из коллег заявителя подал против него гражданский иск на основании того, что в его высказываниях были замечания, являющиеся посягательством на его доброе имя. Внутригосударственные судебные органы обязали заявителя выплатить компенсацию, а также возместить проценты и судебные издержки. Суд отметил, что внутригосударственные судебные органы так и не смогли убедительным образом доказать существование насущной общественной необходимости того, чтобы защита прав неназванного лица ставилась выше права заявителя на свободу выражения своего мнения и преобладала над общей заинтересованностью поощрять эту свободу в вопросах, затрагивающих общественные интересы. Следовательно, Суд постановил, что указанные причины не были

достаточны и существенны для обоснования вмешательства в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения, и, соответственно, национальные органы власти не смогли уравновесить интересы защиты репутации других лиц с правом заявителя на свободу выражения своего мнения.

Вопросы

1. Каким образом сформулировано требование к необходимости в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Включает ли это требование в себя понятие соразмерности?
3. Какие факторы должны быть учтены при оценке соразмерности ограничения, предусмотренного внутригосударственным законодательством?
4. Какие доводы для обоснования ограничения требуется привести органу, ответственному за наложение ограничения?
5. Какова разница между понятиями необходимости и соразмерности в практике Суда?
6. Какое рациональное определение понятию «пределы свободы усмотрения» дал Суд?

5 ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В положениях Конвенции и в практике Суда очень большое значение придается выражению политических взглядов в целом, и для обоснования любого вмешательства в этой области требуются самые веские доводы. Ввиду этого, Суд подвергает любое вмешательство в области выражения политических взглядов самому тщательному изучению. В основе подобных предпочтений в отношении выражения политических взглядов лежит понимание того, что свобода слова играет ключевую роль в демократическом процессе, равно как и понимание целей, приведенные в материалах по делу **Handyside v United Kingdom**, а также во вступительной части настоящего руководства.

5.1 Что является выражением политических взглядов?

Право на свободу выражения политических взглядов включает свободу выражения своего мнения для политических деятелей, в том числе - со стороны оппозиции. Суд подчеркнул, что политические деятели, государственные чиновники и лица, выполняющие функции публичного характера, должны терпимо относиться к более пристальному вниманию к своим действиям и быть готовыми принимать критику в прессе. В частности, в своей практике Суд добивался установления того принципа, что пределы приемлемой критики в адрес политиков «шире, чем в случае с частными лицами».

- В деле **Lingens v Austria (1986 г.)** заявителем выступал журналист, написавший статью, в которой высказывал критику в адрес австрийского канцлера за его поддержку некоего лидера политической партии, на которого президент Центра еврейской документации Симон Визенталь возлагал ответственность за массовые убийства гражданских лиц в тылу немецкой армии на территории России в ходе Второй мировой войны. Заявитель также подверг критике словесные нападки канцлера в адрес Визенталю, поскольку он обвинил Визенталю в том, что тот

прибегает к «методам мафии». Среди обвинений заявителя были утверждения о том, что канцлер виновен в «низменном оппортунизме» и что он «аморальный» и «недостойный» человек. Заявителя признали виновным в преступном поношении имени канцлера. Суд постановил, что поскольку свобода политической полемики является основополагающей в демократическом обществе, то пределы приемлемой критики в адрес политического деятеля шире, чем в случае с частным лицом. Хотя пункт 2 Статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц и в том числе политических деятелей, тем не менее, требования подобной защиты должны взвешиваться в сравнении с интересами открытого обсуждения политических вопросов. Суд постановил следующее:

Политик неизбежно и сознательно открывает себя для пристального изучения каждого своего слова и поступка, как со стороны журналистов, так и со стороны широкой общественности и, следовательно, должен проявлять более высокую степень терпимости. Пункт 2 Статьи 10, несомненно, предусматривает защиту репутации других лиц, т.е. всех лиц, и эта защита распространяется также на политических деятелей, даже когда они не действуют в частном порядке. Однако в подобных случаях, требование этой защиты должны взвешиваться в сравнении с интересами открытого обсуждения политических вопросов.

- В деле **Castells v Spain (1992 г.)** заявителем выступал политический деятель от оппозиции, осужденный за оскорбления в адрес правительства. Суд подчеркнул, что хотя свобода выражения своего мнения важна для каждого, она в особенности важна для избранного представителя народа. Он (или она) выступает от имени своих избирателей, обращает внимание на заботящие их вопросы, а также защищает их интересы. Суд заявил, что по вышеизложенным причинам вмешательство в отношении свободы выражения своего мнения со стороны члена парламента от оппозиции требует самого пристального внимания Суда. То обстоятельство, что заявитель выступил с критикой не в стенах парламента, а на страницах газеты, вовсе не означает, что он лишился своего права критиковать правительство. Суд подчеркнул значение свободы прессы, дающей общественности еще одну возможность узнать мысли и позиции своих политических руководителей и сформировать свое мнение о них. В частности, Суд заявил, что пресса дает политикам возможность размышлять и высказываться о вопросах, заботящих общественное мнение. Таким образом, пресса позволяет каждому принимать участие в открытой политической полемике, которая является основополагающей для демократического общества. Далее Суд постановил, что в демократической системе действия или бездействие государства должны находиться под пристальным взглядом не только законодательных и судебных властей, но и прессы и общественного мнения.
- В деле **Roseiro Bento v Portugal (2006 г.)** заявителем выступал мэр португальского города, которого внутригосударственные судебные органы обязали к выплате незначительной суммы по гражданскому иску в качестве возмещения ущерба за «оскорбительное поведение» в результате сделанных им заявлений в ходе эмоционального обсуждения с муниципальным советником на заседании совета. Заявитель утверждал, что вынесенное в его отношении решение нарушало его право на свободу выражения своего мнения. Суд отметил, что оспариваемые заявления были сделаны в тот момент, когда оба мужчины выступали в качестве политических деятелей, и поэтому пределы приемлемой в их отношении критики должны быть шире. Суд отметил, что политические выпады имеют склонность перерастать в личные нападки, однако в этом состоит один из рисков политической жизни и открытой дискуссии, которые являются гарантиями демократического общества. Если брать данные высказывания в контексте, то их нельзя рассматривать как чрезмерные, ввиду одинаково резких замечаний со стороны муниципального советника. Более того, поскольку данные реплики были сделаны в ходе устных дебатов, заявитель не имел возможности перефразировать, уточнить либо взять их обратно до публикации.

Суд посчитал, что заседание городского совета является важным форумом для публичного обсуждения вопросов и сравнимо с парламентом в смысле обеспечения свободы выражения в интересах общества. Таким образом, любое вмешательство в свободу выражения своего мнения в рамках этого форума, может быть обосновано только убедительными доводами. Суд не счел, что в рассматриваемом деле были приведены какие-либо «достаточные» доводы. Таким образом, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

Вопрос

Пользуется ли выражение политических взглядов большей степенью защиты согласно внутри-государственному законодательству? Если да, то, какими средствами?

От частных лиц или организаций, вступающих на поприще публичной полемики, может потребоваться большая стойкость к критике, чем от других. Суд отклонил доводы о том, что к этим лицам нужно применять тот же подход, что и к политическим деятелям, но принимает во внимание характер и степень участия человека в общественной полемике при оценке соразмерности отдельных ограничений (см. дело **Jerusalem v Austria (2001 г.)**).

Ожидается, что государственные служащие, выполняющие свои должностные обязанности наряду с политическими деятелями, должны проявлять устойчивость к критике в более широком смысле, чем частные лица. Однако Суд постановил, что, в отличие от политических деятелей, государственные служащие не открывают себя сознательно для тщательного изучения каждого слова и поступка (см. дело **Janowski v Poland (1999 г.)**). В качестве примера можно рассмотреть следующее:

- В деле **Kwicien v Poland (2007 г.)** заявитель написал открытое письмо, призывая некоего государственного служащего не выдвигать своей кандидатуры на местных выборах. Письмо было разослано 1000 жителям данного избирательного округа, а также местным и международным политическим деятелям. В письме чиновник обвинялся в «некомпетентном» выполнении своих обязанностей и в неоднократном нарушении закона. В письме также приводился список случаев, ставших причиной подобной точки зрения. Указанный государственный чиновник начал судебное разбирательство в рамках местного закона о выборах, запрещающего публикацию ложных сведений в предвыборных материалах. Заявителя обязали опубликовать извинение в местной газете и возместить в максимальном размере ущерб, понесенный указанным чиновником. Суд отметил, что Статья 10 охватывает лишь небольшую категорию случаев, допускающих ограничение политических высказываний или обсуждений, а посему внутригосударственный суд не учел необходимости уравновесить, с одной стороны, право на свободу выражения своего мнения и, с другой стороны, репутацию государственного чиновника. Суд также постановил, что внутригосударственный суд не увидел различия между фактическими и оценочными суждениями, ввиду чего вынесенное заявителю наказание не было соразмерно.

5.2 Показатели «общественных интересов»

Часто ссылка на общественные интересы приводится прессой или средствами массовой информации как основание для публикации определенных сведений. Исходящие из общественных интересов соображения должны уравновешиваться с другими интересами, предусмотренными Статьей 10, что может в качестве отправного пункта потребовать от Суда решить, действительно ли затронуты общественные интересы. И вновь важен контекст: в ситуациях, где можно доказать вклад в общественную полемику по определенному вопросу на местном, государственном или

международном уровне, Суд как правило придерживается мнения, что затронуты общественные интересы. Например:

- В деле **Prager and Oberschlick v Austria (1995 г.)** первый заявитель написал статью, опубликованную в новостном журнале второго заявителя, в которой высказывал критику в адрес судей уголовных судов Австрии. Суд постановил, что работа системы правосудия, представляющего собой «неотъемлемый институт любого демократического общества», относится к тем вопросам, которые представляют общественный интерес.
- В деле **Thorgeirson v Iceland (1992 г.)** заявителем выступал журналист, написавший две опубликованные в газете статьи о предположительном жестоком отношении со стороны полиции Рейкьявика. Большая часть его статьи основывалась на рассказах предположительных жертв. В своих статьях заявитель призывал министра юстиции назначить независимое расследование этих обвинений. Заявитель был признан виновным в преступной клевете. Государство-ответчик утверждало, что широкие рамки приемлемой для политических обсуждений критики не применимы в равной степени к другим вопросам, представляющим общественный интерес. Суд не согласился с этим утверждением и постановил, что таким образом невозможно проводить различия между политической дискуссией и обсуждением других вопросов, представляющих общественный интерес. В заключении Суд отметил, что статьи вышли в свет в то время, когда в обществе обсуждалась тема жестокости полиции, и, следовательно, речь шла о вопросах, вызывающих серьезную озабоченность в обществе.
- В деле **Bladet Tromso and Stensaas v Norway (1999 г.)** выступающая в качестве первого заявителя газета в ряде статей опубликовала детали официального доклада, составленного вторым заявителем после инспекции на борту промыслового судна, занимающегося охотой на морских котиков. В отношении обоих заявителей было проведено судебное разбирательство по искам о клевете, в результате чего их обязали возместить ущерб, а некоторые из их заявлений были объявлены недействительными. Суд заметил, что ставшие предметом разбирательства статьи были частью проходивших на тот момент дебатов на тему, вызывающую озабоченность в обществе на местном, государственном и международном уровне, где высказывались взгляды широкого круга заинтересованных лиц. Следовательно, данный вопрос представлял общественный интерес.
- В деле **De Haes and Gijssels v Belgium (1997 г.)** первый заявитель написал, а второй заявитель – опубликовал серию из пяти статей, в которых в разных выражениях высказывалась резкая критика в адрес апелляционного суда города Антверпена. Они обвинялись в предвзятом отношении и в трусости за то, что в результате бракоразводного процесса присудили опеку за детьми бельгийскому нотариусу г-ну Х. В 1984 году жена нотариуса и ее родители написали заявление о возбуждении уголовного дела в отношении г-на Х, обвиняя его в кровосмесительной связи и в жестоком обращении со своими детьми, однако дело было закрыто за отсутствием состава преступления. Трое судей апелляционного суда г. Антверпена подали гражданский иск против заявителей в связи с обвинениями в предвзятости и трусости и добились возмещения ущерба, вызванного этими заявлениями. Заявители утверждали, и Суд с ними безоговорочно согласился, что статьи были написаны на фоне полемики во фламандском обществе вокруг кровосмесительных отношений и связанных с ними действий судебных органов, о чем писали и другие газеты. Таким образом, речь шла о вопросе, представляющем общественный интерес.
- В деле **Barthold v Germany (1985 г.)** Суд посчитал, что вопрос доступности ветеринарных служб в ночное время в местном городе представляет общественный интерес.
- В деле **Guja v Moldova (2008 г.)** заявителем выступал государственный служащий – глава пресс-службы генеральной прокуратуры, обнародовавший конфиденциальные документы, в которых

содержалась информация о вмешательстве высокопоставленного политика в расследование уголовного дела. Суд отметил, что обнародованные письма затрагивали очень важные для демократического общества вопросы, которые должны были стать достоянием общественности на вполне законном основании, поскольку указанные сведения имели отношения к таким вопросам как: разделение ветвей власти, недостойное поведение высокопоставленного политика и отношение правительства к жестокости полиции.

- В деле **Csanics v Hungary (2009 г.)** заявителем выступал руководитель профсоюза, высказавший в своем заявлении резкую критику в адрес руководства компании. На заявителя был подан иск, в результате чего суд обязал его выступить с опровержением своего заявления и приговорил его к выплате судебных издержек. Суд отметил, что с учетом числа затронутых сотрудников, возникшие разногласия являлись собой дискуссию по вопросам, представляющим общественный интерес и не давали значительного повода для ограничений.
- В деле **Frankowicz v Poland (2008 г.)** заявителем выступал практикующий врач, написавший заключение о лечении, полученном его пациентом. В результате дисциплинарного разбирательства его признали виновным в неэтичном поведении и нарушении принципов профессиональной солидарности. Суд отметил, что подготовленное заявителем заключение не содержало беспочвенных нападок в адрес коллеги, а представляло собой критический с медицинской точки зрения взгляд другого врача на лечение, полученное его пациентом. Таким образом, этот вопрос затрагивал общественные интересы.

Подробности частной жизни политического деятеля могут иногда стать предметом заинтересованности общества, в частности, когда они отражаются на его публичных действиях. Тем не менее, в ситуациях, когда подробности частной жизни некой личности становятся достоянием общественности, ожидается, что лица, выступающие с критикой в своих комментариях будут воздерживаться от резких и грубых формулировок.

- В деле **Tammer v Estonia (2001 г.)** министр внутренних дел С. был вынужден в 1995 году оставить свой пост в правительстве, когда выяснилось, что были сделаны тайные записи его разговоров с другими политиками. Л. - одна из советников С. - взяла на себя полную ответственность за записи и тоже была вынуждена покинуть свой пост. Впоследствии Л. написала мемуары с помощью журналиста Р., в которых подробно рассказала о своей любовной связи с женатым С., от которого она имела ребенка. Л. рассказала, что отдала ребенка на воспитание своим родителям и призналась в том, что принесла его в жертву ради собственной карьеры. На протяжении многих лет Л. вместе с С. занимала ряд политических должностей. Брак С. распался, а позже С. и Л. поженились. В своей книге Л. задавалась вопросом, не она ли стала причиной распада первого брака своего мужа. После выхода в свет книги мемуаров и публикации ее отрывков в газете, заявитель провел интервью с Р., в ходе которого задал вопрос, не представил ли он героиней женщину, разбившую чужой брак, ставшую небрежной и безответственной матерью, покинувшей своего ребенка и являющуюся не лучшим примером для молодых девушек. Соответствующие эстонские слова имеют оскорбительный смысл, но не являются неприличными по своему значению, причем оба обозначенных ими явления в целом осуждаются в эстонском обществе. Заявитель был признан виновным в оскорблении Л. Суд отметил, что Л. намеренно опубликовала подробности своей личной жизни, и постановил, что употребление оскорбительных по смыслу слов «необходимо рассматривать на фоне событий, вызвавших их употребление, а также с учетом их значения для общества в целом». Суд отметил, что на момент употребления указанных слов Л. уже покинула свой пост. Суд постановил, что, несмотря на длительное участие Л. в деятельности политической партии, употребление оспариваемых выражений в отношении ее частной жизни не обосновано общественными соображениями и не отражается на вопросах общественной важности. В частности, не было обосновано, что ее частная жизнь фигурировала среди вопросов, затрагивающих общественность, на момент

проведения указанного интервью. Следовательно, сделанные заявителем замечания не могли рассматриваться как служащие общественным интересам.

- В деле **Karhuvaara and Italehti v Finland (2004 г.)** заявителями выступали осужденные за нарушение частной жизни журналисты, опубликовавшие подробности частной жизни некоего политика. При оценке необходимости наложенного ограничения Суду пришлось изучить, насколько уравновешены между собой защита частной жизни, предусмотренная Статьей 8 и свобода выражения своего мнения, предусмотренная Статьей 10. Суд, в частности, отметил отсутствие недобросовестного отношения или искажения фактов, а также то обстоятельство, что предмет оспариваемого сообщения непосредственно не влиял на политические вопросы и никоим образом не был напрямую связан с политической деятельностью указанной личности. Суд посчитал, что общественность вправе быть осведомленной, и это право может, при определенных обстоятельствах, распространяться на частную жизнь общественных деятелей, и в частности, политиков.
- Еще один пример, того как уравновешиваются обязательства государства по Статьям 8 и 10 можно найти в деле **Cumpana and Mazare v Romania (2004 г.)**. Хотя в данном случае Суд счел, что государство могло иметь основания для вмешательства с целью защиты частной жизни других лиц, однако наложенные санкции были явно несоразмерны и имели возможно чрезмерно сдерживающий эффект для свободы выражения своего мнения.
- В деле **Standard Verlags GMBH v. Austria (No. 2) (2009 г.)** заявителем выступала компания, владеющая ежедневной газетой, в которой была опубликована статья под названием «Светские сплетни». В статье комментировались слухи о том, что г-жа Клестиль-Лёффлер – супруга на тот момент президента Австрии – намеревалась развестись с мужем и состояла в близких отношениях с членом парламента Гербертом Шайбнером. Впоследствии президентская чета подала на заявителя в суд. Они утверждали, что заявитель затронул сугубо личную сферу их жизни, утверждая, что г-жа Клестиль-Лёффлер замешана в двойном адюльтере, а г-н Клестиль является обманутым мужем, что, вероятнее всего, повредило их репутации в глазах общественности. В результате судебного разбирательства заявителя обязали возместить издержки и моральный ущерб истцов. Суд подтвердил решения внутригосударственных судебных органов и счел «существенными» и «достаточными» приведенные ими в качестве основания для вмешательства доводы. Суд заметил, что национальные суды полностью отдавали себе отчет в том, что в этом деле речь шла о столкновении права распространять идеи и права других лиц на защиту своей личной жизни. Национальным судам удалось справедливо уравновесить различные затронутые интересы. В частности, они надлежащим образом учли статус истцов как общественных деятелей, однако пришли к выводу, что рассматриваемая статья не способствовала какой-либо дискуссии, представляющей общественный интерес. Национальные суды убедительным образом показали различие между сведениями о здоровье политического деятеля, которые при определенных обстоятельствах могут заботить общественность, и пустыми сплетнями о состоянии его или ее брака либо о его или ее предполагаемых внебрачных связях. Суд согласился, что последние никак не способствуют общественной полемике, на страже которой стоит пресса в роли инструмента общественного надзора, а всего лишь служат удовлетворению любопытства определенной читательской аудитории. В ответ на недовольство заявителя тем, что ему не было позволено доказать наличие на момент публикации статьи отраженных в ней слухов, Суд заметил, что, хотя освещение правдивых фактов о жизни политика или другого общественного деятеля может допускаться при определенных обстоятельствах, даже публичные персоны вправе ожидать законной защиты и уважения своей личной жизни. Суд отметил, что заявитель никогда не утверждал правдивости этих слухов. Тем не менее, даже публичные персоны вправе ожидать законной защиты от распространения необоснованных слухов об интимных аспектах их частной жизни. Следовательно, уравновешивая права, предусмотренные в Статьях 8 и 10,

при обстоятельствах данного дела предпочтение было отдано защите частной жизни, которая возобладала над свободой выражения своего мнения.

Вопросы

1. Каким образом определяется выражение общественных интересов в рамках внутригосударственного законодательства?
2. В какой степени защищено выражение общественных интересов?
3. Какие требования к уравниванию противоречащих друг другу прав предусмотрены для внутригосударственных органов при рассмотрении интересов политических и общественных деятелей?

5.3 Общие принципы ограничений на выражение политических взглядов и общественных интересов

Несмотря на то значение, которое придается свободе выражения политических взглядов и общественных интересов, она не несет абсолютного характера и подвержена тем же ограничениям, что и другие формы выражения. Несмотря на то, что от политических деятелей ожидают терпимости к критике и комментариям в свой адрес, этот принцип не лишен ограничений.

Существенное значение имеет та ситуация, на фоне которой выражаются подобные взгляды. Например, мнение, выраженное в контексте дискуссии на тему национальной безопасности в ходе политических дебатов или во время выборов.

- В деле **Castells v Spain (1992 г.)** Суд отметил, что главенствующая позиция государства требует от него сдержанности в вопросе уголовного преследования, в частности, в тех ситуациях, где можно отреагировать другими способами на необоснованные выпады и критические замечания своих оппонентов или средств массовой информации. Тем не менее, компетентные государственные органы, выполняя свою миссию по обеспечению общественного порядка, вправе принимать меры (даже в уголовном порядке) с целью надлежащим образом и без излишеств отреагировать на порочащие обвинения, лишённые оснований или сделанные недобросовестно. Заявитель несколько раз предлагал предоставить улики, доказывающие правдивость написанной им статьи, однако не получил на это разрешения внутригосударственных судов. Суд постановил, что данный отказ сыграл решающую роль в этом деле и что подобное вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения не требовалось в демократическом обществе.
- В деле **Arslan v Turkey (1999 г.)** заявителем выступал автор, опубликовавший книгу, посвященную историческому описанию событий на юго-востоке Турции. Он был признан виновным в публикации материалов сепаратистской пропаганды, однако его приговор был объявлен недействительным, поскольку был основан на отменённом положении закона. Заявитель опубликовал второе издание книги, за что подвергся уголовному преследованию и был осужден за публикацию пропаганды, направленной против единства государства. Экземпляры книги были изъяты и впоследствии конфискованы. Заявитель был приговорен к одному году и восьми месяцам лишения свободы. Книга была написана в резких выражениях и обвиняла турецкие власти в геноциде и других жестокостях в отношении курдов. Отмечая всю важность права критиковать правительство, Суд выразил обеспокоенность в связи с суровостью вынесенного наказания и настойчивостью государственного обвинителя. Суд постановил, что ограничение

права заявителя на свободу выражения своего мнения было несоразмерно преследуемой законной цели.

- В деле **Brasilier v France (2006 г.)** речь шла о кандидате, потерпевшем поражение на парламентских выборах во Франции, которого призвали к гражданской ответственности (и присудили к возмещению убытков в один франк) за публичное поношение избранного государственного чиновника. Он обвинил выигравшего в том же избирательном округе кандидата в фальсификации результатов выборов, поскольку его избирательные бюллетени не были обнаружены на избирательных участках. В рамках отдельного разбирательства Конституционный суд заключил, что кандидаты не предоставили муниципальным органам свои избирательные бюллетени в сроки, предусмотренные национальным законодательством. Заявитель утверждал, что привлечение его к гражданской ответственности нарушало его права, предусмотренные Статьей 10. Суд учел, что оспариваемые высказывания затрагивали вопросы, представляющие общественный интерес и, учитывая общий тон лозунгов и листовок, должны были рассматриваться в большей степени как оценочные суждения, нежели фактические заявления. Суд подчеркнул, что свобода выражения своего мнения особенно важна в контексте политических дебатов и посчитал, что высказывания политического характера не могут быть ограничены без веских причин. Вмешательство в отношении свободы выражения своего мнения со стороны члена оппозиции, представляющего интересы своих избирателей, озвучивающего их озабоченность и защищающего их интересы, требовало от Суда применения более строгих стандартов рассмотрения дела. В этой связи Суд вновь отметил, что лицо, выступающее против официальных идей и взглядов, должно иметь возможность обсуждать законность выборов, а в контексте предвыборной борьбы может допускаться большая резкость высказываний, чем при других обстоятельствах. Несмотря на то, что наложенное на заявителя наказание являлось минимально возможным и составляло символическую сумму в один франк, Суд посчитал, что этого обстоятельства само по себе недостаточно, чтобы обосновать вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения. Более того, Суд неоднократно заявлял, что любое вмешательство в отношении свободы выражения своего мнения может иметь «сдерживающий эффект» на осуществление этого права. Таким образом, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.
- В деле **Malisiewicz-Gąsior v Poland (2006 г.)** заявительницей выступала независимый кандидат на польских парламентских выборах, которая написала ряд газетных статей с обвинениями в «злоупотреблении полномочиями» в адрес вице-спикера нижней палаты парламента Польши. В статьях речь шла о жалобе вице-спикера в прокуратуру по поводу похищения заявительницей его дочери, а также о последующем расследовании и заключении заявительницы под стражу. Впоследствии данная жалоба оказалась беспочвенной, поскольку на самом деле дочь вице-спикера сбежала из дому со своим давним другом - сыном заявительницы. В результате написанных заявительницей статей она была признана виновной в преступной клевете и была приговорена к условному сроку с выплатой штрафа. Заявительница подала жалобу со ссылкой на Статью 10 в связи с фактом своего осуждения за клевету. Суд отметил, что высказывания заявительницы были сделаны в статьях, опубликованных в ходе ее предвыборной кампании в качестве кандидата в депутаты. Кроме того, ее высказывания основывались на личном опыте. Суд посчитал, что обвинения со стороны заявительницы в злоупотреблении полномочиями не были беспочвенными личными нападениями, а являлись частью политических дебатов, затрагивающих хорошо известного политика. Суд вновь отметил, что право баллотироваться в качестве кандидата на выборах имеет важнейшее значение в рамках Конвенции и играет ключевую роль в демократическом обществе. Вице-спикер парламента, являющийся политическим деятелем, должен был проявить более высокую степень терпимости к критике. Суд посчитал, что порочащие заявления в адрес политика в контексте жаркой политической полемики не являлись основанием для вынесения наказания в виде лишения свободы. Таким образом, признание заявительницы виновной могло оказать «сдерживающий эффект» на свободу

выражения своего мнения в рамках публичных дебатов в целом. Суд заключил, что принятые внутригосударственными судами меры и преследуемая ими законная цель не были соразмерно связаны. Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

Иногда ограничение может затронуть не только письменный текст или высказанное мнение, но и фотографию или другие подробности, сопровождающие высказанное мнение.

- В деле **Krone Verlag GmbH KG v Austria (2002 г.)** заявителем был журналист, выступивший с обвинениями в адрес П. - члена австрийского парламента, который также являлся членом Европейского парламента. Он утверждал, что в нарушение закона П. получал три зарплаты, в том числе свою зарплату учителя. Он приложил фотографию П. к обвинениям. П. добился судебного запрета, запрещающего заявителю публиковать фотографию. Ходатайство о запрете было удовлетворено на том основании, что П. не был широко известен, и, соответственно, возможность узнавания нарушила бы его законные интересы. Внутригосударственные суды постановили, что компания заявителя была вправе освещать деятельность истца и его финансовые дела, однако для публикации его фотографии не было законного повода, поскольку фотография сама по себе не представляла информационной ценности. Суд постановил, что внутригосударственные суды не приняли во внимание основную роль прессы в демократическом обществе, которая состоит в распространении информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Далее Суд заявил, что неважно насколько данная личность (или его/ее изображение) была известна общественности. Важно то, занималось ли данное лицо общественной деятельностью. Этот принцип применим к политическим деятелям ввиду их общественных функций, лицам, участвующим в публичных дебатах, организациям, занимающимся общественной деятельностью или лицам, подозреваемым в совершении преступлений политического характера, привлекающих внимание общественности. П. являлся политическим деятелем, соответственно, он вступил на поприще общественной жизни и должен был нести последствия этого. Таким образом, веских причин запрещать публикацию его фотографии со стороны компании-заявителя не было. В этой связи Суд придает значение тому обстоятельству, что опубликованные фотографии не раскрывали каких-либо подробностей его частной жизни. Далее Суд отметил, что Интернет-сайт австрийского парламента опубликовал биографию и фотографию П., который на момент вынесения судебного решения все еще являлся членом австрийского парламента.
- В деле **Barthold v Germany (1985 г.)** речь шла о статье, содержащей интервью с заявителем - ветеринаром-хирургом, в которой указывалось его имя и врачебная практика, а также приводилась его фотография. В своем интервью заявитель выразил мнение, что ветеринарные врачи города Гамбурга должны иметь службу скорой помощи, работающую в ночное время. Заявитель рассказал, что его кабинет работает ночью и поделился своими впечатлениями. На заявителя был наложен судебный запрет, воспрещающий ему выражать свои взгляды относительно необходимости ветеринарной службы скорой помощи в ночное время на том основании, что это нарушало закон о недобросовестной конкуренции, запрещающий рекламу со стороны ветеринаров. Суд отметил, что данная статья преследовала определенную цель – информировать общественность Гамбурга о сложившейся ситуации в период, когда, по словам заявителя и его коллеги, рассматривался проект нового закона о ветеринарных врачах. Суд отметил, что хотя приведенные заявителем иллюстрации к статье могли привести к известности его собственной клиники, этот эффект был вторичен по отношению к основному содержанию статьи и к характеру того вопроса, который был представлен широкой общественности. Применение соответствующего закона могло удержать представителей свободных профессий от участия в общественной полемике по вопросам, затрагивающим жизнь общества, при наличии малейшей вероятности того, что их высказывания могут в определенной степени рассматриваться как реклама.

- В деле **Eerikainen and Others v Finland (2009 г.)** заявителями выступали корреспондент и главный редактор издательской компании, опубликовавшие статью о ходе уголовного разбирательства в суде по делу о мошенничестве. Внутригосударственные судебные органы сочли, что, указав в статье имя обвиняемой женщины и приложив ее фотографии, заявители нарушили ее право на частную жизнь, и обязали их возместить моральный ущерб. В своей оценке этого дела Суд заявил, что в целом публикация фотографии должна считаться более существенным вмешательством в отношении права на уважение частной жизни, нежели простое указание имени. Несмотря на то, что свобода выражения своего мнения также распространяется на публикацию фотографий, тем не менее, в этой области придается особая важность защите прав и репутации других лиц. Однако, констатируя нарушение права на свободу выражения своего мнения, Суд подчеркнул важность того обстоятельства, что фотографии были сделаны с согласия обвиняемой и с намерением их опубликовать, и, соответственно, заключил, что хотя приведенные доводы были существенными, они не были достаточны для вмешательства в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения в смысле «наущной общественной необходимости».

Вопрос

Должны ли внутригосударственные суды принимать во внимание важность полемики по вопросам, представляющим общественный интерес при оценке необходимости вмешательства в каком-либо отдельно взятом случае?

5.4 Диффамация и схожие ограничения

Очевидно, что позиция Суда заключается в том, что направленная против политических деятелей критика не должна обычно ограничиваться. Суд придерживается точки зрения, что употребление оскорбительных или утрированных выражений в адрес политических деятелей должно восприниматься как естественная часть демократического процесса (см. дело **Lopes Gomes Da Silva v Portugal (2000 г.)**). Тем не менее, там, где критике подвергается частная жизнь политика, даже если подобная информация уже является достоянием общественности, как упоминалось выше, Суд придерживается того мнения, что лица, выступающие с критикой, должны делать это в наименее спорной и утрированной форме (см. дело **Tammer v Estonia (2001 г.)**). Политики во многих государствах-участниках Конвенции часто прибегают к судебным процессам против журналистов по искам о преступной клевете, что привело к образованию внушительной прецедентной базы. Суд подчеркивает, что следует различать фактические заявления, которые могут быть доказаны, и оценочные суждения, которые являются лишь частным мнением и могут допускаться с точки зрения Суда. Например:

- В деле **Oberschlick (No. 2) v Austria (1997 г.)** лидер крайне правой Австрийской партии свободы Йорг Хайдер произнес публичную речь, в которой восхвалял всех солдат, сражавшихся на полях Второй мировой войны, вне зависимости от того, на чьей стороне они воевали. Он давал понять, что все солдаты воевали за мир и свободу, и только они были вправе потребовать себе право на свободу выражения. Заявитель ответил на произнесенную речь газетной статьей, в которой назвал Хайдера «идиотом». Далее он перечислял причины употребления этого слова, одна из которых заключалась в том, что Хайдер сам не воевал в армии третьего рейха и, по его же собственным словам, не мог претендовать на свободу выражения своего мнения. Заявитель был признан виновным в преступной клевете. Суд постановил, что хотя критика со стороны заявителя была резкой, она не являлась беспочвенным выпадом, поскольку было предоставлено понятное в объективном смысле объяснение, а именно - сама провокационная речь Хайдера.

Следовательно, сделанные заявителем высказывания являлись частью политической дискуссии, вызванной самим Хайдером, и приравнивались к частному мнению, правдивость которого не подлежит доказательству. Тем не менее, утверждения заявителя были подкреплены фактической базой. Следовательно, Суд постановил, что использованное заявителем слово было соразмерно сознательно вызванному Хайдером возмущению. Вмешательство в отношении его права на свободу выражения мнения являлось нарушением Статьи 10.

- В деле **Lopes Gomes da Silva v Portugal (2000 г.)** заявителем выступал управляющий ежедневной газеты, написавший редакционную статью, в которой критиковал избрание лидера правой политической партии Р. на выборах в городской совет Лиссабона. Он обвинял Р. в том, что он «с идеологической точки зрения ... гротескный и ... шутовской» и представляет собой «невероятную смесь грубого реакционизма, фашистского фанатизма и вульгарного антисемитизма». Вместе со статьей заявителя были опубликованы многочисленные отрывки из последних статей Р., в которых он называл премьер-министра Франции «лысым евреем» и восхвалял национальный фронт и его лидера Ле Пена. Заявитель был признан виновным в преступной клевете. Суд отметил, что статья способствовала политической полемике вокруг вопросов, представляющих общественный интерес, где ограничения на свободу слова должны толковаться в узком смысле. Суд заявил, что хотя статья была полемична по стилю, она не содержала беспочвенных нападок, поскольку заявитель обосновал свои заявления объективным объяснением. Далее Суд отметил, что «политические пререкания часто перетекают в личную сферу: таковы риски политической жизни и свободного противостояния идей, которые служат гарантией демократического общества». Суд отметил, что свобода журналистики также подразумевает возможность использования в определенной степени методов гиперболы или даже провокации. Суд также заявил, что исходя из стиля статьи, написанной заявителем, можно было разумно заключить, что на нее повлиял Р., отрывки из чьих весьма спорных статей были опубликованы вместе со статьей. Более того, Суд придал большое значение тому обстоятельству, что, опубликовав эти статьи рядом со своей передовицей, заявитель поступил в соответствии с правилами журналистской профессии. Таким образом, несмотря на свою реакцию в ответ на указанные статьи, он позволил читателям составить свое собственное мнение, разместив рядом с передовой статьей заявления того, кому она была посвящена. В данном случае имел значение не тот факт, что заявитель был приговорен к минимальному наказанию, а то, что он вообще был признан виновным. Следовательно, признание заявителя виновным не было в разумной степени соразмерно указанной законной цели в интересах обеспечения и поддержания свободы прессы в демократическом обществе.
- В деле **Thorgeirson v Iceland (1992 г.)** заявитель написал ряд статей, в которых критиковал жестокость полиции. Суд отметил, что в статьях затрагивался серьезный вопрос, который заботит общественность. Хотя в статьях употреблялись особенно резкие формулировки (в своей статье заявитель постоянно называл полицию «зверьми в форме»), однако с учетом тех целей и последствий, для которых они предназначались, Суд постановил, что использованные формулировки не могут рассматриваться как чрезмерно грубые. Далее Суд постановил, что признание заявителя виновным в преступной клевете и вынесенный ему приговор могли помешать открытой дискуссии по вопросам, представляющим общественный интерес. Таким образом, данное вмешательство не было соразмерно с преследуемой законной целью и, соответственно, не было «необходимо в демократическом обществе».
- В деле **Bladet Tromso and Stensaas v Norway (1999 г.)** заявители опубликовали статью, в которой подвергались критике методы промысла морских котиков на борту определенного судна. Суд заявил, что дело требует самого тщательного рассмотрения, если принятые меры или санкции, наложенные со стороны национальных органов власти, способны препятствовать участию прессы в полемике на темы, представляющие законный общественный интерес. Суд учел тот факт, что газета обеспечила уравновешенное освещение данного вопроса, опубликовав все

точки зрения, в том числе - самих охотников на морских котиков. Во-вторых, Суд принял во внимание то обстоятельство, что в оспариваемых статьях акцент ставился не на обвинения, а на общественную дискуссию. В-третьих, несмотря на то, что журналисты должны действовать добросовестно, газета не была обязана проверить с помощью независимого расследования содержание официального доклада. Суд заключил, что несомненное право членов экипажа судна на защиту своей репутации не было достаточно, чтобы перевесить важнейшие публичные интересы с точки зрения обеспечения осведомленной общественной полемики по вопросу, представляющему интерес на местном, государственном и международном уровне. Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

- В деле **Nilsen and Johnsen v Norway (1999 г.)** заявителями выступали сотрудники полиции города Берген. Двое научных сотрудников университета Бергена провели расследование, посвященное явлению насилия в Бергене. Полученные результаты были опубликованы в виде книги. В ней содержалось заявление о том, что полицейские Бергена несут ответственность за ряд случаев чрезмерного либо незаконного применения силы. Книга дала повод для ожесточенных споров в обществе. Министерство юстиции назначило следственную комиссию, членом которой был г-н Братхольм, которая пришла к заключению, что характер и степень жестокости полиции в городе Берген намного превышала общие представления. Г-н Братхольм посвятил этой теме еще одну публикацию. Заявители сделали несколько высказываний через прессу в ответ на обвинения в полицейской жестокости. Г-н Братхольм подал на заявителей иск о клевете и добился их осуждения. Суд согласился с решениями внутригосударственных судов о том, что сделанные заявления могли навредить репутации г-на Братхольма, а приведенные норвежскими властями доводы для обоснования преследования были существенны с точки зрения законной защиты репутации г-на Братхольма. Тем не менее, Суд отметил, что доводы заявителей также не были лишены оснований, когда они утверждали, что имеют право «отплатить той же монетой». Более того, определенная степень утрированности должна допускаться в рамках ожесточенных и длительных споров в обществе по вопросам, представляющим широкий интерес. Суд заключил, что рассматриваемое вмешательство не было подкреплено достаточными доводами и было несоразмерно с законной целью защиты репутации г-на Братхольма.
- В деле **Raichinov v Bulgaria (2006 г.)** заявителем выступал сотрудник министерства юстиции Болгарии. После посещения заседания Верховного судебного совета, на котором присутствовал генеральный прокурор, заявитель употребил выражения, дающие понять, что заместитель генерального прокурора коррумпирован. Впоследствии он был осужден за публичное оскорбление государственного чиновника. Заявитель подал жалобу о том, что он был осужден за высказывание своего личного мнения о заместителе генерального прокурора, что являлось нарушением его права на свободу выражения своего мнения согласно Статье 10. Суд отметил, что жертвой оскорбления стал высокопоставленный чиновник, а пределы допустимой критики в его адрес хотя и не безграничны, но шире по сравнению с частными лицами. Суд заметил, что замечание заявителя было сделано перед ограниченной аудиторией, во время заседания за закрытыми дверями, не представляло какой-либо угрозы для заместителя генерального прокурора и не препятствовало выполнению его должностных обязанностей. Следовательно, негативное влияние слов заявителя, если таковое и было, на его репутацию было достаточно ограниченным. Более того, Суд постановил, что поскольку мнение заявителя на счет г-на С. было высказано в ходе заседания, следовательно, его надлежало толковать как полемику на тему, представляющую широкий интерес, что предусматривает повышенную защиту в рамках Статьи 10. Другой важный фактор заключается в том, что заявитель подвергся не гражданским или дисциплинарным санкциям, а уголовному наказанию по инициативе генерального прокурора. Суд посчитал, что реакция генерального прокурора и последующее осуждение были несоразмерны. Суд вновь отметил, что главенствующая позиция государства требует от него сдержанности в вопросе уголовного преследования, в частности, там, где можно отреагировать на необоснованные выпады и критические замечания своих оппонентов или средств массовой информации другими способами. Вынесенный в отношении заявителя приговор, хотя и был

одним из самых мягких наказаний, тем не менее, являлся уголовной судимостью, которая была внесена в личное дело заявителя. Следовательно, Суд заключил, что было допущено нарушение Статьи 10.

- В деле **Csanics v Hungary (2009 г.)** заявителем выступал руководитель профсоюза, высказавший в своем заявлении резкую критику в адрес руководства компании. На заявителя был подан иск, в результате чего суд обязал его выступить с опровержением своего заявления и приговорил его к выплате судебных издержек. Во-первых, в данном деле Суд провел четкое различие между оценочными суждениями, в которых заявитель оценивает действия компании-работодателя и фактическими заявлениями, согласно которым, по словам заявителя, компания-работодатель считает его и его коллег преступниками. Для Суда подобные заявления подлежали доказательству, по крайней мере отчасти. Суд счел поразительным тот факт, что внутригосударственные суды посчитали способ, которым заявитель высказал свои утверждения «беспочвенно оскорбительным и грубым» и не представили возможности доказать правдивость своих заявлений, хотя на его стороне стояли убедительные доводы. На основе фактических доказательств, предоставленных заявителем, Суд пришел к выводу, что, скорее всего, оспариваемые высказывания заявителя были обоснованы или, по меньшей мере – добросовестны, в соответствии с минимальными требованиями, предъявляемым к лицам, занимающимся публичной полемикой. Следовательно, Суд посчитал, что внутригосударственные органы власти должны были предоставить заявителю возможность обосновать свои утверждения. В принципе, публичные заявления, соответствующие действительности, должны допускаться вне зависимости от тона, в котором они сделаны, и негативных последствий для тех, кого они затрагивают.
- См. также дело **Juppala v Finland (2009 г.)**.

Вопрос

Каким образом внутригосударственное законодательство защищает употребление со стороны журналистов утрированных и спорных высказываний в контексте выражения политических взглядов?

5.4.1 Фактические и оценочные суждения

Законы о диффамации часто служат для подавления политических высказываний. Диффамация включает в себя как фактические утверждения, так и оценочные суждения, выраженные как частное мнение. Между этими двумя видами выражения Суд проводит различие, которое имеет принципиальное значение для действия законов о диффамации. Обычно не составляет труда определить фактическое утверждение. Например, назвать человека лжецом является фактическим утверждением. Оценочные утверждения являются выражением мнения - например, назвать человека безнравственным и бесчестным. Суд часто сталкивался с той проблемой, что внутригосударственные законы не предусматривают подобных различий и требуют, чтобы обе формы выражения своего мнения были обоснованы с помощью доказательства правдивости данных утверждений. Другая проблема связана с тем, что некоторые внутригосударственные законы не предусматривают положения, по которому обвиняемый может защитить себя в связи с фактическими утверждениями, доказав их правдивость.

Суд ясно дал понять, что для защиты оценочных суждений не требуется доказательства их правдивости, поскольку они выражают мнение и не подлежат доказательству. Тем не менее, оценочные суждения не всегда рассматриваются как приемлемая форма свободы выражения своего мнения: оценка соразмерности вмешательства может зависеть от того, существует ли фактическая база

для оспариваемого заявления. Суд отметил, что оценочные суждения могут рассматриваться как чрезмерные ввиду отсутствия фактической базы (см. пункт 43 постановления по делу **Jerusalem v Austria (2001 г.)**). Тем не менее, фактические утверждения входят в другую категорию, поскольку существование фактов может быть доказано. Следовательно, внутригосударственное законодательство, предусматривающее обязательное доказательство правдивости подобных заявлений, совместимо с положениями Статьи 10. И в самом деле, лишение человека права защитить себя, доказав правдивость своих утверждений в рамках гражданского или уголовного разбирательства по иску о клевете, является нарушением Статьи 10.

- В деле **Jerusalem v Austria (2001 г.)** заявительница выразила свое мнение на счет некой ассоциации «IPM», назвав ее сектой. Она утверждала, что все секты проявляют фашистские тенденции и несут тоталитарный характер. Ассоциация «IPM» добилась судебного запрета, воспрещающего ей повторять свои утверждения. Заявительница утверждала, что ее заявления представляли собой оценочные суждения в рамках политических прений. В своем решении о наложении запрета рассматривающий дело суд определил, что сделанные заявления представляли собой фактические утверждения, а заявительница не смогла доказать обратного. В свою очередь, Суд постановил, что сделанные заявления представляли собой оценочные суждения. Тем не менее, Суд далее постановил, что даже если заявление является оценочным суждением, соразмерность вмешательства может зависеть от существования достаточной фактической базы в основе оспариваемого заявления, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической базы может посчитаться чрезмерным. Суд отметил, что заявительница предлагала документальные доказательства, в том числе статьи из газет и журналов, посвященные внутренней структуре и деятельности «IPM», а также постановление немецкого суда по этому вопросу. Суд заявил, что подобные материалы могли иметь отношение к делу и показать с первого взгляда, что высказанное заявителем оценочное суждение являлось справедливым замечанием. Заявительница также предложила показания четырех свидетелей и предложила обратиться за помощью к эксперту, однако разбирающий дело суд отказался принять показания лишь на том основании, что они были связаны с термином «секта», а не с объяснением этого термина, данного заявителем в своей речи. Суд постановил, что потребовал от заявительницы доказать правдивость своих высказываний и в то же время фактически лишив ее возможности привести доказательства в подтверждение своим заявлениям и тем самым продемонстрировать, что они представляют собой справедливые высказывания, австрийские суды превысили пределы свободы усмотрения и наложили ограничение, являющееся несоразмерным вмешательством в свободу выражения своего мнения.
- В деле **Dichard and Others v Austria (2002 г.)** среди заявителей были корреспонденты и владелец некой газеты, состоящей в конкуренции с медиа-группой, интересы которой представлял юрист Г. Впоследствии Г. был избран депутатом парламента от народной партии Австрии. Заявители выступили с критикой в адрес Г. за то, что он занимал должность председателя законодательного комитета парламента и представлял интересы конкурента заявителей в различных судебных разбирательствах по искам о недобросовестной конкуренции в отношении компаний, входящих в медиа-группу заявителей. Заявители обвинили его в том, что он участвовал в принятии поправки к закону, который был в интересах его клиентов, и тем самым злоупотребил своим положением. Заявители обязали отказаться от своих утверждений и не повторять их. Суд отметил, что назначенное национальным судом требование к заявителям доказать, что поправка служила исключительно интересам клиентов Г., возлагала на заявителя чрезмерное бремя. Суд заключил, что в статье приводилась достаточная фактическая база, чтобы считать ее оценочным суждением. Статья содержала справедливое высказывание по вопросу, представляющему общественный интерес. Суд отметил, что Г. является важным политическим деятелем, и ситуация, в которой переплетаются его деловые интересы и политическая деятельность, может вызвать полемику в обществе, даже в тех случаях, когда по нормам внутригосударственного законодательства конфликта должностных интересов, строго говоря,

не возникает. Хотя заявители, исходя из скудной фактической базы, публично выступили с резкой критикой в острых и спорных выражениях, тем не менее, наложенное ограничение не было соразмерно с преследуемой законной целью.

- В деле **Feldek v Slovakia (2001 г.)** заявителем выступал журналист, написавший статьи и стихи, в которых выражал свою озабоченность в связи с назначением С. в качестве министра правительства во вновь обретшей независимости Словакии ввиду его фашистского прошлого. Незадолго до сделанных заявителем утверждений С. опубликовал свою биографию, в которой описывался факт его осуждения советским военным трибуналом в 1945 году на том основании, что он имел инструкции шпионить за советской армией после того, как был зачислен на военный курс в немецкой спецшколе. С. подал на заявителя иск о диффамации, и суд обязал его опубликовать текст, в котором тот признавал, что его предыдущие заявления имели целью опорочить истца. В свою очередь, Суд отметил, что высказывания заявителя были сделаны и опубликованы в рамках политической полемики по вопросам, представляющим широкий интерес и общественную озабоченность в связи с прошлым Словакии, которое могло отразиться на будущем развитии страны. Далее Суд отметил, что в высказываниях заявителя источники не указывались, поскольку в их основе лежали факты, опубликованные самым С. и прессой незадолго до публикации высказываний заявителя. Внутригосударственный суд постановил, что выражение «фашистское прошлое» подразумевает, что данное лицо активно распространяло или исповедовало идеологию фашизма. Поскольку заявитель не смог доказать, что С. имел фашистское прошлое в этом смысле, внутригосударственный суд заключил, что высказывания заявителя являлись необоснованным нарушением личных прав г-на С. Суд постановил, что его заявления являлись оценочными суждениями в рамках открытой полемики по вопросу, представляющему широкий интерес, а именно по политическому развитию Словакии в свете исторического прошлого страны. Заявления касались государственного министра, в отношении которого пределы допустимой критики шире, нежели в случае с частным лицом. Суд отклонил утверждение государства-ответчика о том, что оценочное суждение может считаться таковым, только если оно сопровождается фактами, на которых оно основано. Необходимость связующего звена между оценочными суждениями и лежащими в их основе фактами может различаться в зависимости от частных обстоятельств дела. В рассматриваемом деле Суд убедился, что оценочные суждения основывались на сведениях, уже ставших достоянием широкой общественности ввиду того, что политическая жизнь С. была известна, а факты его прошлого были раскрыты им самим в его собственной книге и в публикациях в прессе, которые предшествовали высказываниям заявителя. Суд отклонил ограничительное определение выражения «фашистское прошлое», предлагаемое внутригосударственным судом. Данное выражение имеет широкое значение и способно вызвать у читателя разные представления относительно его содержания и смысла. Одно из этих представлений заключается в том, что данное лицо состояло в фашистской организации, даже если это не сопровождалось конкретными действиями с точки зрения распространения фашистской идеологии. Суд отметил, что внутригосударственные судебные органы так и не смогли убедительным образом доказать существование насущной общественной необходимости достаточной для того, чтобы защита прав общественного деятеля ставилась выше права заявителя на свободу выражения своего мнения и преобладала над общей заинтересованностью поощрять эту свободу в вопросах, затрагивающих общественные интересы.
- В деле **Shabanov and Tren v Russia (2006 г.)** заявителями выступали владельцы газеты, опубликовавшей серию статей о государственных чиновниках. В первой статье речь шла о начальнике правового управления региональной администрации, и приводились замечания относительно ее возраста и отсутствия квалификации. Указанная личность обратилась в суд в связи с порочащими ее заявлениями, а суд удовлетворил ее иск на основании того, что в статье содержались неточные и дискредитирующие ее сведения. Во второй статье заявители рассказывали о заболевании большого числа солдат по вине командира подразделения, не обеспечившего их сухой

обувью. Командир подразделения подал судебный иск и предоставил медицинские документы, подтверждающие, что он нездоров и утверждал, что это явилось следствием опубликованной статьи. Заявители опубликовали подробности иска и медицинские показания истца в своей газете. Внутригосударственный суд отказал командиру подразделения в удовлетворении иска по части порочащих его сведений, поскольку они были верны, однако приговорил заявителей к выплате штрафа за публикацию подробностей его медицинского заключения. Суд постановил, что по первому эпизоду нарушения Статьи 10 допущено не было, поскольку опубликованная заявителями информация, хотя и была в интересах общественности, впоследствии оказалась неверной. По второму эпизоду Суд также не обнаружил нарушения, поскольку подход внутригосударственного суда был направлен на защиту неприкосновенности частной жизни военнослужащего, и, следовательно, вынесенное наказание в виде штрафа было соразмерно.

Разница между оценочными суждениями и фактическими утверждениями может ясно предусматриваться в рамках внутригосударственного законодательства. Однако подобное различие должно соответствовать представлениям Суда. Таким образом, действующая в рамках внутригосударственного права классификация может быть оспорена в Суде.

- В деле **Jerusalem v Austria (2001 г.)** Суд отметил, что внутригосударственные судебные органы классифицировали оспариваемое заявление как фактическое утверждение. Суд не согласился с этим и заявил, что речь шла о справедливых высказываниях по вопросам, представляющим общественный интерес, со стороны члена муниципального совета, которые должны рассматриваться скорее как оценочные суждения, нежели как фактические утверждения.

Разница между фактическими утверждениями и оценочными суждениями демонстрируется также в деле **Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v France (2007 г.)**.

Вопросы

1. Существует ли разница между оценочными суждениями и фактическими утверждениями в рамках внутригосударственного законодательства?
2. Если да, то какие последствия вытекают из этого различия?

5.5 Критика в адрес правоохранительных органов, судебных органов и вооруженных сил

Суд не склонен считать приемлемым употребление утрированных выражений в адрес правоохранительных органов, судебных органов и вооруженных сил на том основании, что, в отличие от политических деятелей, эти институты выполняют особую роль в обществе, связанную с законом и порядком, а посему следует поддерживать к ним доверие общества. В таких случаях Суд с большей тщательностью изучает контекст, в котором эти слова были сказаны или написаны, а также обращает особое внимание на то, с каким намерением были употреблены данные выражения (см. дело **Thorgeirson v Iceland 1992**).

- В деле **Prager and Oberschlick v Austria (1995 г.)** речь шла об опубликованной статье, в которой содержалась резкая критика в адрес судей австрийских уголовных судов. В статье они упрекались в «высокомерии» и «задиристости», а также обвинялись в том, что игнорируют принцип презумпции невиновности. Некоторые судьи в статье упоминались поименно, однако она содержала нападки в адрес всех уголовных судей. Первый заявитель в качестве источников для своей статьи привел заявления юристов, судебных корреспондентов и университетских

исследователей, присовокупив к ним свой собственный опыт посещения ряда судебных разбирательств. Заявители были признаны виновными в преступной клевете. Суд заявил, что хотя пресса является одним из инструментов, с помощью которого политические деятели и общественность могут проверить, исполняют ли судьи свои нелегкие обязанности в соответствии с вверенной им миссией, тем не менее, следует принимать во внимание особую роль судебных органов в обществе. Суд постановил, что, выступая гарантом правосудия - основополагающей ценности правового государства, судебные органы должны пользоваться доверием общественности, чтобы с успехом исполнять вверенные им обязанности. Следовательно, может возникнуть необходимость защитить это доверие от необоснованных и пагубных нападок, особенно ввиду того обстоятельства, что судьи обязаны проявлять сдержанность, не позволяющую им отвечать на критику. Суд отметил, что заявители были осуждены не из-за критики, а ввиду чрезмерного размаха обвинений, которые в отсутствие достаточной фактической базы, показали излишне предубежденными. Далее Суд отметил, что приведенные первым заявителем исследования не были достаточны для того, чтобы обосновать его обвинения. Следовательно, Суд постановил, что вмешательство было соразмерно преследуемой законной цели.

- В деле **Schopfer v Switzerland (1998 г.)** адвокат заявителя провел пресс-конференцию, на которой высказал критику в адрес местных судебных органов в связи с уголовным делом одного из его клиентов, находящимся на тот момент в их производстве. Он утверждал, что обращается к прессе как к «последней инстанции». На самом деле позже он подал иск, который был частично удовлетворен. В ходе пресс-конференции заявитель обвинял судебные власти в нарушении местных законов и прав человека на протяжении многих лет. Он также подверг критике порядок ареста своего клиента и реакцию судебных органов. Далее он предоставил подробности разговора секретаря суда с женой своего клиента, суть которого сводилась к тому, что ей следует найти другого адвоката, если она желает добиться освобождения своего мужа из-под стражи. При оценке необходимости вмешательства Суд отметил, что с учетом особого статуса адвокатов, им отводится ключевая роль в отправлении правосудия в качестве посредников между общественностью и судами, чем объясняются привычные ограничения, предусмотренные для членов коллегии. Суд отметил, что суды, выступающие гарантом правосудия, играют основополагающую роль в системе правового государства и должны пользоваться доверием общественности. Следовательно, было бы разумно ожидать, что адвокаты будут способствовать надлежащему отправлению правосудия и, тем самым, будут поддерживать доверие общественности. Был принят во внимание обобщенный характер высказанной заявителем критики, а также тон, выбранный им для своих заявлений. Учитывая, что пресс-конференция не являлась на самом деле последней инстанцией, Суд отметил, что жалобы адвоката были озвучены в то время, когда дело его клиента находилось в производстве. Суд отметил, что перед заявителем были открыты другие предусмотренные законом пути. И, наконец, Суд принял во внимание скромный размер назначенного заявителю штрафа. Суд пришел к заключению, что внутригосударственные органы власти не превысили пределов свободы усмотрения при вынесении наказания заявителю.
- В деле **Constantinescu v Romania (2000 г.)** заявитель употребил слово «*delapidatori*» (расхитчики) в отношении троих учителей. Суд отметил, что заявитель был обязан реагировать в рамках, определенных, в числе прочего, исходя из принципа «защиты репутации или прав других лиц», а также с учетом презумпции невиновности. Суд постановил, что слово «*delapidatori*» было оскорбительным для троих учителей ввиду того, что они не были признаны виновными в судебном порядке. Суд заявил, что заявитель мог вполне высказать свою критику и тем самым внести свой вклад в общественную полемику вокруг деятельности профсоюза, не употребляя слово «*delapidatori*». Соответственно, законные интересы государства, связанные с защитой репутации трех учителей, не противоречили интересам заявителя с точки зрения участия в вышеуказанной полемике. Таким образом, нарушения Статьи 10 допущено не было.

- В деле **De Haes and Gijssels v Belgium (1997 г.)** заявителями выступали авторы статей, в которых содержалась критика в адрес судей апелляционного суда и приводились подробные сведения, касающиеся решений, принятых по вопросу назначения опеки в отношении детей г-на X. Эта информация основывалась на тщательном изучении обвинений в адрес г-на X, а также на заключениях нескольких экспертов, которые, как утверждалось, посоветовали заявителям сообщить указанные сведения в интересах детей. Суд заявил, что указанные обвинения приравниваются к частному мнению, правдивость которого, по определению, не подлежит доказательству. Тем не менее, подобное мнение может оказаться чрезмерным, особенно в отсутствие какой-либо фактической базы, однако это не относится к данному случаю. Несмотря на то, что высказывания заявителей содержали резкую критику, Суд пришел к заключению, что они были соразмерны возмущению в обществе в связи с описываемыми в статьях утверждениями. В отношении выбранного журналистами спорного и даже агрессивного тона Суд отметил, что Статья 10 защищает не только суть выражаемых идей и сведений, но и форму, в которой они передаются.
- В деле **Perna v Italy (2003 г.)** заявителем выступал автор газетной статьи, содержащей критику в адрес некоего судьи, который обвинялся в предвзятости из-за своей приверженности принципам коммунистической партии. Суд заявил, что хотя судьи должны быть защищены от беспочвенных нападок, особенно ввиду того обстоятельства, что они обязаны соблюдать сдержанность, не позволяющую им отвечать на критику, тем не менее, пресса является одним из инструментов, с помощью которого политические деятели и общественность могут проверить, исполняют ли судьи свои нелегкие обязанности в соответствии с вверенной им миссией. Выступая как активный член политической партии, вне зависимости от ее направленности, должностное лицо системы правосудия ставит под угрозу тот образ беспристрастности и независимости, который должен всегда поддерживаться. В ситуациях, когда должностное лицо системы правосудия является активистом некоего политического движения, его безоговорочная защита от нападок в прессе едва ли может считаться обоснованной необходимостью поддерживать доверие общества, так необходимого системе правосудия для надлежащего исполнения вверенных ей функций, поскольку именно активная приверженность к политическим движениям может вероятнее всего подорвать это доверие. При подобном поведении должностное лицо системы правосудия неизбежно столкнется с критикой со стороны прессы, которая может справедливо посчитать, что независимость и беспристрастность государственного правового аппарата затрагивает серьезные общественные интересы. В этом отношении было допущено нарушение Статьи 10.

Несмотря на то, что ограничение критических высказываний в адрес судов в целях защиты их независимости считается допустимым при определенных обстоятельствах, тем не менее, критика, исходящая от представителя одной из тяжущихся сторон в адрес другой, обычно не должна считаться основанием для ограничения свободы выражения своего мнения.

- В деле **Nikula v Finland (2002 г.)** заявительница была адвокатом со стороны защиты, которая обвинила выступавшего по ее делу прокурора в «манипулировании ролями». Ее признали виновной в диффамации по халатности. Суд отметил, что критические замечания со стороны заявительницы ограничивались сугубо работой прокурора по данному делу и не были направлены на его профессиональную деятельность в целом. Суд также отметил важность контекста, в котором были сделаны данные критические замечания, в частности, заявительница озвучила критику в ходе судебной защиты своего клиента. Суд далее отметил, что разбирающий дело судья, в присутствии которого были высказаны указанные критические замечания, не предпринял попытки наказать заявительницу. Суд заявил, что угроза ретроактивного (ex post facto) рассмотрения критики со стороны защиты в адрес своего оппонента в рамках уголовного разбирательства трудно сопоставима с обязанностью адвоката защищать интересы своего клиента со всем усердием. Следовательно, адвокат сам под наблюдением коллегии должен оценить

существенность и пользу приводимых в защиту доводов, не подвергаясь потенциальному «сдерживающему эффекту» - пусть и в виде относительно мягкого уголовного наказания или обязательства возместить ущерб или издержки. Только исключительные обстоятельства могут оправдать наложение ограничений свободы выражения на адвоката защиты. Наложение на заявительницу ограничение в свободе выражения своего мнения никак не отвечало требованиям какой-либо «наущной общественной необходимости».

- В деле **Kyprianou v Cyprus (2005 г.)** заявителем выступал адвокат, который в судебном разбирательстве представлял интересы обвиняемого в деле об убийстве. Заявитель утверждал, что члены разбирающего дела суда общались друг с другом путем записок (слово «*равасакиа*» среди прочего может означать короткие и тайные письма-записки либо любовные письма или сообщения с неприятным содержанием). Судьи заявили, что «по-человечески глубоко оскорблены» обвинениями заявителя. Они поставили заявителя перед выбором: доказать сказанное и привести доводы против его осуждения или же отказаться от своих слов. Заявитель не сделал ни того, ни другого. Разбирающий дело суд признал его виновным в неуважении к суду и приговорил его к пяти дням лишения свободы с незамедлительным вступлением приговора в силу. Заявитель подал жалобу о том, что его осуждение за неуважение к суду являлось нарушением Статьи 10. Суд рассмотрел вопрос: были ли уравновешены защита авторитета правосудия с одной стороны и защита свободы выражения мнения заявителя, выступающего в качестве адвоката – с другой? Суд, в частности, заметил, что замечания заявителя, хотя и были неучтены, были направлены в адрес судей и ограничивались тем, каким образом они разбирали дело, в особенности - по части перекрестного допроса свидетеля, заявленного стороной защиты. Соответственно, Суд посчитал, что вынесенное заявителю наказание было несоразмерно сурово и могло возыметь «сдерживающий эффект» на исполнение адвокатами своих обязанностей в качестве защитников. Констатация Судом процессуальной несправедливости в рамках упрощенного производства по делу о неуважении к суду было присовокуплено к отсутствию соразмерности. Соответственно, Суд постановил, что было допущено нарушение Статьи 10 ввиду вынесенного заявителю несоразмерного приговора, даже с учетом его выхода из-под стражи до установленного срока.
- В деле **Guja v Moldova (2008 г.)** заявителем выступал глава пресс-службы генеральной прокуратуры Молдавии, который, действуя в рамках инициативы президента страны по борьбе с коррупцией, обнародовал два письма, полученных генеральной прокуратурой, ни одно из которых не значилось под грифом «секретно». Авторами писем оказались вице-спикер парламента и заместитель министра внутренних дел, которые таким образом пытались повлиять на ход расследования одного уголовного дела. В результате заявителя отстранили от должности. Во-первых, Суд отметил, что молдавское законодательство не предусматривает каких-либо процедур для сообщения сотрудниками случаев несоблюдения регламента. Во-вторых, с учетом контекста и формулировок, употребленных в письмах высокопоставленными должностными лицами, нельзя исключать, что их целью было надавить на прокуратуру. Суд отметил сообщения, поступающие из международных неправительственных организаций, озабоченных отсутствием в Молдавии независимой системы правосудия. В заключении, Суд посчитал, что публичные интересы, связанные с предоставлением информации о неправомерном давлении и нарушениях в генеральной прокуратуре, настолько важны в демократическом обществе, что перевешивают интересы поддержания доверия общества в отношении прокуратуры.
- В деле **Kudeshkina v Russia (2009 г.)** заявительницей выступала бывшая судья, подавшая жалобу в суд на то, что ее отстранили от работы в судебных органах за публичное обвинение вышестоящих должностных лиц в оказании на нее давления в связи с громким уголовным делом. Во-первых, Суд отметил, что ничего из сказанного г-жой Кудешкиной в своих интервью средствам массовой информации не подтверждает обвинения в разглашении конфиденциальной информации, выдвинутые Квалификационной коллегией судей г. Москвы. Далее Суд

пришел к выводу, что утверждения г-жи Кудешкиной об оказании на нее давления не были убедительным образом опровержены в рамках внутригосударственного разбирательства. Учитывая то, что г-жа Кудешкина публично критиковала поведение различных должностных лиц и утверждала, что давление на судей очень распространено, Суд счел, что заявительница, несомненно, подняла очень важный вопрос, представляющий общественный интерес, который должен быть доступен для открытой полемики в демократическом обществе. Даже если г-жа Кудешкина позволила себе некоторую степень преувеличения и обобщения, Суд посчитал, что ее заявления должны были рассматриваться как добросовестные высказывания по вопросу, представляющему общественный интерес. И, наконец, Суд отметил, что вынесенное наказание в виде отстранения г-жи Кудешкиной от должности могло возыметь «сдерживающий эффект» на судей, желающих участвовать в общественной полемике вокруг эффективности институтов правосудия. Следовательно, Суд постановил, что вынесенное наказание было несоразмерно суровым и нарушало Статью 10.

Тема критики со стороны государственных служащих в целом затрагивается в делах **Busuioc v Moldova (2004 г.)** и **Janowski v Poland (1999 г.)**.

Вопрос

Каким образом внутригосударственное законодательство реагирует на критику в адрес судебных органов или системы правосудия?

5.6 Подстрекательство к насилию

Суд считает, что вмешательство в отношении предусмотренных Статьей 10 прав обосновано, если употребляются слова или выражения, способные подстрекать к насилию. Однако прийти к такому заключению не всегда просто. В связи с разжигающими ненависть высказываниями уже указывалось, что контекст имеет весьма существенное значение.

- В деле **Surek v Turkey (No. 2) (1999 г.)** заявитель рассказывал, как названный им полицейский начальник призвал военных открыть огонь по курдам, в то время как другой военный заявил бывшему члену парламента: «твоя кровь не утолит мою жажду». Заявитель был признан виновным по обвинению в терроризме в связи со сделанными им заявлениями. Суд постановил, что слова заявителя не являлись подстрекательством к насилию, однако могли вызвать резкую критику со стороны общества в адрес тех, кого затрагивали. Тем не менее, Суд постановил, что если предположить, что утверждения соответствовали действительности, то, ввиду серьезности этих правонарушений, общественность имела законные основания знать не только характер этих действий, но и личности совершивших ее сотрудников силовых ведомств. Более того, заявления в прессе, на которых был основан данный репортаж, уже освещались в других газетах, и инкриминируемый заявителю репортаж не внес ничего нового в эти сообщения. Ни одна другая газета не подверглась преследованию за освещение сделанных заявителем высказываний. Следовательно, приведенные доводы не были достаточны для того, чтобы обосновать вмешательство в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения.

Тем не менее, во многих случаях, когда взгляды высказываются в агрессивных выражениях, сложно определить, действительно ли употребленные слова подстрекают либо могут истолковываться как подстрекание к насилию.

- В деле **Surek v Turkey (No. 1) (1999 г.)** в журнале, принадлежавшем первому заявителю, появилось интервью в двух частях со вторым заявителем, который являлся одним из руководителей запрещенной организации - Рабочей партии Курдистана (РПК). В этом интервью второй заявитель критиковал государственные власти за их роль в массовых убийствах на юго-востоке Турции. Он говорил о «резне» курдов со стороны Турции на севере и юго-востоке страны. Далее он утверждал, что курды будут продолжать сопротивляться турецким попыткам согнать их со своей земли. В статьях описывалась тактика борьбы с государственной властью, а вооруженное сопротивление оправдывалось. Речь шла о продолжении вооруженной борьбы, поскольку у курдов не было другого выхода. Любое обострение их борьбы было лишь ответом на обострение направленных против них военных действий со стороны государства. После одного из интервью четыре социалистические организации обратились ко «всем революционерам и демократам» с призывом «объединить силы» против государства, однако без упоминания вооруженной борьбы. Заявители были осуждены по ряду обвинений, связанных с терроризмом: первому заявителю было вынесено наказание в виде штрафа, а второму – в виде шести месяцев лишения свободы. Суд постановил, что факт дачи интервью руководящим членом запрещенной организации не мог сам по себе послужить основанием для вмешательства в отношении права заявителя на свободу выражения своего мнения. Резкая критика в адрес официальной политики и односторонний взгляд на причины неспокойной ситуации на юго-востоке Турции, а также возложение ответственности за нее лишь на одну из сторон тоже не могли служить основанием для вмешательства. В интервью содержался послыл: непримиримость и отказ от компромиссов с властями вплоть до достижения целей РПК. Однако Суд постановил, что статьи в целом не могут считаться подстрекательством к насилию или разжиганием ненависти. Скорее всего, жесткие формулировки отражали решимость противостоящей стороны в достижении своих целей и непреклонную позицию ее руководителей. Соответственно, интервью содержали сведения, имеющие новостную ценность, что дает общественности право ознакомиться с психологией лиц, представляющих собой движущую силу противодействия официальной политике на юго-востоке Турции, а также оценить позиции участников конфликта. Суд учел возможное воздействие статей с точки зрения обострения ситуации в регионе. Однако Суд отметил, что внутригосударственные органы власти не учли в достаточной степени право общественности ознакомиться с иной точкой зрения на ситуацию в южно-восточной части Турции, вне зависимости от того, насколько неприемлема эта позиция. Таким образом, Суд констатировал нарушение Статьи 10.
- В деле **Surek v Turkey (No. 1) (1999 г.)** заявителем выступал владелец журнала, опубликовавшего письма своих читателей, в которых содержались жесткие критические высказывания в связи с действиями государственных властей на юго-востоке Турции. В первом письме использовались такие фразы, как «фашистская турецкая армия», которая обвинялась в «резне» курдов. Письмо заканчивалось словами о том, что курды ничего не потеряют, а только выиграют в борьбе. Во втором письме использовались такие фразы, как: «наемные убийцы империализма», а также «резня», «бойня» и «зверства» в отношении курдов со стороны турецкого государства. Суд, отметив важность выражения политических взглядов и то, что пункт 2 Статьи 10 охватывает лишь небольшой круг случаев, допускающих ограничения выражения политических взглядов или полемики по вопросам, представляющим общественный интерес, постановил: компетентные государственные органы вправе принимать меры - даже в уголовном порядке - с целью надлежащим образом и без излишеств реагировать на подобные высказывания. Далее Суд отметил, что в случаях, когда подобные замечания подстрекают к насилию против частного или должностного лица или же направлены против определенной группы населения, при рассмотрении необходимости вмешательства в отношении свободы выражения своего мнения, пределы свободы усмотрения государственных властей становятся шире. Суд постановил, что тон писем представлял собой призыв к кровавому возмездию и «будоражил низменные эмоции, укрепляя укоренившиеся предрассудки, которые проявлялись в форме смертоносного насилия». Суд заявил, что на фоне неспокойной ситуации на юго-востоке Турции содержание

данных писем должно рассматриваться как подстрекательство к дальнейшему насилию в регионе путем насаждения глубокой и беспочвенной ненависти против тех, на кого возлагается ответственность за предполагаемые зверства. По мнению Суда, посыл читателям состоял в том, что использование насилия является необходимой и оправданной мерой самозащиты перед лицом агрессора. Далее в одном из писем некоторые личности указывались поименно, что могло разжечь ненависть к ним и, тем самым, поставить их под угрозу физического насилия. Суд отметил, что речь шла о разжигании ненависти и восхвалении насилия. При оценке соразмерности и обоснованности данного вмешательства с точки зрения приведенных существенных и достаточных доводов было необходимо рассмотреть характер и суровость вынесенного наказания. Суд отметил, что заявитель был приговорен лишь к выплате штрафа. В заключение, Суд постановил, что вмешательство было соразмерно преследуемой законной цели.

- В деле **Erdogdu v Turkey (2000 г.)** заявителем выступал редактор периодического издания, опубликовавшего статью, в которой высказывалась резкая критика в отношении государственной политики на юго-востоке Турции. Заявитель был признан виновным в преступной пропаганде сепаратизма. В статье употреблялись такие слова, как: «война», «конфликт», «вооруженный конфликт», «резня», «насилие» и «фашистский». Суд изучил каждое из этих слов в точном контексте, в котором оно было употреблено. Автор статьи осуждал выбранное государством «военное решение», состоящее в ведении «грязной войны против партизан» и даже в «открытой войне против курдского народа». Суд отметил, что, судя по содержанию и использованным выражениям, статья была написана в форме политической речи. Далее отмечено, что статья не предлагает «нейтрального» анализа событий на юго-востоке Турции, а преследует цель заклеить господствующую политическую идеологию турецкого государства, а также действия турецких властей в данном регионе. В заключении Суд заявил, что статья не выражает сочувствия Рабочей партии Курдистана и не поддерживает насилие. Несмотря на то, что использование таких слов, как «война» и «фашистский» придает некоторую резкость высказанной автором политической критике, тем не менее, Суд указал, что с точки зрения использованного в ней тона данную статью можно четко отличать от статей, рассмотренных в деле **Sürek (No. 1)**, поскольку здесь не содержится ничего, что может толковаться как «призыв к кровавому возмездию» или как посыл к читателям о том, что «использование насилия является необходимой и оправданной мерой самозащиты»

Вопрос

Какими критериями пользуются внутригосударственные суды для того, чтобы определить, являются ли использованные в определенных обстоятельствах формулировки подстрекательством к насилию?

6 ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В РАМКАХ КОНВЕНЦИИ

6.1 Значение права на свободу выражения своего мнение

Дело *Handyside v United Kingdom* (1976 г.)

49. Однако пункт 2 Статьи 10 не дает договаривающимся странам безграничную свободу усмотрения. Суд, который наряду с Комиссией отвечает за обеспечение соблюдения этими государствами своих обязательств (Статья 19), уполномочен вынести окончательное решение о том, совместимо ли данное «ограничение» или «наказание» с правом на свободу выражения своего мнения, защищенную Статьей 10. Таким образом, свобода усмотрения нераздельно связана с надзором на европейском уровне. Подобный надзор относится в равной степени к цели оспариваемой меры и к ее «необходимости», он охватывает не только основное законодательство, но и принятые по нему решения, даже если речь идет о решениях независимого суда. В этом отношении Суд ссылается на Статью 50 Конвенции («решение или мера принятая правовым органом или любым другим органом»), а также на свое собственное прецедентное право (см. постановление по делу «*Engel and others*» от 8-ого июня 1976 года, § 100).

Надзорные функции Суда обязывают его обращать самое пристальное внимание на принципы, характеризующие «демократическое общество». Свобода выражения является одной из важнейших основ подобного общества, одним из базовых условий для его прогресса и развития каждого человека. Согласно пункту 2 Статьи 10 (стат. 10-2), она применима не только в отношении «информации» или «идей», которые принимаются благоприятно либо не рассматриваются как оскорбительные или же воспринимаются нейтрально, но и в отношении таковых, которые являются оскорбительными, шокирующими или беспокоящими для государства или какого-либо сегмента населения. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно. Среди прочего это означает, что каждое «формальное требование», «условие», «ограничение» или «наказание» в этой области должно быть соразмерно преследуемой законной цели.

Дело *Müller and Others v Switzerland* (1988 г.)

27. По общему признанию в Статье 10 не уточняется, охватывает ли она свободу художественных форм выражения, однако, с другой стороны, в ней не выделяются и другие различные формы выражения. Из рассмотренных Судом дел следует, что Статья 10 включает в себя свободу художественного выражения, в частности, в рамках права свободно получать и передавать информацию и идеи, а также дает возможность публичного обмена культурной, политической и социальной информации, а также всякого рода идей. При необходимости подтверждению верности подобного толкования служит второе предложение пункта 1 Статьи 10, которое относится к «радиовещательным, телевизионным или кинематографическим предприятиям», т.е. к средствам массовой информации, чья деятельность распространяется на художественную сферу. Еще одно подтверждение того, что понятие свободы выражения своего мнения как таковое включает художественные формы выражения, можно также найти в пункте 2 Статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где в рамках права на свободу распространения информации и идей предусматривается - «в форме искусства».

6.2 Средства выражения

Дело *Vogt v Germany* (1995 г.)

43. Суд вновь повторяет, что право на поступление на государственную службу намеренно не было включено в Конвенцию. Следовательно, отказ в назначении на государственную службу не может, как таковой, послужить основанием для подачи жалобы в рамках Конвенции. Тем не менее, это не означает, что лицо, назначенное на государственную службу, не может подать жалобу в связи со своим отстранением от службы, если это нарушает его или ее права, предусмотренные Конвенцией. Государственные служащие не находятся вне действия Конвенции. В Статьях 1 и 14 Конвенции предусматривается, что каждый, находящийся «под юрисдикцией договаривающихся сторон», должен пользоваться правами и свободами, предусмотренными в Части 1 «без какой бы то ни было дискриминации». Более того, пункт 2 Статьи 11, позволяющий государствам налагать особые ограничения на свободу собраний и объединений лиц, «входящих в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства», как правило, подтверждает, что предусмотренные Конвенцией гарантии распространяются на государственных служащих (см. постановления по делу «*Glazenapp and Kosiek v. Germany*» от 28-ого августа 1986 года, серия А, т. 104, стр. 26, § 49 и т. 105, стр. 20, § 35). Соответственно, статус постоянного государственного служащего, приобретенный г-жой Фогт при назначении учительницей в среднюю школу, не лишил ее защиты, предусмотренной Статьей 10.

6.3 Свобода придерживаться своего мнения

Дело *Barthold v Germany* (1985 г.)

42. Пункт 1 Статьи 10 гласит, что свобода выражения своего мнения «включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи». Наложённые в настоящем деле ограничения связаны с упоминанием в каждом высказывании взглядов д-ра Бартольда о необходимости ночной ветеринарной службы г. Гамбурга определенных фактических данных и утверждений, касающихся, в частности, его личности и работы его клиники (см. выше § 18). Все эти различные компоненты накладываются друг на друга и создают некое целое, суть которого состоит в выражении «мнений» и распространении «информации» на тему, представляющую широкий интерес. Невозможно отделить от целого данные элементы, которые скорее относятся к манере подачи информации, нежели к ее сути, что согласно немецким судам производит эффект, схожий с рекламой. Это утверждение подтверждает тот факт, что публикация, ставшая причиной ограничения, была написана журналистом и не являлась коммерческой рекламой.

Суд соответственно считает, что Статья 10 применима и не видит необходимости рассматривать в рамках настоящего дела вопрос: охватывает ли сфера действия предусмотренных статьей гарантий рекламу подобную этой.

6.4 Свобода информации

Дело *Leander v Sweden* (1987 г.)

74. Суд замечает, что право на получение информации, по сути, запрещает государству ограничивать лицо в получении той информации, которую другие пожелают либо будут готовы передать ему. При обстоятельствах подобных тем, которые фигурируют в рассматриваемом деле, Статья 10 не предусматривает для отдельных лиц право допуска к записям, содержащим личные сведения о занимаемой ими должности, а также не возлагает на государство обязательств по предоставлению им подобной информации.

[Примечание: см. также § 52 решения по делу **Gaskin v United Kingdom (1989 г.)**].

6.5 Роль прессы и вещательных средств информации

Дело **Lingens v Austria (1986 г.)**

41. ...Эти принципы приобретают особое значение в том, что касается прессы. Хотя пресса и не должна преступать границ, установленных, в том числе, для «защиты репутации других лиц», тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим общественный интерес. Не только пресса призвана распространять подобную информацию и идеи, но и общественность вправе получать их (см. *mutatis mutandis* § 65 упомянутого выше постановления по делу «Sunday Times»).

[Примечание: см. также § 58 постановления по делу **Ozguur Gundem v Turkey (2000 г.)**]

Дело **Fressoz and Roire v France (1999 г.) (Постановление Большой Палаты)**

45. Суд обращает внимание на основные принципы судебной практики, связанные со статьей 10 Конвенции.

(i) Свобода выражения своего мнения является одной из фундаментальных основ демократического общества. Согласно пункту 2 Статьи 10 она применима не только в отношении «информации» или «идей», которые принимаются благоприятно либо не рассматриваются как оскорбительные или же воспринимаются нейтрально, но и в отношении таковых, которые являются оскорбительными, шокирующими или беспокоящими. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно (см. § 49 постановления по делу «Handyside...» и § 37 постановления по делу «Jersild...»).

(ii) Пресса играет значительную роль в демократическом обществе. Если она не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, а также в целях препятствования разглашению конфиденциальной информации, она обязана передавать, осознавая свои права и ответственность, информацию и идеи по всем вопросам, которые являются предметом общественного интереса (см. § 37 постановления по делу «De Haes et Gijssels...»). Кроме того, свобода журналистов подразумевает также некоторую степень преувеличения и даже провоцирования (см. § 38 постановления по делу «Prager et Oberschlick c. Autriche...»).

(iii) В целом, «необходимость» любого ограничения в отношении свободы выражения своего мнения должна быть убедительным образом обоснована. Как правило, национальные власти должны прежде всего оценить, существует ли «насущная общественная необходимость», которая оправдывает то или иное ограничение, и тут они пользуются определенной свободой усмотрения. Что же касается, как в данном деле, прессы, то здесь национальное право на свободу усмотрения ограничено интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободной прессы. Именно поэтому данный интерес будет преобладать при определении, согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции, соразмерности данного ограничения преследуемой законной цели (см. § 40 постановления по делу «Goodwin...» и § 47 постановления по делу «Worm v. Austria» от 29-ого августа 1997 года).

(iv) При осуществлении своей функции надзора Суд не ставит перед собой задачи подменить национальные органы власти, а скорее рассмотреть на предмет соответствия Статье 10 решения, принятые ими в пределах своей свободы усмотрения. Поступая подобным образом, Суд должен рассмотреть оспариваемое «вмешательство» в свете всего дела, для того, чтобы определить,

является ли цель, на которую ссылаются национальные органы власти для оправдания такого вмешательства, «существенной и достаточной» (см. среди прочего вышеупомянутое решение по делу «Goodwin...», стр. 500-01, § 40). [См. также § 59 решения по делу **Observer and Guardian v United Kingdom (1991 г.)**].

51. Не только пресса призвана распространять подобную информацию и идеи, но и общественность вправе получать их... (см. среди прочих источников, следующие постановления: «Observer and Guardian...» § 59; «Jersild...» § 31; и «De Haes and Gijssels...» § 39). Этот вопрос особенно остро был поставлен в данном деле, поскольку проблемы занятости и вознаграждения за работу всегда привлекают внимание общественности. Вот почему вмешательство в осуществление права на свободу прессы противоречит гарантиям Статьи 10 Конвенции, если такое вмешательство не оправдано насущной общественной необходимостью (см. стр. 500, § 39 постановления по упомянутому выше делу «Goodwin»).

Дело **Jersild v Denmark (1994 г.)**

31. Отличительной чертой настоящего дела является то, что сам заявитель не делал предосудительных заявлений, а лишь содействовал их распространению в качестве телевизионного журналиста, ответственного за программу новостей...

Суд вновь подчеркнул, что свобода слова является одной из главных опор демократического общества и что предоставляемые прессе гарантии имеют особое значение (там же). В то время как на прессу... возлагается задача распространять сведения и идеи, общественности предоставляется право получать их. Если бы дело обстояло иначе, то пресса не была бы в состоянии играть свою жизненно необходимую роль «стража общественных интересов» (там же). Эти принципы, хотя и были сформулированы прежде всего в отношении печатных средств информации, несомненно применимы и к аудиовизуальным средствам массовой информации.

При рассмотрении «обязанностей и ответственности» журналиста важным фактором является потенциальное воздействие соответствующего средства информации; повсюду признается, что аудиовизуальные средства массовой информации часто обладают значительно более непосредственным и мощным воздействием, чем печать (см. решение Комиссии о приемлемости дела «Purcell and Others v. Ireland» от 16 апреля 1991 года, жалоба № 15404/89...). Аудиовизуальные средства информации способны с помощью образов передавать смысл, который не в силах донести печатные средства информации.

Суд также отметил, что методы объективного и сбалансированного освещения событий могут значительным образом отличаться в зависимости от того или иного средства информации. Ни данному Суду, ни национальным судам не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к каким методам освещения событий следует прибегать журналистам. В этом контексте Суд напоминает, что Статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (см. постановление по делу «Oberschlick v. Austria» от 23 мая 1991 года... § 57).

Суду предстоит рассмотреть оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить, являются ли основания, выдвигаемые национальными властями в его оправдание, существенными и достаточными, и были ли использованные средства соразмерны преследуемой законной цели (см. вышеупомянутое постановление по делу «Observer and Guardian...» § 59). Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам Статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., например, постановление по делу «Schwabe v. Austria» от 28 августа 1992 года... § 29).

6.6 Ответственность государства

6.6.1 Позитивные обязательства

Дело *Ozgur Gundem v Turkey* (2000 г.)

42. Суд давно придерживается той позиции, что, хотя основной целью многих положений Конвенции является защита частных лиц от произвольного вмешательства со стороны органов государственной власти, в дополнение к этому могут существовать позитивные обязательства в отношении эффективного осуществления соответствующих прав. Суд считает, что подобные обязательства могут возникнуть в рамках Статьи 8 (см., среди прочих источников, постановление по делу «Gaskin...», §§ 42-49) и по Статье 11 (см. постановление по делу «Ärzte für das Leben...», § 32). Суд также указывает, что обязательства принимать меры по проведению действенного расследования усиливаются в контексте Статьи 2 (см., например, постановление по делу «McCann and Others v. the United Kingdom» от 27 сентября 1995 г... § 161) и Статьи 3 (см. постановление по делу «Assenov and Others v. Bulgaria» от 28 октября 1998 г... § 102), тогда как позитивное обязательство принимать меры для защиты жизни людей может возникнуть и в рамках Статьи 2 (см. постановление по делу «Osman v. the United Kingdom» от 28 октября 1998 г., §§ 115-17).

43. Суд подчеркивает ключевое значение свободы выражения своего мнения как одного из условий нормального функционирования демократии.

Подлинная и эффективная реализация права на свободу выражения зависит не только от невмешательства государства, но и может потребовать позитивных мер защиты со стороны государства даже в области взаимоотношений отдельных лиц (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «X and Y v. the Netherlands» от 26 марта 1985 г... § 23). Для определения наличия или отсутствия позитивного обязательства необходимо принимать во внимание равновесие, в котором должны поддерживаться интересы общества и индивидуума, что является лейтмотивом всей Конвенции. Сфера действия этого обязательства будет неизбежно варьироваться, учитывая многообразие ситуаций в договаривающихся государствах, трудности обеспечения правопорядка, с которыми сталкивается современное общество, а также выбор приоритетов и ресурсов. Более того, подобное обязательство не должно толковаться таким образом, чтобы накладывать на власти невозможное либо несоразмерное бремя (см., среди других источников, постановление по делу «Rees v. the United Kingdom» от 17 октября 1986 г... § 37 и постановление по делу «Osman v the United Kingdom», § 116). [Примечание: см. также дело *Appleby* §§ 39-40.]

44. В рассматриваемом деле власти знали о том, что газета *Ёзгюр Гюндем* и связанные с ней лица подвергались ряду насильственных действий, а заявители имели опасение на тот счет, что данные действия являлись преднамеренной попыткой воспрепятствовать публикации и распространению газеты. Однако подавляющее большинство поданных газетой и ее сотрудниками заявлений и просьб о защите так и остались без ответа.

6.7 Допустимые ограничения: лицензирование вещательных организаций

Дело *Groppera Radio AG and others v Switzerland* (1990 г.)

60. Внесение данного предложения на продвинутой стадии подготовки Конвенции было очевидно обусловлено техническими или практическими соображениями, такими, как ограниченное количество свободных частот и крупные капиталовложения, необходимые для строительства передатчиков. Здесь также были отражены политические соображения некоторых государств, а именно то, что вещательная деятельность должна быть прерогативой государства. С тех пор изменились взгляды, а технический прогресс, в частности в связи с возникновением кабельной трансляции,

привел к упразднению государственных монополий во многих европейских странах и к созданию частных радиостанций зачастую местного значения, которые дополнили соответствующие государственные службы. Более того, национальные системы лицензирования выполняют не только функцию надлежащего регламентирования вещательных предприятий на национальном уровне, но и должны следить за исполнением международного регламента, в том числе пункта номер 2020 Регламента радиовещания (см. выше § 35).

61. Однако следует принимать во внимание цель и предназначение третьего предложения пункта 1 Статьи 10, а также сферу его действия в контексте статьи в целом и, в частности, в связи с требованиями пункта 2 той же статьи.

В первых пунктах Статьях 8, 9 и 11 нет положения, равнозначного данному предложению, хотя их общее построение во многом схоже со Статьей 10. Данная формулировка не сильно отличается от последнего предложения пункта 2 Статьи 11. Однако в этом отношении эти две статьи (Статьи 10 и 11) отличаются по своей структуре: в пункте 1 Статьи 10 закреплены некоторые допустимые ограничения. В Статье 11, напротив, только в пункте 2 предусматривается возможность ограничения осуществления свободы объединений для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и административных органов государства, из чего следует, что требования первого предложения пункта 2 Статьи 11 не охватывают этих ограничений, за исключением правомерных ограничений. Таким образом, сравнение этих двух статей позволяет прийти к выводу, что третье предложение пункта 1 Статьи 10 имеет ограниченную сферу действия, поскольку является исключением из принципа, закрепленного в первых двух предложениях.

Суд замечает, что в Статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года не содержится положений, соответствующих третьему предложению пункта 1 Статьи 10. Предыстория обсуждения Статьи 19 свидетельствует о том, что внесение подобного положения в статью было предложено с целью лицензировать не содержание передаваемых сведений, а технические средства вещания, для предотвращения беспорядочного использования частот. Тем не менее, внесение данного положения встретило возражения на том основании, что оно могло использоваться для подавления свободы выражения, и, следовательно, было принято решение о его нецелесообразности, поскольку лицензирование в указанном смысле предусматривалось со ссылкой на обеспечение «общественного порядка» в пункте 3 данной статьи (см. документ N. A/5000 шестнадцатого заседания Генеральной ассамблеи ООН от 5-ого декабря, 1961 года, § 23).

Это подтверждает вывод о том, что цель третьего предложения пункта 1 Статьи 10 заключается в том, чтобы ясно определить право государства контролировать посредством системы лицензирования то, как организовывается вещание на его территории, в особенности, в технических аспектах. Тем не менее, это положение не предусматривает того, что при иных обстоятельствах лицензирование не подчиняется требованиям пункта 10 Статьи 2, поскольку это бы противоречило предмету и цели Статьи 2 в целом.

[Примечание: см. также дело **Autronic AG v Switzerland** (§ 52), дело **Informationsverein Lentia v Austria** (1993 г.) (§§ 29-33) и дело **Demuth v Switzerland** (2002 г.) (§§ 33-34).

6.8 Ограничения в отношении права на свободу выражения своего мнения в рамках пункта 2 Статьи 10

6.8.1 Предварительная цензура

Дело **Alinak v Turkey** (2005 г.)

37. В Статье 10 не предусматривается запрета как такового на предварительную цензуру. Это подтверждается такими словами, как: «условия», «ограничения», «препятствовать» и «предотвращение», которые используются в данной статье (см. выше постановление по делу «Sunday Times» (N. 1) и постановление по делу «Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany» от 20-ого ноября, 1989 года...). Тем не менее, предварительная цензура подразумевает ряд рисков, требующих самого пристального внимания Суда. Это в особенности касается прессы, поскольку новость является «скоропортящимся продуктом» и задержка в публикации, даже на короткий срок, может лишить ее ценности и интереса. Под угрозой этого могут оказаться не только периодические издания, но и другие публикации, освящающие злободневные темы.

38. Следовательно, Суд считает, что эти принципы могут быть в целом применимы к изданию книг и к другим письменным текстам (см. Постановление по делу «Association Ekin v. France» N. 39288/98, § 57, ЕКПЧ 2001 г. VIII).

6.8.2 Обязанности и ответственность

Дело **Handyside v United Kingdom** (1976 г.)

49. С другой точки зрения, любой человек при осуществлении своей свободы выражения мнения, несет «обязанности и ответственность», степень которых зависит от ситуации и технических средств, которые он использует. Суд не может игнорировать подобные «обязанности и ответственность», когда, старается выяснить, как в настоящем деле, служили ли данные «ограничения» или «санкции» «защите нравственности» и были ли они «необходимыми в демократическом обществе».

Дело **Erdogdu and Ince v Turkey** (1999 г.)

54. Суд подчеркивает, что «обязанности и ответственность», которые сопутствуют осуществлению права на свободу выражения своего мнения сотрудниками средств массовой информации «приобретают особую значимость в конфликтных и напряженных ситуациях». Требуется особая осмотрительность при публикации взглядов представителей организаций, прибегающих к насилию в адрес государства, чтобы не допустить случаев, когда средства массовой информации становятся посредником для распространения разжигающих неприязнь и подстрекающих к насилию заявлений. В то же время, если подобные взгляды не могут классифицироваться как таковые, то договаривающиеся государства не должны ограничивать право общественности на осведомленность со ссылкой на защиту территориальной целостности и национальной безопасности либо для предотвращения преступлений или беспорядков, направляя против средств массовой информации всю мощь уголовного законодательства.

6.8.3 Особая ответственность некоторых групп

Дело **Vogt v Germany** (1995 г.)

53. Эти принципы также применимы к государственным служащим. Хотя государство вправе, в силу их особого статуса, обязывать их к сдержанности, тем не менее, на государственных служащих, как и на других граждан, распространяется защита, предоставляемая Статьей 10 Конвенции.

Дело **Frankowicz v Poland** (2008 г.)

49. ...Между врачом и пациентом существуют особые отношения, основанные на доверии, конфиденциальности и уверенности в том, что первый употребит все свои знания и средства для обеспечения благосостояния последнего, что может подразумевать необходимость поддержания солидарности среди представителей этой профессии. С другой стороны, пациент вправе обратиться

к другому врачу, чтобы услышать второе мнение о полученном им лечении и получить справедливую и объективную оценку действий своего врача.

6.8.4 Вмешательства, предусмотренные законом

Дело **Rekvényi v Hungary** (1999 г.)

34. Согласно установленной практике суда, одно из требований, вытекающих из выражения «предусмотренный законом», заключается в предсказуемости. Таким образом, правовая норма может считаться «законом» только при условии, если она сформулирована с достаточной четкостью и позволяет гражданину регулировать свое поведение. Гражданин должен быть в состоянии увидеть, а если потребуется, то с соответствующей помощью и предвидеть, насколько это возможно при данных обстоятельствах, к чему может привести данное действие. Последствия его действий должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью, однако опыт показывает, что это недостижимо. Несмотря на то, что определенность весьма желательна, тем не менее, она может привести к чрезмерной непреклонности, тогда как закон должен идти в ногу с изменчивыми обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно изложены в формулировках, которые в большей или меньшей степени расплывчаты, в результате чего их толкование и применение относятся к судебной практике (см. постановление по делу «Sunday Times...» (N. 1) § 49, а также постановление по делу «Kokkinakis v. Greece» от 25-ого мая 1993 года...§ 40). Функция суда состоит именно в том, чтобы развеять подобные сомнения, связанные с разницей толкования (см. постановление по делу «Cantoni v. France» от 15-ого ноября 1996 года...§ 32). Требование к точности внутригосударственного законодательства - в любом случае не способно предусмотреть каждую возможность - в значительной степени зависит от содержания конкретного документа, его предназначенной сферы действия, а также от числа и статуса тех, кому он адресован (см. вышеприведенное постановление по делу «Vogt», стр. 24, § 48). Ввиду общего характера положений конституции, уровень точности, требующейся от них, гораздо ниже, чем в случае с другими законодательными нормами.

35.В практике Суда многократно отмечалось, что первичная задача толкования и применения внутригосударственных норм законодательства возложена на национальные органы власти (см., например, постановление по делу «Chorherr v. Austria» от 25-ого августа 1993 года, § 25).

Дело **Müller and Others v Switzerland** (1988 г.)

29. По мнению заявителя, используемое в пункте 1 Статьи 204 Уголовного кодекса Швейцарии слово «непристойный» имеет слишком расплывчатый смысл, чтобы человек мог руководствоваться им в своем поведении, и, следовательно, ни сам художник, ни организаторы выставки не могли предвидеть совершение ими правонарушений. Государство-ответчик и Комиссия не разделяют эту точку зрения.

Согласно прецедентной практике Суда «предсказуемость» является одним из условий, представляемых к требованиям, присущим выражению «предусмотренный законом» в пункте 2 Статьи 10 Конвенции. Таким образом, правовая норма может считаться «законом» только при условии, что она сформулирована с достаточной четкостью и позволяет гражданину регулировать свое поведение. Гражданин должен быть в состоянии увидеть, а если потребуется, то с соответствующей помощью и предвидеть, насколько это возможно при данных обстоятельствах, к чему может привести данное действие (см. постановление по делу «Olsson...» от 24-ого марта 1988 года, Серия A N. 130, стр. 30, § 61 (a)). Однако Суд уже указывал на невозможность достижения абсолютной точности в изложении законов, в особенности, в сферах, где ситуация меняется в зависимости от преобладающих в обществе взглядов (см. постановление по делу «Barthold...» от 25-ого марта 1985 года, Серия A N. 90, стр. 22, § 47). Необходимость избежать чрезмерной строгости и соответствовать

изменяющимся обстоятельствам приводит к тому, что многие законы, в той или иной степени, неизбежно излагаются в расплывчатых формулировках (см., например, вышеприведенное постановление по делу «Olsson» в том же месте). Уголовные законы о непристойном поведении входят в эту категорию.

В рассматриваемом случае следует также отметить, что имелся ряд последовательных решений, принятых Федеральным судом о «публикации» элементов «непристойного» характера (см. выше § 20). Эти решения, будучи доступными, ввиду их обнародования и ставшие прецедентом для судов более низкой инстанции, дополняли буквальное содержание пункта 1 Статьи 204 Уголовного Кодекса. Следовательно, осуждение заявителей было «предусмотрено законом» в смысле пункта 2 Статьи 10 Конвенции.

Дело **Hashman and Harrup v United Kingdom** (1999 г.)

37. Суд напоминает свое постановление по делу «Steel and Others...», в котором отмечалось, что выражение «хорошее поведение» является «особенно неточным и мало чем указывает на тот тип поведения, который будет считаться правонарушением» (в том же месте: стр. 2739-40, § 76). Эти соображения в равной степени применимы в настоящем деле с учетом того, что заявителям не было предъявлено обвинения в уголовном преступлении и не было установлено нарушения правопорядка с их стороны.

38. Суд отметил, что поведение «против добрых нравов» определяется во внутригосударственном законодательстве как поведение, которое «по мнению большинства живущих в одно время сограждан считается скорее неправильным, чем правильным» (см. выше пункт 13). Суд не может согласиться с государством-ответчиком в том, что данное определение имеет такой же объективный элемент, как и поведение «способное вызвать неудобство», ставшее предметом рассмотрения в деле «Chorherr...» (см. выше § 29). Суд считает, что для ответа на вопрос: «способно ли вызвать неудобство» данное поведение, следует обратиться к самой сути запрещенного поведения и определить, что его последствия способны причинить неудобство окружающим. В деле «Percy v. Director of Public Prosecutions» (см. выше § 11) схожим образом определяется нарушение спокойствия - как поведение, естественные последствия которого способны побудить других к насилию, т.е. поведение описывается со ссылкой на его последствия. Для сравнения: поведение, которое «по мнению большинства живущих в одно и то же время сограждан считается скорее неправильным, чем правильным» никоим образом не описывается, а лишь считается «неправильным» по мнению большинства граждан...

41. Таким образом, распоряжение, по которому заявителей обязывали не нарушать общественный порядок и не вести себя «против добрых нравов», не удовлетворяло требованиям пункта 2 Статьи 10 Конвенции по части ограничения «предусмотренного законом».

6.8.5 Законные цели

Дело **Zana v Turkey** (1997 г.)

50. Суд отмечает, что в своем интервью журналистам заявитель указал, что «поддерживает национальное освободительное движение РПК» (см. выше § 12) и, как указывает Комиссия, высказывания заявителя совпали с убийствами гражданских лиц боевиками РПК.

Суд учитывает, что на тот момент на юго-востоке Турции происходили серьезные беспорядки (см. выше §§ 10-11), и подобное заявление из уст хорошо известного в регионе политического деятеля могло стать основанием для действий, предпринятых национальными органами власти для обеспечения государственной безопасности и общественного порядка. Следовательно, оспариваемое в жалобе вмешательство было осуществлено в законных целях согласно пункту 2 Статьи 10.

Дело **Observer and Guardian v United Kingdom** (1991 г.)

56. Суд убедился в том, что наложенный запрет преследовал прямую и первичную цель «обеспечения авторитета правосудия», что включает в себя защиту интересов тяжущихся сторон (см. выше постановление по делу «Sunday Times...», Серия А т. 30, стр. 34, § 56)...

Бесспорно также, что дальнейшей целью оспариваемых ограничений была защита национальной безопасности. Суд лишь отмечает (Суд вернется к этому вопросу в нижеприведенном пункте 69), что точный характер соображений национальной безопасности менялся в течение времени.

Дело **Müller and Others v Switzerland** (1988 г.)

30. Государство-ответчик утверждало, что цель обжалованного вмешательства состояла в защите нравственности и прав других лиц...

Суд принимает, что Статья 204 Уголовного кодекса Швейцарии предназначена для защиты нравственности, и посему нет причин предполагать, что, применяя эту статью в данном случае, швейцарские суды преследовали какие-либо цели, несовместимые с Конвенцией. Более того, как отметила Комиссия, существует естественная связь между охраной нравственности и защитой прав других лиц.

Следовательно, осуждение заявителей преследовало законную цель в соответствии с пунктом 2 Статьи 10.

Дело **I.A. v Turkey** (2005 г.)

26. Следовательно, государство вправе законным образом посчитать необходимым принять такие меры, которые будут направлены на подавление определенных форм поведения, в том числе - распространения информации и идей, которые посчитает несовместимыми с правом других лиц на свободу мысли, совести и религии (см. в контексте Статьи 9 постановление по делу «Kokkinakis v. Greece» от 25-ого мая 1993 года и постановление по делу «Otto-Preminger-Institut...» § 47). Тем не менее, именно Суд вправе окончательно определить совместимость данного ограничения с Конвенцией после оценки обстоятельств рассматриваемого дела, чтобы, в числе прочего, установить, соответствовало ли указанное вмешательство «насущной общественной необходимости» (см. дело «Wingrove...» § 53 и «Murphy...» § 68).

27. Суду предстояло взвесить противоречащие соображения, исходящие из двух основных свобод, а именно: право заявителя публично распространять свои взгляды на религиозную доктрину с одной стороны и право других лиц на уважение своей свободы мысли, совести и религии - с другой (см. постановление по делу «Otto-Preminger-Institut...» § 55).

28. Плюрализм мнений, терпимость и широта взглядов являются отличительными чертами «демократического общества» (см. дело «Handyside...» § 49). Лица, по собственному выбору пользующиеся свободой публично практиковать религию, вне зависимости от того, принадлежат они к религиозному меньшинству или большинству, не могут разумно полагать, что будут освобождены от всякой критики. Они должны проявлять терпимость и считать приемлемым то, что другие могут отрицать их религиозные убеждения и даже распространять доктрины, враждебные для их веры (см. вышеприведенное постановление по делу «Otto-Preminger-Institut», стр. 17-18, § 47).

6.8.6 Ограничения, необходимые в демократическом обществе

Дело *Handyside v United Kingdom* (1976 г.)

48. Суд разъясняет, что механизм защиты, установленный Конвенцией, дополняет национальные системы защиты прав человека (постановление по существу по делу «Belgian Linguistic» от 23 июля 1968 года... § 10). В первую очередь Конвенция оставляет за каждым из договаривающихся государств задачу гарантировать закрепленные в ней права и свободы. Созданные в рамках Конвенции институты вносят свою лепту в решение этой задачи, но они подключаются только в спорных ситуациях, после того, как исчерпаны все внутригосударственные средства защиты (Статья 26).

В частности, эти замечания применимы к пункту 2 Статьи 10. В особенности, в рамках внутригосударственного права разных договаривающихся государств невозможно установить единую европейскую концепцию нравственности. Отношение к требованиям морали, изложенное в соответствующих законах, варьируется в зависимости от времени и места, особенно в нашу эпоху, отличающуюся стремительным и далеко идущим развитием взглядов по данному вопросу. Ввиду прямого и постоянного взаимодействия с жизненно важными силами своей страны, органы государственной власти находятся в более подходящем положении, нежели международный судья, чтобы определить точное содержания этих требований и «необходимость» «ограничения» или «санкции», предназначенных для их удовлетворения. В связи с этим Суд отмечает, что поскольку прилагательное «необходимый» в рамках значения пункта 2 Статьи 10 не является синонимом прилагательного «обязательный» (ср., в п. 2 Статьи 2 и п. 1 Статьи 6, словосочетания «абсолютно необходим» и «строго необходим», и в п. 1 статьи 15 фразы «в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств»), то оно не обладает гибкостью таких прилагательных, как «допустимый», «обычный» (ср. п. 3 статьи 4), «полезный» (ср. текст п. 1 Статьи 1 Протокола №1 на французском языке), «разумный» (ср. п. 3 статьи 5 и п. 1 статьи 6) или «желательный». Тем не менее, первичная оценка наличия насущной общественной потребности, лежащей в основе понятия «необходимость» в данном контексте, возложена на внутригосударственные органы власти.

Следовательно, пункт 2 Статьи 10 оставляет договаривающимся государствам определенную свободу усмотрения. Эта свобода усмотрения дается внутригосударственным законодательным органам («предусмотрено законом»), а также органам, в том числе судебным, призванным толковать и применять действующие законы (см. постановление по делу «Engel and others...» от 8 июня 1976 года, Серия А № 22, стр. 41-42, § 100; ср., п. 2 Статьи 8, постановление по делу «De Wilde, Ooms and Versyp...» от 18 июня 1971 года, Серия А № 12, стр. 45-46, § 93, и постановление по делу «Golder...» от 21 февраля 1975 года, Серия А № 18, стр. 21-22, § 45).

49. Однако пункт 2 Статьи 10 не дает договаривающимся странам безграничную свободу усмотрения. Суд, который наряду с Комиссией, отвечает за обеспечение соблюдения этими государствами своих обязательств (Статья 19), уполномочен вынести окончательное решение о том, совместимо ли данное «ограничение» или «наказание» с правом на свободу выражения своего мнения, защищенную Статьей 10. Таким образом, свобода усмотрения нераздельно связана с надзором на европейском уровне. Подобный надзор относится в равной степени к цели оспариваемой меры и к ее «необходимости», он охватывает не только основное законодательство, но и принятые по нему решения, даже если речь идет о решениях независимого суда. В этом отношении Суд ссылается на Статью 50 Конвенции («решение или мера принятая правовым органом или любым другим органом»), а также на свое собственное прецедентное право (Решение по делу «Engel and others» от 8-ого июня 1976 года, Серия А, т. 22, стр. 41-42, § 100)...

50. Из этого следует, что Суд не ставит перед собой задачи подменить национальные суды, а скорее рассмотреть на предмет соответствия Статье 10 решения, принятые ими в пределах своей свободы усмотрения.

Однако надзор Суда сводился бы, в целом, к фикции, если бы данные решения рассматривались обособленно. Суд должен рассматривать их в свете всего дела в целом, включая оспариваемую публикацию, учитывая доводы и доказательства, представленные заявителем внутригосударственным судебным органам, а затем - на международном уровне. Исходя из имеющихся в своем распоряжении данных, Суд должен решить, являются ли доводы, приведенные национальными властями для обоснования фактического «вмешательства», существенными и достаточными в рамках пункта 2 Статьи 10 (ср., п. 3 Статьи 5, постановление по делу «Wemhoff» от 27 июня 1968 года, Серия А № 7, стр. 24-25, § 12, постановление по делу «Neumeister» от 27 июня 1968 года, Серия А № 8, стр. 37, § 5, постановление по делу «Stögmüller» от 10 ноября 1969 года, Серия А № 9, стр. 39, § 3, постановление по делу «Matznetter» от 10 ноября 1969 года, Серия А № 10, стр. 31, § 3, и постановление по делу Рингайзен (Ringeisen) от 16 июля 1971 года, Серия А № 13, стр. 42, § 104). [Примечание: см. также § 44 постановления по делу **Arslan v Turkey (1999 г.)**]

Дело **Steel and Morris v United Kingdom (2005 г.)**

87. Основной вопрос, подлежащий определению, состоит в том, было ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе». основополагающие принципы, связанные с этим вопросом, хорошо закреплены в прецедентной практике и обобщенно приводятся ниже (см., например, постановление по делу «Hertel v. Switzerland» от 25-ого августа 1998 года, доклад 1998-VI, § 46):

«(i) Свобода выражения своего мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из базовых условий для его прогресса, а также для развития каждого человека. Согласно пункту 2 Статьи 10 она применима не только в отношении «информации» или «идей», которые принимаются благоприятно либо не рассматриваются как оскорбительные или же воспринимаются нейтрально, но и в отношении таковых, которые являются оскорбительными, шокирующими или беспокоящими. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых «демократическое общество» невозможно. Суд уже отмечал выше, что предусмотренные в Статье 10 исключения из этой свободы, должны толковаться в строгом смысле, а необходимость любых ограничений должна быть убедительным образом доказана...

(ii) В смысле, наделенном в пункте 2 Статьи 10, прилагательное «необходимый» подразумевает наличие «наущной общественной необходимости». Договаривающиеся государства пользуются определенной свободой усмотрения при оценке наличия подобной необходимости, однако эта свобода нераздельно связана с надзором на европейском уровне, который охватывает как законодательные нормы, так и решения, принятые на их основе, включая решения, принятые независимым судом. Следовательно, Суд уполномочен вынести окончательное решение о совместимости «ограничения» со свободой выражения своего мнения, защищенной Статьей 10.

(iii) При осуществлении своей функции надзора Суд не ставит перед собой задачи подменить национальные органы власти, а скорее рассмотреть на предмет соответствия Статье 10 решения, принятые ими в пределах своей свободы усмотрения. Это не означает, что надзор ограничивается тем, чтобы определить, разумно, осмотрительно и добросовестно ли воспользовалось государство-ответчик своей свободой усмотрения. Суд должен рассмотреть оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить, является ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», и являются ли доводы, приведенные национальными властями, «существенными и достаточными»... Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам Статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу...»

В своей практике Суд различает фактические утверждения и оценочные суждения. В то время как существование фактов может быть доказано, правдивость оценочных суждений не подлежит

доказательству. В случаях, когда заявление является оценочным суждением, соразмерность вмешательства может зависеть от существования достаточной фактической базы в основе оспариваемого заявления, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической базы может считаться чрезмерным (см., например, постановление по делу «*Feldek v. Slovakia*» от 12-ого июля 2001 г. доклад 2001-VIII, §§ 75-76).

6.9 Выражение политических взглядов и интересов общественности

6.9.1 Выражение политических взглядов

Дело *Lingens v Austria* (1986 г.)

42. Свобода прессы дает общественности еще одну возможность узнать мысли и позиции своих политических руководителей и сформировать свое мнение о них. В более общей формулировке: свобода политической полемики является фундаментом демократического общества и лейтмотивом всей Конвенции.

Следовательно, пределы приемлемой критики в отношении политического деятеля шире, чем в отношении частного лица. В отличие от частных лиц, политик неизбежно и сознательно открывает себя для пристального изучения каждого своего слова и поступка, как со стороны журналистов, так и со стороны широкой общественности и, следовательно, должен проявлять более высокую степень терпимости. Пункт 2 Статьи 10, несомненно, предусматривает защиту репутации остальных, т.е. всех лиц, и эта защита распространяется также на политических деятелей, даже когда они не действуют в частном порядке. Однако в подобных случаях, требования этой защиты должны взвешиваться в сравнении с интересами открытого обсуждения политических вопросов.

Дело *Castells v Spain* (1992 г.)

42. ...хотя свобода выражения своего мнения важна для каждого, она в особенности важна для избранного представителя народа. Он выступает от имени своих избирателей, обращает внимание на заботящие их вопросы, а также отстаивает их интересы. Соответственно, вмешательство в отношении свободы выражения своего мнения со стороны члена парламента от оппозиции требует самого пристального внимания Суда.

43. ...В этой связи не следует забывать ведущую роль прессы в правовом государстве. Несмотря на то, что пресса не должна преступать определенных границ, установленных, в том числе, с целью предотвращения беспорядков и защиты репутации других лиц, тем не менее, на нее возлагается обязанность передавать информацию и идеи по политическим и иным вопросам, представляющим общественный интерес (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «*Sunday Times...*» § 65 и постановление по делу «*Observer and Guardian...*» § 59 (b)).

6.9.2 Выражение общественных интересов

Дело *Prager and Oberschlick v Austria* (1995 г.)

34. Суд вновь напоминает, что пресса играет ведущую роль в правовом государстве. Несмотря на то, что пресса не должна преступать определенных границ, установленных, в том числе, с целью предотвращения беспорядков и защиты репутации других лиц, тем не менее, на нее возлагается обязанность передавать информацию и идеи по политическим и иным вопросам, представляющим общественный интерес (см. *mutatis mutandis* постановление по делу «*Castells v. Spain*» от 23 апреля 1992 г. Серия А, т. 236, стр. 23, § 43)

Безусловно, это относится и к вопросам, касающимся функционирования системы правосудия — учреждения, жизненно важного для любого демократического общества. Пресса является одним из инструментов, с помощью которого политические деятели и общественность могут проверить, исполняют ли судьи свои нелегкие обязанности в соответствии с вверенной им миссией.

Однако следует учитывать особую роль судебных органов в обществе. Выступая гарантом правосудия - основополагающей ценности правового государства, судебные органы должны пользоваться доверием общественности, чтобы с успехом исполнять вверенные им обязанности. Следовательно, может возникнуть необходимость защитить это доверие от необоснованных и пагубных нападок, особенно ввиду того обстоятельства, что судьи обязаны проявлять сдержанность, не позволяющую им отвечать на критику.

6.10 Общие принципы ограничений на выражение политических взглядов и общественных интересов.

Дело Arslan v Turkey (1999 г.)

46. Суд напоминает, что Статья 10 охватывает лишь небольшой круг случаев, допускающих ограничение политических высказываний или обсуждений по вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу «Wingrove v. the United Kingdom» от 25-ого ноября 1996 года, доклад 1996-V, стр. 1957, § 58). Более того, пределы допустимой критики в адрес правительства шире, нежели в отношении частного гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или бездействия государства должны находиться под пристальным вниманием не только законодательных и судебных властей, но и общественного мнения. Более того, главенствующая позиция государства требует от него сдержанности в вопросе уголовного преследования, в частности, там, где можно отреагировать на необоснованные выпады и критические замечания своих оппонентов или средств массовой информации другими способами. Тем не менее, компетентные государственные органы, выполняя свою миссию по обеспечению общественного порядка, вправе принимать меры (даже в уголовном порядке) с целью надлежащим образом и без излишеств отреагировать на подобные высказывания (см. постановление по делу «Incal v. Turkey» от 9-ого июня 1998 года, доклад-IV, стр. 1567, § 54). И, наконец, в случаях, когда подобные замечания подстрекают к насилию против частного или должностного лица или же направлены против определенной группы населения, при рассмотрении необходимости вмешательства в отношении свободы выражения своего мнения пределы свободы усмотрения государственных властей становятся шире.

47. Суд будет принимать во внимание предысторию дел, представленных ему на рассмотрение, в особенности, в связи с проблемой предотвращения терроризма (см. вышеупомянутое постановление по делу «Incal...» стр. 1568, § 58)...

48. Тем не менее, Суд отмечает, что заявитель является частным лицом, и его взгляды стали достоянием общественности посредством литературного произведения, а не через средства массовой информации, что в значительной степени ограничивает их воздействие на «национальную безопасность» и «территориальную целостность»...

49. Суд отмечает в этой связи, что при оценке соразмерности данного вмешательства необходимо принимать во внимание характер и суровость вынесенного наказания.

Дело Krone Verlag GmbH KG v Austria (2002 г.)

30. Суд вновь подчеркивает, что в соответствии с его судебной практикой государства-участники Конвенции обладают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости своего

вмешательства, но это свобода подлежит надзору на европейском уровне, как в отношении соответствующих норм, так и в отношении принимаемых на их основе решений (см. упомянутое выше дело «Markt intern Verlag GmbH and Klaus Beermann», стр. 20, § 33). Вопрос о свободе усмотрения особенно существен в столь сложной и переменчивой сфере, как недобросовестная конкуренция. Это так же верно и в отношении рекламы. Таким образом, задача Суда состоит в том, чтобы установить, являются ли в принципе обоснованными и соразмерными меры, принятые на национальном уровне (см. постановление по делу «Casado Coca v. Spain»... § 50).

31. Для общественности реклама является способом получения информации о свойствах предлагаемых товаров и услуг. Тем не менее, в некоторых случаях реклама может подвергаться ограничениям, в особенности в целях предотвращения недобросовестной конкуренции или недостоверных, либо вводящих в заблуждение сведений. В некоторых ситуациях публикация даже объективной, правдивой рекламы может ограничиваться с целью обеспечить соблюдение прав других лиц или ввиду особых обстоятельств, присущих отдельным разновидностям хозяйственной или профессиональной деятельности. Однако любые ограничения такого рода должны быть внимательно рассмотрены Судом, который призван соотнести указанные специфические требования с содержанием конкретной рекламы. С этой целью Суд должен рассмотреть оспариваемые санкции в свете всего дела в целом (см. вышеупомянутое дело *Casado Coca*, § 51).

6.10.1 Диффамация и схожие ограничения

6.10.1.1 Фактические и оценочные суждения

Дело *Pedersen and Baadgard v Denmark* (2004 г.),

76. Для оценки обоснованности оспариваемого заявления следует провести разграничение между фактическими утверждениями и оценочными суждениями: существование фактов можно продемонстрировать, а справедливость оценочных суждений доказательству не подлежит. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантированного Статьей 10 (см., например, постановление по делу «Lingens...» § 46, и постановление по делу «Oberschlick...» (н. 1) § 63). Вопрос классификации утверждения как фактического или оценочного суждения в первую очередь подпадает под пределы свободы усмотрения национальных органов власти, в частности, внутригосударственных судов (см. вышеупомянутое дело «Prager and Oberschlick», § 36). Однако даже в случае, если утверждение приравнивается к оценочному суждению, соразмерность вмешательства может зависеть от наличия достаточных фактических оснований для опровергаемого утверждения, поскольку в противном случае оно может считаться чрезмерным (постановление по делу «Jerusalem v. Austria»)...

77. В репортажах, основанных на интервью, следует проводить различие между утверждениями самого журналиста и цитатами из высказываний других лиц, поскольку наказание журналиста за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, серьезно повредит участию прессы в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно рассматриваться в отсутствие особенно веских причин (см. постановление по делу «Jersild...», § 35). Более того, общее требование к журналистам систематически и формально дистанцироваться от содержания цитаты, способной оскорбить или провоцировать других лиц, а также навредить их репутации, несовместимо с ролью прессы как поставщика сведений о текущих событиях, взглядах идеях (см., например, постановление по делу «Thoma v. Luxembourg» § 64)...

78. Суд отмечает, что в этом отношении защита права журналистов на получение информации по вопросам, представляющим общественный интерес, требует от них добросовестности, проверенной фактической базы и наличия «достоверных и точных» сведений в соответствии с журналистской этикой (см., например, постановление по делу «Fressoz and Roire», § 54, постановление по делу «Bladet Tromsø and Stensaas» § 58, и постановление по делу «Prager and Oberschlick», § 37). Согласно положениям пункта 2 Статьи 10 Конвенции свобода выражения своего мнения предусматривает «обязанности и ответственность», которые также возлагаются на средства массовой информации, даже если речь идет о вопросах, представляющих глубокую озабоченность общества. Более того, эти «обязанности и ответственность» приобретают особое значение, когда речь идет о нападках на репутацию некоего названного лица или о нарушении «прав других лиц». Таким образом, требуются особые причины, чтобы освободить средства массовой информации от возложенных на них обычных обязанностей, связанных с проверкой фактических утверждений, порочащих репутацию частных лиц. Наличие подобных обстоятельств зависит, в частности, от характера и степени порочащих заявлений и от того, насколько надежными могут считаться эти источники для средств массовой информации с точки зрения озвученных обвинений (см. среди прочих источников постановление по делу «McVicar v. the United Kingdom», т. 46311/99, § 84 и постановление по делу «Bladet Tromsø...», § 66). С точки зрения предстоящего Суду уравнивания противоречащих интересов следует учитывать тот факт, что согласно пункту 2 Статьи 6 Конвенции, лица имеют право на презумпцию невиновности по любым обвинениям в уголовном преступлении пока их вина не будет доказана (см., среди прочих источников, постановление по делу «Worm v. Austria» от 29-ого августа 1997 г., §50 и постановление по делу «Du Roy and Malaurie v. France», т. 34000/96, § 34... [Примечание: см. также дело **Grinberg v Russia (2005г.)**, §§ 28-34.]

6.10.2 Критика в адрес правоохранительных органов, судебных органов и вооруженных сил

Дело **Kyprianou v Cyprus (2005 г.)**

172. Фраза «авторитет правосудия» включает в себя, в частности, понятие того, что суды являют собой и воспринимаются широкой общественностью как надлежащее место для улаживания правовых споров и для определения вины или невиновности лица, обвиненного в уголовном преступлении (см. постановление по делу «Worm v. Austria» от 29-ого августа 1997 г., ..., § 40). С точки зрения авторитета правосудия на карту поставлено доверие, которое суды в демократическом обществе должны внушать обвиняемому и широкой общественности, когда речь идет об уголовном разбирательстве (см. *mutatis mutandis*, среди прочих источников, постановление по делу «Feu v. Austria» от 24-ого февраля 1993 года...стр. 12).

173. Ввиду особого статуса адвокатов, им отводится ключевая роль в отправлении правосудия в качестве посредников между общественностью и судами. Этим их положением объясняются привычные ограничения, предусмотренные для членов коллегии. Следовательно, учитывая их ключевую роль в этой сфере, было бы разумно ожидать, что адвокаты будут способствовать надлежащему отправлению правосудия и, тем самым, будут поддерживать доверие общественности (см. постановление по делам «Amihalachioaie v. Moldova», т. 60115/00, § 27...«Nikula v. Finland», § 45 и «Schöpfer v. Switzerland»... §§ 29-30 с дальнейшими ссылками).

174. Статья 10 защищает не только суть выражаемых идей и сведений, но и форму, в которой они передаются. Несмотря на то, что адвокаты имеют все права на публичные высказывания относительно отправления правосудия, их критика не должна выходить за определенные рамки. Более того, свобода выражения адвокатами своего мнения в зале суда не безгранична, и некоторые интересы такие, как авторитет правосудия, достаточно значимы для того, чтобы обосновать наложение ограничений на это право. Тем не менее, даже если вынесение приговора, в принципе, является прерогативой национальных судов, Суд приводит свою прецедентную практику в напоминовение

о том, что ограничение свободы выражения своего мнения со стороны адвоката защиты, даже в форме мягкого наказания, может быть сочтено необходимым в демократическом обществе только при исключительных обстоятельствах (см. постановление по делу «Nikula v. Finland», §§ 54-55).

175. Становится очевидно, что адвокаты, защищающие интересы своих клиентов в суде, в частности, в контексте состязательного уголовного разбирательства, могут оказаться в нелегком положении, решая с учетом интересов своего клиента, следует ли им протестовать или жаловаться в связи с действиями суда. Вынесение наказания, связанного с лишением свободы, по своему характеру возымеет «сдерживающий эффект» не только для данного адвоката, но и для всей профессии в целом (см. постановление по делу «Nikula v. Finland»... §§ 54 и постановление по делу «Steur v. the Netherlands»...§ 44). Например, они могут почувствовать себя стесненными в выборе процессуальных средств защиты в ходе судебного разбирательства - возможно во вред интересам своего клиента. Чтобы общественность испытывала доверие к отправлению правосудия, она должна верить в возможность эффективного представления своих интересов со стороны юристов. Вынесение наказания, связанного с лишением свободы, адвокату защиты при некоторых обстоятельствах может отразиться не только на правах самого адвоката, но и на правах его клиента в рамках Статьи 6 Конвенции (см. постановление по делу «Nikula v. Finland», § 49 и постановление по делу «Steur v. the Netherlands», § 37). Из этого следует, что «сдерживающий эффект» является важным фактором, который следует принимать во внимание при уравнивании интересов судов и адвокатов в контексте действенного отправления правосудия.

УКАЗАТЕЛЬ ДЕЛ

Albert-Engelmann-Gesellschaft mbH v Austria (2006 г.) (Appl. no. 46389/99, 19 January 2006)	44
Alinak v Turkey (2005 г.) (Appl. no. 40287/98, 29 March 2005)	7, 73
Appleby and Others v United Kingdom (2003 г.) (Appl. no. 44306/98, 6 May 2003)	12
Arslan v Turkey (1999 г.) (Appl. no. 23462/94, 08 July 1999)	43, 52, 79, 81
Autronic AG v Switzerland (1990 г.) (Appl. no. 12726/87, 22 May 1990)	3, 14, 33
Barfod v Denmark (1989 г.) (Appl. no. 11508/85, 22 February 1989)	34
Barthold v Germany (1985 г.) (Appl. no. 8734/79, 25 March 1985)	8, 49, 54, 69
Bladet Tromso and Stensaas v Norway (1999 г.) (Appl. no. 21980/93, 20 May 1999)	18, 49, 56
Brasilier v France (2006 г.) (Appl. no. 71343/01, 11 April 2006)	53
Busuioc v Moldova (2004 г.) (Appl. no. 61513/00, 21 December 2004)	65
Casado Coca v Spain (1994 г.) (Appl. no. 15450/89, 24 February 1994)	11, 20
Castells v Spain (1992 г.) (Appl. no. 11798/85, 23 April 1992)	30, 47, 52, 80
Constantinescu v Romania (2000 г.) (Appl. no. 28871/95, 27 June 2000)	62
Csanics v Hungary (2009 г.) (Appl. no. 12188/06, 20 April 2009)	50, 58
Cumpana and Mazare v Romania (2004 г.) (Appl. no. 33348/96, 17 December 2004)	51
Damann v Switzerland (2006 г.) Appl. no. 77551/01, 25 April 2006)	39
De Haes and Gijssels v Belgium (1997 г.) (Appl. no. 19983/92, 24 February 1997)	49, 63
Demuth v Switzerland (2002 г.) (Appl. no. 38743/97, 5 November 2002)	15
Dichard and Others v Austria (2002 г.) (Appl. no. 29271/95, 26 February 2002)	59
Du Roy-Malaurie v France (2000 г.) (Appl. no. 34000/96, 3 October 2000)	35
Duzgoren v Turkey (2006 г.) (Appl. No. 56827/00, 9 November 2006)	26
Eerikainen and Others v Finland (2009 г.) (Appl. no. 3514/02, 13 March 2009)	55
Egeland and Hanseid v Norway (2009 г.) (Appl. no. 34438/04, 16 April 2009)	32, 37
Engel v Netherlands (1976 г.) (Appl. Nos. 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72, 8 June 1976)	3
Erdogdu and Ince v Turkey (1999 г.) (Appl. nos. 25067/94 and 25068/94, 8 July 1999)	18, 74
Erdogdu v Turkey (2000 г.) (Appl. no. 25723/94, 15 June 2000)	67
Ergin v Turkey (No.6) (2006 г.) (Appl. No. 47533/99, 4 May 2006)	26
Feldek v Slovakia (2001 г.) (Appl. no. 29032/95, 12 July 2001)	60
Frankowicz v Poland (2008 г.) (Appl. no. 53025/99, 16 December 2008)	40, 50, 74
Fressoz and Roire v France (1999 г.) (Appl. no. 29183/95, 21 January 1999)	33, 70
Garaudy v France (2003 г.) (Appl. no. 65831/01, 26 June 2003)	6
Gaskin v United Kingdom (1989 г.) (Appl. no. 10454/83, 7 July 1989)	9, 70
Gaweda v Poland (2002 г.) (Appl. no. 26229/95, 14 March 2002)	23
Giniewski v France (2006 г.) (Appl. no. 64016/00, 31 January 2006)	31, 44
Glimmerveen and Hagenbeek v Netherlands (1979 г.) (Appl. nos. 8348/78 & 8406/78, 11 October 1979)	5
Goodwin v United Kingdom (1996 г.) (Appl. no. 17488/90, 27 March 1996)	3, 30, 43
Grinberg v Russia (2005г.) (Appl. no. 23472/03, 27 July 2005)	83
Groppera Radio AG v Switzerland (1990 г.) (Appl. no. 10890/84, 28 March 1990)	7, 14, 24, 28, 72
Guja v Moldova (2008 г.) (Appl. no. 14277/04, 12 February 2008)	17, 37, 40, 49, 64
Gunduz v Turkey (2003 г.) (Appl. no. 35071/97, 4 December 2003)	5
Handyside v United Kingdom (1976 г.) (Appl. no. 5493/72, 7 December 1976)	1, 2, 4, 17, 29, 37, 38, 42, 68, 74, 78
Hashman and Harrup v United Kingdom (1999 г.) (Appl. no. 25594/94, 25 November 1999)	22, 76
I.A. v Turkey (2005 г.) (Appl. no. 42571/98, 13 September 2005)	31, 77

Incal v Turkey (1998 г.) (Appl. no. 22678/93, 9 June 1998)	28, 39
Independent News and Media and Independent Newspapers Ireland Limited v Ireland (2005 г.) (Appl. no. 55120/00, 16 June 2005)	39
Informationsverein Lentia v Austria (1993 г.) (Appl. nos. 13914/88, 15041/89, 15717/89, 15779/89 and 17207/90, 24 November 1993)	11, 14, 15, 73
Janowski v Poland (1999 г.) (Appl. no. 25716/94, 21 January 1999)	20, 27, 48, 65
Jersild v Denmark (1994 г.) (Appl. no. 15890/89, 23 September 1994)	3, 6, 17, 18, 71
Jerusalem v Austria (2001 г.) (Appl. no. 26958/95, 27 February 2001)	48, 59, 61
Juppala v Finland (2009 г.) (Appl. no. 18620/03, 02 March 2009)	45, 58
Karhuvaara and Iltalehti v Finland (2004 г.) (Appl. no. 53678/00, 16 November 2004)	38, 51
Kenedi v Hungary (2009 г.) (Appl. no. 31475/05, 26 August 2009)	10, 23
Klein v Slovakia (2006 г.) (Appl. no. 72208/01, 31 October 2006)	31
Kobenter and Standard Verlags GMBH v Austria (2006 г.) (Appl. no. 60899/00, 2 November 2006)	36
Koc and Tambas v Turkey (2006 г.) (Appl. no. 50934/99, 21 March 2006)	40
Krone Verlag GmbH KG v Austria (2002 г.) (Appl. no. 34315/96, 26 February 2002)	54, 81
Kudeshkina v Russia (2009 г.) (Appl. no. 29492/05, 14 September 2009)	64
K. v Austria (1993 г.) (Appl. no. 16002/90, 2 June 1993)	8
Kwicien v Poland (2007 г.) (Appl. no. 51744/99, 9 January 2007)	48
Kyprianou v Cyprus (2005 г.) (Appl. no. 73797/02, 15 December 2005)	64, 83
Leander v Sweden (1987 г.) (Appl. no. 9248/81, 26 March 1987)	8, 9, 13, 69
Lehideux and Isorni v France (1998 г.) (Appl. no. 55/1997/839/1045, 23 September 1998)	5
Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v France (2007 г.) (Appl. no. 21279/02 and 36448/02, 22 October 2007)	61
Lingens v Austria (1986 г.) (Appl. no. 9815/82, 8 July 1986)	46, 70, 80
Lopes Gomes da Silva v Portugal (2000 г.) (Appl. no. 37698/97, 28 September 2000)	55, 56
Malisiewicz-Gąsior v Poland (2006 г.) (Appl. no. 43797/98, 6 April 2006)	53
Marchenko v Ukraine (2009 г.) (Appl. no. 4063/04, 19 May 2009)	41
Margareta and Roger Andersson v Sweden (1992 г.) (Appl. no. 12963/87, 25 February 1992)	23
Markt Intern Verlag GmbH v Germany (1989 г.) (Appl. no. 10572/83, 20 November 1989)	7
Müller and Others v Switzerland (1988 г.) (Appl. no. 10737/84, 24 May 1988)	4, 7, 20, 22, 29, 68, 75, 77
Murphy v Ireland (2003 г.) (Appl. no. 44179/98, 10 July 2003)	29
News Verlags GmbH and COKG v Austria (2000 г.) (Appl. no. 31457/96, 11 January 2000)	7
Nikula v Finland (2002 г.) (Appl. no. 31611/96, 21 March 2002)	63
Nilsen and Johnsen v Norway (1999 г.) (Appl. no. 23118/93, 25 November 1999)	57
Oberschlick (No. 2) v Austria (1997 г.) (Appl. no. 20834/92, 1 July 1997)	55
Observer and Guardian v United Kingdom (1991 г.) (Appl. No. 13585/88, 26 November 1991)	20, 26, 37, 42, 71, 77
Open Door Counselling and Dublin Well Woman v Ireland (1992 г.) (Appl. nos. 14234/88 & 14235/88, 29 October 1992)	7, 9, 29
Otto-Preminger-Institut v Austria (1994 г.) (Appl. no. 13470/87, 20 September 1994)	7, 18, 20, 30
Ozgur Gundem v Turkey (2000 г.) (Appl. no. 23144/93, 16 March 2000)	12, 70, 72
Ozler v Turkey (2002 г.) (Appl. no. 25753/94, 11 July 2002)	27
P4 Radio Hele Norge v Norway (2003 г.) (Appl. no. 76682/01, 6 May 2003)	36
Paturel v France (2005 г.) (Appl. no. 54968/00, 22 December 2005)	43
Pedersen and Baadsgard v Denmark (2004 г.) (Appl. no. 49017/99, 17 December 2004)	19, 82
Perna v Italy (2003 г.) (Appl. no. 48898/99, 06 May 2003)	35, 63
Piermont v France (1995 г.) (Appl. nos. 15773/89 and 12774/89, 27 April 1995)	27
Prager and Oberschlick v Austria (1995 г.) (Appl. no. 15974/89, 27 April 1995)	49, 61, 80
Raichinov v Bulgaria (2006 г.) (Appl. no. 47579/99, 20 April 2006)	57

Rekvényi v Hungary (1999 г.) (Appl. no. 25390/94, 20 May 1999)	22, 25, 75
Roche v United Kingdom (2005 г.) (Appl. no. 32555/96, 19 October 2005)	9
Roemen and Schmit v Luxembourg (2003 г.) (Appl. no. 51772/99, 25 February 2003)	43
Roseiro Bento v Portugal (2006 г.) (Appl. no. 29288/02, 18 April 2006)	47
Salov v Ukraine (2005 г.) (Appl. no. 65518/01, 6 September 2005)	4
Schopfer v Switzerland (1998 г.) (Appl. no. 25405/94, 20 May 1998)	62
Sdružení Jihočeské Matky v la République tchèque (2006 г.) (Appl. no. 19101/03, 10 July 2006)	9
Selisto v Finland (2004 г.) (Appl. no. 56767/00, 16 November 2004)	19
Sener v Turkey (2000 г.) (Appl. no. 26680/95, 18 July 2000)	20, 39
Shabanov and Tren v Russia (2006 г.) (Appl. no. 5433/02, 4 December 2006)	60
Silver v United Kingdom (1983 г.) (Appl. no. 5947/72, etc. 25 March 1983)	23
Skałka v Poland (2003 г.) (Appl. no. 43425/98, 27 May 2003)	39
Smith and Grady v United Kingdom (1999 г.) (Appl. no. 33985/96, 27 September 1999)	10
Sorguç v Turkey (2009 г.) (Appl. no. 17089/03, 23 September 2009)	45
Stambuk v Germany (2002 г.) (Appl. no. 37928/97, 17 October 2002)	29
Standard Verlagsgesellschaft MBH (No.2) v Austria (2007 г.) (Appl. no. 37464/02, 22 May 2007)	32
Standard Verlags GmbH v. Austria (No. 2) (2009 г.) (Appl. no. 21277/05, 4 September 2009)	51
Steel and Morris v United Kingdom (2005 г.) (Appl. no. 68416/01, 15 February 2005)	41, 79
Steel and Others v United Kingdom (1998 г.) (Appl. no. 24838/94, 23 September 1998)	28
Stoll v Switzerland (2007 г.) (Appl. no. 69698/01, 10 December 2007)	33
Sunday Times v United Kingdom (No.1) (1979 г.) (Appl. no. 6538/74, 26 April 1979)	3, 9, 19, 21, 34, 35
Surek v Turkey (No. 1) (1999 г.) (Appl. no. 26682/95, 8 July 1999)	27, 66
Surek v Turkey (No. 2) (1999 г.) (Appl. no. 24122/94, 8 July 1999)	65
Tammer v Estonia (2001 г.) (Appl. no. 41205/98, 6 February 2001)	50, 55
Társaság a Szabadságjogokért v Hungary (2009 г.) (Appl. no. 37374/05, 14 April 2009)	9
Thorgeirson v Iceland (1992 г.) (Appl. no. 13778/88, 25 June 1992)	49, 56, 61
Tolstoy Miloslavsky v United Kingdom (1995 г.) (Appl. no. 18139/91, 13 July 1995)	20, 30, 38
Tonsbergs Blad As and Haukom v Norway (2007 г.) (Appl. no. 510/04, 1 June 2007)	32
Tourancheau and July v France (2005 г.) (Appl. no. 53886/00, 24 November 2005)	36
Unabhängige Initiative Informations Vielfalt v Austria (2002 г.) (Appl. No. 28525/95, 26 February 2002)	3
Vereinigung Demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v Austria (1994 г.) (Appl. no. 15153/89, 19 December 1994)	16
Vereniging Weekblad Bluf! v Netherlands (1995 г.) (Appl. no. 16612/90, 9 February 1995)	20, 26
Vogt v Germany (1995 г.) (Appl. no. 17851/91, 2 September 1995)	3, 17, 69, 74
VSDO and Gubi v Austria (1994 г.) (Appl. no. 15153/89, 19 December 1994)	20, 28
Weber v Switzerland (1990 г.) (Appl. no. 11034/84, 22 May 1990)	35
Wingrove v United Kingdom (1996 г.) (Appl. no. 17419/90, 25 November 1996)	4, 29
Yagmurdereli v Turkey (2002 г.) (Appl. no. 29590/96, 4 June 2002)	27
Young, James and Webster v United Kingdom (1981 г.) (Appl. nos. 7601/76 and 7806/77, 26 June 1981)	8
Zana v Turkey (1997 г.) (Appl. no. 18954/91, 25 November 1997)	25, 38, 39, 76